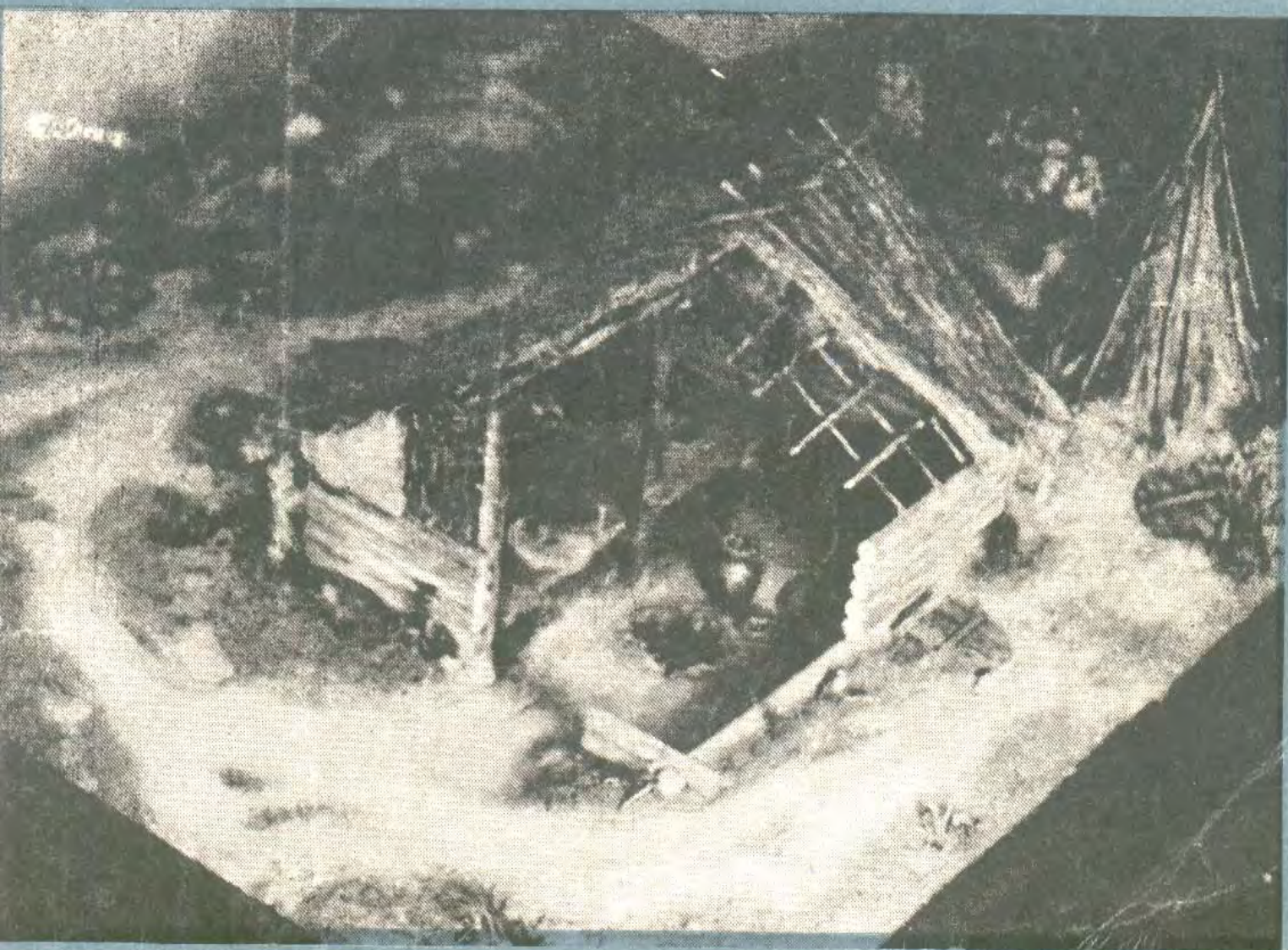

Р. В. Терпиловский

РАННИЕ СЛАВЯНЕ ПОДЕСЕНЬЯ III-V вв.

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Р. В. ТЕРПИЛОВСКИЙ

РАННИЕ
СЛАВЯНЕ
ПОДЕСЕНЬЯ
III—V вв.

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1984

В монографии обобщены и систематизированы новые археологические материалы из славянских памятников Нижнего и Среднего Подесенья второй четверти I тыс. н. э., полученные в результате многолетних исследований.

Освещаются вопросы сложения культуры местных племен, ее периодизация, место среди синхронных археологических культур. Выявляются особенности социально-экономического развития деснииского населения III—V вв.

Раскрывается роль славянских племен Подесенья в формировании некоторых групп раннесредневековых славянских древностей.

Для археологов, историков, краеведов.

Ответственный редактор *В. Д. Баран*

Рецензенты *Н. М. Кравченко, Е. В. Максимов*

Редакция литературы
по социальным проблемам зарубежных стран,
археологии и документалистике

Т 0507000000. 001
M221 (94)-84 53-84

© Издательство «Наукова думка», 1984

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопросы происхождения славян занимают важное место в советской археологии. Однако проблема генезиса славянских памятников третьей четверти I тысячелетия т. э. из древностей предшествующего периода все еще далека от окончательного решения и является в настоящее время первостепенной в изучении этногенеза славян [Седов, 1979а, с. 4-1].

В этой связи обращают на себя внимание памятники киевского типа, выделенные более 30 лет тому назад [Даниленко, 1966, с. 27—29; Даниленко, 1976, с. 65—92] и пыпо известные на обширной территории от Среднего и Верхнего Поднепровья до Курского Посеймья. В их изучении получены пока только предварительные результаты. Отмечена синхронность данной группы древностей черняховской культуре и ее генетическая связь с зарубинецкой, однако и эти моменты не получили достаточно полного освещения.

Неразработанность источниковедческих вопросов, естественно, вызвала появление противоречивых суждений о характере памятников киевского типа, их происхождении и дальнейшем развитии, отношении к синхронным культурам смежных регионов. Острая дискуссия развернулась вокруг вопроса об этнической принадлежности населения южной окраины лесной зоны Восточной Европы I тысячелетия н. э., составной частью которого были носители памятников киевского типа III—V вв. Определение этих племен как славянских [Третьяков, 1960, с. 200—230; Сымокович, 1966, с. 38—51; Поболь, 1966, с. 205—217] или восточнобалтских [Седов, 1970, с. 48—52; Русанова, 1976, с. 197—198] базировалось, к сожалению, прежде всего на субъективном представлении о сущности исторического процесса в Верхнем Поднепровье.

Основой настоящей работы послужили памятники III—V вв. Нижнего и Среднего Поддесепья — одного из регионов киевской культуры. Задачей данной монографии является выделение комплекса деснинских памятников III—V вв., его культурно-хронологическое определение, установление его места в системе киевской культуры, исследование хозяйственной деятельности и общественной организации местного населения. Усилия автора направлены и на выяснение роли зарубинецкой культуры в сложении памятников киевского типа, а также роли деснинских древностей в формировании раннесредпювковых культур Левобережья.

Так как настоящая работа является первым опытом монографического исследования, посвященного памятникам киевского типа, то некоторые выводы и положения, безусловно, можно считать предположительными, требующими дальнейшей проверки на основе широких археологических изысканий.

История исследования памятников III—V вв. в Нижнем и Среднем Подесенье. Впервые мысль о существовании в Подесенье памятников киевского типа высказал В. Н. Даниленко после осмотра в 1951 г. поселений у сел Анисов и Горица близ Чернигова [Даниленко, 1976, с. 67].

Начало систематическим исследованиям в указанном регионе было положено работами П. Н. Третьякова, Э. А. Сымоновича, Е. А. Горюнова и др. Несмотря на то что обследованию подверглись только отдельные участки по берегам Десны и ее притоков, в верхнем и среднем течении реки удалось зафиксировать свыше 50 поселений и следы нескольких могильников. В 1966—1970 гг. на некоторых из них, в том числе на поселениях второй четверти I тысячелетия н. э. Лавриков Лес, Форостовичи в районе г. Новгород-Северского и Киреевка у г. Сосницы, были проведены раскопки [Третьяков, 1974, с. 40—118; Горюнов, 1981, с. 99—100]. Эти работы дали первые сведения об устройстве жилищ, планировке селищ, керамическом комплексе памятников киевского типа Подесенья. Более южные районы в этот период детально обследованы не были, и работы там почти не проводились, за исключением разведки Е. А. Горюнова в нижнем течении р. Снов [Горюнов, 1974, с. 68—72].

Одновременно ряд памятников этого же времени был обнаружен А. А. Попко на участке Чернигов — Остер [Попко, 1971, с. 129—140], а также в Среднем Подесенье и устье Сейма В. И. Неприной [Неприна, Корпусова, 1972, с. 347—352] и О. Н. Мельниковской [Мельниковская, 1977, с. 60—68].

В последующие годы в связи с ростом интереса к описываемому периоду детальные разведки в Черниговском р-не были проведены Н. В. Юрковой и В. П. Коваленко [Юркова, Коваленко, 1975, с. 71—75], а также экспедицией археологической секции Черниговской областной организации Общества охраны памятников истории и культуры под руководством Г. А. Кузнецова и А. В. Шекуна [Кузнецов, Шекун, Шуляк, 1977, с. 319—320; Кузнецов, 1977, с. 107—109]. Следы нескольких поселений второй четверти I тысячелетия н. э. были обнаружены у с. Мезин Коропского р-на В. Е. Куриленко.

В 1974—1978 гг. работы в среднем течении Десны проводила Среднеднепровская раннеславянская экспедиция Института археологии АН УССР под руководством Е. В. Максимова и автора. На поселениях Ульяновка, Киселевка 2 и Выбли близ Чернигова были проведены раскопки, в результате которых получен многочисленный материал [Терпиловский, 1977, с. 123—141; Максимов, Терпиловский, 1978, с. 91—108; Максимов, Терпиловский, 1979, с. 21—37]. Значительное число жилых и

хозяйственных комплексов киевского типа было исследовано при раскопках поселения Роище.

В настоящее время в Нижнем и Среднем Подесенье нам известно 89 поселений киевского типа и 1 могильник, причем хорошо диагностируются 32 поселения (13 на основании раскопок различного масштаба, 19 — на основании многочисленного материала, обнаруженного при разведках). Краткое описание деснинских памятников киевского типа дано в приложении.

Для проведения сравнительного анализа привлекаются также памятники киевского типа других регионов. Так, с конца 40-х годов В. Н. Даниленко проводил раскопки на поселениях и могильниках у сел Бортнич, Новые Безрадици, Ходосовка Киевской обл. Особенно выразительный материал получен при изучении поселения и могильника у с. Казаровичи [Максимов, Орлов, 1974, с. 11—21] и группы памятников I тысячелетия н. э. в Обуховском р-не [Кравченко, Абашина, Горховский, 1975, с. 87—98].

С начала 60-х годов исследования подобных памятников Абидня и Тайманово в Юго-Восточной Белоруссии предпринимаются Л. Д. Поболем. Существенно, что в Тайманове выделен также ряд комплексов более позднего времени, VI—IX вв., типологически связанных с более ранним горизонтом [Поболь, 1969, с. 95—108]. К сожалению, сведения о результатах этих работ опубликованы только в самом кратком виде.

В последнее время исследование интересующих нас древностей развернулось в Курском Посеймье. Результаты раскопок на поселениях Букреевка и Каменево 2 представляют значительный интерес в плане изучения контактов местного населения с племенами черняховской культуры [Сымонович, 1979, с. 95—96].

Здесь необходимо упомянуть и о некоторых памятниках Днепровского лесостепного Левобережья, синхронных черняховской культуре, но весьма отличных от нее по своему облику. Такие единичные памятники были обнаружены в поречье Сулы, Псла, Ворсклы и Орели [Махно, 1955, с. 79—85; Ильинская, 1968, с. 55—61; Горюнов, 1981, с. 54—57; Сухобоков, Юренко, 1978, с. 124—142].

Таким образом, деснинская группа памятников III—V вв. занимает центральное место в ареале киевской культуры, почти со всех сторон окруженное древностями того же круга. В связи с этим можно предположить, что углубленное изучение памятников киевского типа Подесенья будет иметь большое значение как при изучении закономерностей развития культуры в целом, так и при анализе материалов из конкретных регионов ее распространения.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ПОДЕСЕНЬЯ III-V ВВ.

Топография и планировка поселений. Деснинская группа древностей III—V вв. занимает западную и центральную части Левобережного Украинского Полесья. Здесь отсутствует резкая граница между лесом и лесостепью, отдельные черты лесостепного ландшафта продвигаются на север [Попов, Маринич, Ланько, 1968, с. 92—100]. На это указывает распространение лессовых островов и наличие здесь некоторых видов специфически степных растений, следы которых зафиксированы в торфяниках Черниговщины [Пашкевич, Балашов, 1971, с. 71]. Наиболее благоприятные для заселения участки с плодородными почвами (оподзоленные черноземы и серые лесные почвы на лессовых островах) сосредоточены главным образом на правом берегу Десны, примыкающем к пойме в среднем течении реки. Остальная часть Левобережного Украинского Полесья была занята сосновыми борами, дубово-грабовыми и дубово-липовыми лесами, речной и болотной сетью. Здесь преобладают супесчаные и суглинистые дерново-подзолистые, а также торфяно-болотные почвы. Мало пригодны для заселения и участки от устья р. Остер до устья Десны, где расположены обширные болотные массивы [Маринич, 1962, с. 133-137].

Из карты распространения памятников III—V вв. (рис. 1) следует, что наибольшее их количество отмечено близ Чернигова и между городами Сосница и Новгород-Северский, так как боровые террасы здесь хорошо выражены, что облегчает поиски памятников. Значительная часть поселений приурочена к мелким притокам Десны, особенно многочисленным в районе Чернигова и Новгород-Северского.

Подавляющее большинство поселений киевского типа, как и другие памятники Подесенья I тысячелетия н. э., расположено вдоль краев террас Десны

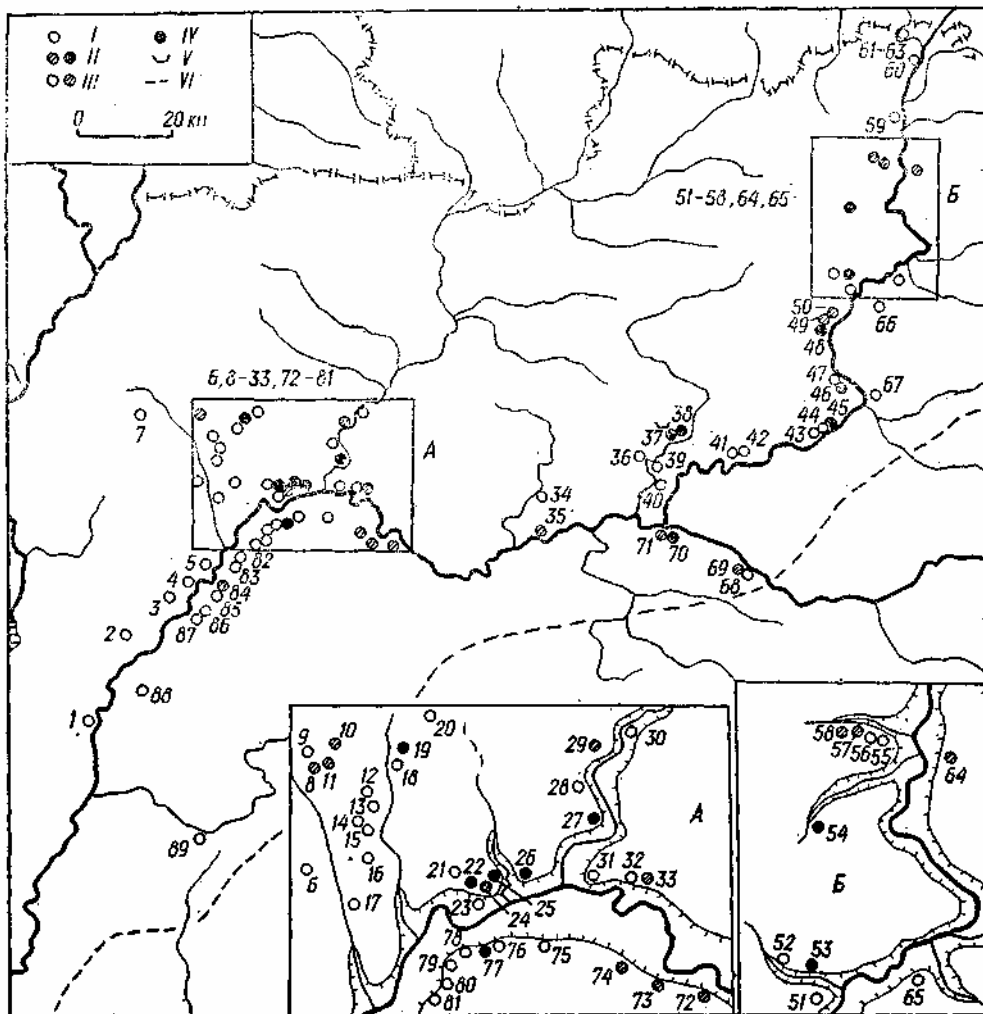

Рис. 1. Расположение памятников III—V вв. в Нижнем и Среднем Подесенье: I — слабо диагностируемые поселения; II — хорошо диагностируемые поселения; III — поселения, известные по разведкам; IV — поселения, известные по раскопкам; V — могильник; VI — граница леса и лесостепи.

1 — Моровск; 2 — Смолино; 3 — Козероги; 4 — Слабин; 5 — Шестовица; 6 — Сельская Слобода; 7 — Красновское; 8, 9, 11 — Сибереж; 10 — Большие Осиаки; 12 — Халявин; 13 — Рябцы; 14, 15 — Шумлай; 16 — Деснянка; 17 — Старый Белоус; 18, 19 — Роище; 20 — Звеничев; 21 — Новоселовка; 22—24 — Ульяновка, 1—3; 25, 26 — Киселевка, 1, 2; 27 — Ключков; 28 — Седнев; 29, 30 — Макишин; 31 — Сновянка; 32 — Боромьки; 33 — Гориза; 34 — Феськовка; 35 — Максаки; 36, 40 — Сосница; 37, 38 — Киреевка 1, 2; 39 — Новоселки; 41, 42 — Конятин; 43 — Черешенки; 44, 45 — Вишенки; 46 — Разлеты; 47 — Радичев; 48, 49 — Мезин; 50 — Куриловка; 51, 52 — Кулдаевка; 53 — Дегтярвка (Лавриков Лес); 54 — Форостовичи; 55, 56 — Мамекино; 57, 58 — Смяч; 59 — Пушкари; 60 — Камень; 61—63 — Гремяч; 64 — Бирин; 65 — Пироговка; 66 — Собич; 67 — Чаплиевка; 68, 69 — Обирок; 70 — Долинское; 71 — Большое Устье; 72, 73 — Салтыкова Девица; 74 — Ковчин; 75 — Горбово; 76, 77 — Выбли; 78 — Пески; 79 — Подгорное; 80, 81 — Анисов; 82 — Количевка; 83 — Ивановка; 84, 85 — Золотинка; 86, 87 — Ладинка; 88 — Вовчок; 89 — Любечанов.

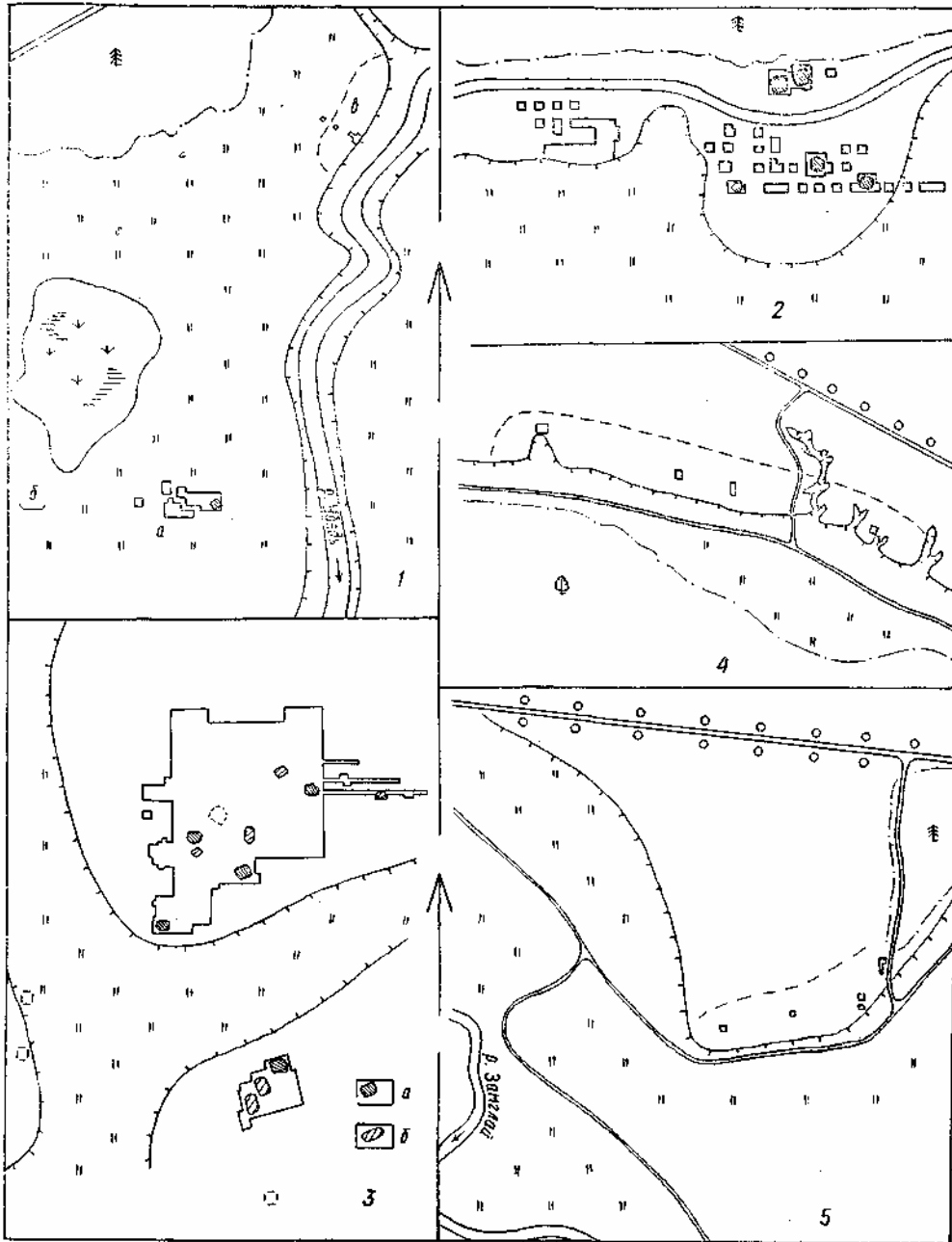

Рис. 2. Топография памятников киевского типа Подесенья:
 1 — Киреевка (а — Киреевка 1, б — Киреевка 2); 2 — Лавриков Лес; 3 — Роище; 4 — Ульянов-
 ка 1; 5 — Киселевка 2.
 а — жилища; б — хозяйственные постройки.

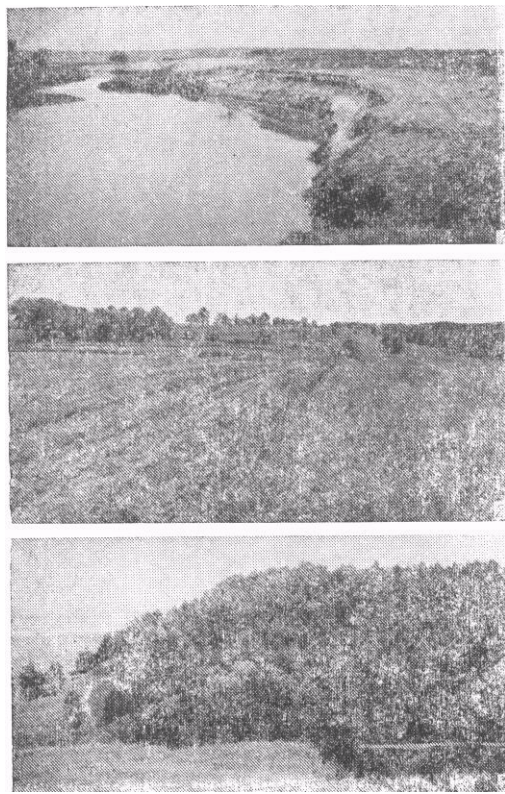

Рис. 3. Общий вид поселений лионской культуры Подесенья: 1 — Киреевки 2; 2 — Ульяновка 1; 3 — Мезин (уроч. Хоромки).

и ее притоков, занимая участки, обозначенные такими естественными ориентирами, как овраги, балки, сниженные мысы (рис. 2). Высота террасы над уровнем поймы колеблется от 1 — 2 до 10—15 м (рис. 3). Наиболее высоко расположены поселения в районе Чернигова и к югу от Новгород-Северского, где коренной берег подходит к руслу Десны (Ульяновка, Мезин).

Лишь отдельные памятники располагались в пределах поймы, занимая дюнные образования [Третьяков, 1974, с. 50], Несколько таких селищ известно в пойме самой Десны (Золотинка, Ульяновка 3), а также ее притока Сно-

ва (напротив с. Макишин). Культурный слой таких памятников зачастую развеян.

Селища располагались, как правило, на одном из берегов реки или ручья. Исключение составляет поселение Роище, основная часть которого занимала мыс, образованный двумя ручьями — притоками р. Стрижень. Вместе с тем отдельные постройки и хозяйственные ямы обнаружены и на противоположном берегу.

Никаких искусственных укреплений население не использовало. Хотя на некоторых городищах среди материалов других эпох встречены и находки, как будто относящиеся ко второй четверти I тысячелетия н. э.; сооружение городищ носителями киевской культуры в Подесенье (как, впрочем, и в других районах) проблематично.

Площадь поселений обычно невелика — до 2 га, причем следует отметить, что некоторые поселения Черниговщины отличаются особенно крупными размерами. Площадь памятников, расположенных близ Новгород-Северского, как правило, не превышает 0,4—0,5 га [Горюнов, 1981, с. 14]. Возможно, различие в размерах связано с наличием на Черниговщине открытых пространств, свободных от лесов.

На поселениях киевского типа отсутствует мощный культурный слой. Часто он полностью распахан, а поэтому отчетливо фиксируется лишь в непосредственной близости от построек. В исключительных случаях мощность культурного слоя достигает 0,3—0,4 м (Роище). По всей видимости, время жизни на каждом селище не превышало нескольких десятков лет. Непрочную оседлость, по мнению Е. Л. Горюнова, также демонстрируют группы поселений — «гнезда», не образующие хронологически целого [Горюнов, 1981, с. 14—15]. Действительно, поселения, расположенные на небольшом расстоянии одно от другого на реках Смяч.

Малотечка и Снов, датируются в пределах III—VII вв. Следует, однако, указать и на «гнезда», которые датируются в узких пределах и реальную одновременность которых установить пока трудно. Например, в верховьях р. Стрижень на деградированных черноземах лессового острова на площади менее 80 км² отмечено около 10 поселений киевского типа [Кузнецов, Шекун, Шуляк, 1977, с. 107—109]. В устье р. Заглай поселения расположены вдоль края террасы с интервалом 0,5—1 км. Разделяя, таким образом, точку зрения Е. А. Горюнова о том, что население Подесенья было вынуждено время от времени менять места обитания в связи с истощением плодородия почв, мы считаем, что могли существовать и реальные «гнезда» селищ, отвечающие определенным единицам общественной организации.

Раскопки деснинских поселений велись преимущественно небольшими площадями, поэтому планировка их изучена слабо. П. Н. Третьякову удалось установить, что жилища и хозяйственные ямы на поселениях Лавриков Лес, Киреевка и Вишенки занимали различные участки. Вероятно, такая планировка указывает на существование большесемейной общины, ведущей неразделенное хозяйство [Третьяков, 1974, с. 53]. Позднее более широким раскопкам было подвергнуто поселение Роище, где на площади 2170 м² открыто 5 жилых, 6 хозяйственных построек и около 230 ям — погребов киевской культуры. Жилища располагались на расстоянии 12—24 м одно от другого вдоль пологих берегов ручья, не образуя четких групп. Хозяйственные постройки, как и ямы-погребов, расположены непосредственно между жилищами (рис. 4).

Иногда жилища разбросаны вдоль склона террасы в нескольких десятках метров друг от друга (Ульяновка, Киселевка 2), если поселение не ограни-

чивалось естественными препятствиями. Постройки Роища, расположенного на низком мысу, группируются более компактно. Судя по раскопанным участкам, даже такие крупные селища, как Роище (площадь 2 га) и Ульяновка (расстояние между крайними выявленными постройками свыше 400 м), вряд ли состояли более чем из 10—15 одновременных жилищ и соответствующего числа хозяйственных построек и ям-погребов.

Жилые и хозяйственные постройки. Подавляющее большинство исследователей характерным типом десиинского жилища I тысячелетия н. э. считает полуземляночные постройки, надежно фиксируемые на большинстве памятников. Последнее время появилось мнение о существовании здесь крупных наземных жилищ столбовой конструкции [Фролов, 1979, с. 63—72]. Однако прямых доказательств наличия таких сооружений на поселениях III—V вв. Нижнего и Среднего Подесенья, на наш взгляд, нет.

В настоящее время на территории, рассматриваемой нами, раскопано 20 жилищ III—V вв. Жилища исследованы на восьми поселениях и благодаря особенностям грунта зафиксированы лучше, чем постройки из памятников киевского типа Среднего Поднепровья [Кравченко, Гороховский, 1979, табл. 1]. Жилища представлены единственным типом — полуземлянокой, от которой сохраняется яма-котлован, углубленная в материк на 0,1—1 м (0,4—1,5 м от современной поверхности). Форма котлована, как правило, в плане близка к квадрату. Площадь основной части жилищ 11—17 м² (рис. 5, 6). Характерная ориентация построек — стенами по странам света. Полы хорошо утопаны, нередко подмазаны светлой глиной. В таких случаях заметно, что на расстоянии 0,5—0,6 м от краев котлована пол утрамбован слабее, вероятно,

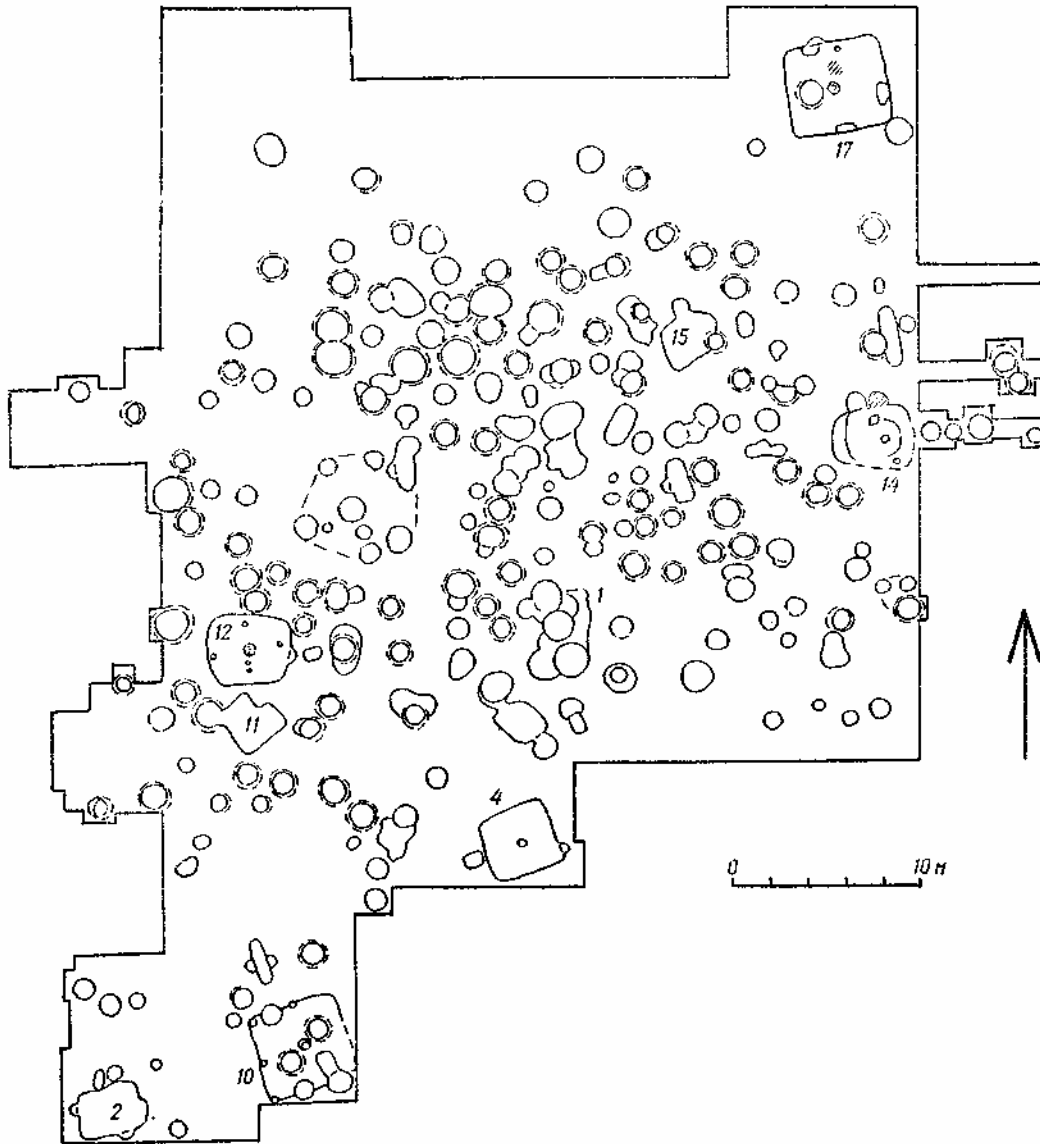

Рис. 4. Роище. План раскопа I—II.

Цифрами обозначены номера построек (1, 2, 4, 11, 12, 14, 15 — IV—V вв., 10, n — V—VII вв.).

стены жилища были опущены в яму, а не возводились над ней.

Подавляющее большинство жилищ имеет в центре пола столбовую яму, диаметр которой 0,3—0,6 м в верхней

части, а глубина 0,3—0,7 м от уровня пола. При небольших размерах жилища центральный столб иногда отсутствует (Роище, жилище 2; Выбли, жилище 1). Иногда в жилище нет сле-

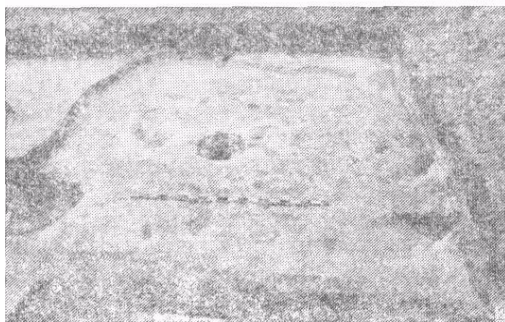

Рис. 5. Остатки жилищ из памятников Подесе́нья:

1 - жилище 4 (Ульяновка); 2—жилище 3 (Роище).

дов никаких ям, кроме центральной,— Лавриков Лес, жилище 4 [Третьяков, 1974, рис. 21, 4], Роище, жилище 4. При исследовании жилища 3 (Роище) вдоль стен котлована удалось обнаружить подсыпку уплотненного грунта, что позволяет предположить цельнодеревянную, скорее всего срубную, конструкцию постройки. Об этом также свидетельствует отсутствие скопленных глиняной обмазки. Крыша обычно поддерживалась мощным столбом, который был врыт в средней части жилища.

Иногда считают, что яма центрального столба указывает на шатровидную крышу постройки. Насколько такое предположение верно для жилищ III—V вв. Подесе́нья?

В расположении дополнительных столбовых ям не всегда можно отметить

Рис. 6. Остатки жилищ поселения Роище:

1— жилище 4; 2— жилище 12.

систему. Однако известно несколько случаев, когда столбовые ямы у стен находились по одной линии с ямой центрального столба. Другие ямы при этом иногда вообще отсутствуют — Лавриков Лес, жилище 2; Кисолсвка, жилище 1; Ульяювка, жилище 4 [Третьяков, 1974, рис. 21, 2; Терпиловский, 1977, рис. 2, 2]. Видимо, в эти ямы устанавливались сохи — вертикальные столбы с развилкой, поддерживающие балку — конек двускатной крыши. Таким образом, предположение о существовании шатрообразной кровли, основанное лишь на наличии центрального столба, не находит подтверждения в археологическом материале. Применение двускатной кровли позволяло использовать невысокий сруб из 7—10 венцов, причем 3—5 нижних венцов опускали в котлован. Концы

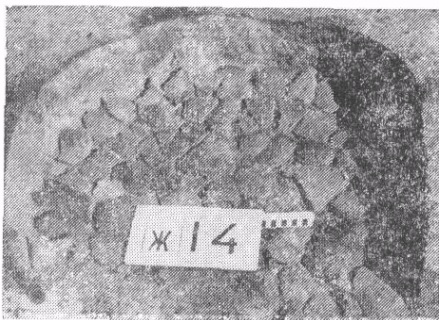

Рис. 7. Роище, жилище 14. Вымостка верхнего слон пода печи.

конька могли поддерживаться и сохами, врубленными в верхний венец сруба.

Иногда удается зафиксировать место входа: оно обычно находится около угла, с юга или со стороны склона в виде небольшого выступа за пределы основания, постепенно понижающегося до уровня иола.

В отдельных случаях можно установить приемы возведения кровли. Так, в заполнении жилищ поселения Лавриков Лес, углубленных в материк до 1 м, обнаружены глинистые массивные завалы крыши. В этих случаях вполне объяснимо и наличие центрального столба, необходимого для поддержания тяжелого перекрытия. Более топкая глиняная обмазка кровли мощностью 0,05—0,1 м зафиксирована в жилище 14 поселения Роище. Чаще же, для кровли, видимо, использовалась солома. Центральный столб в таких сооружениях, вероятно, являлся в значительной степени лишь традиционной деталью конструкции.

В качестве отопительного сооружения в жилищах обычно использовался открытый очаг, следы которого не всегда удается зафиксировать. Очаг, как и основной опорный столб, располагался в центральной части постройки на уровне пола или в неглубокой ямке диаметром 0,5—0,9 м. Место очага в

жилище 4 (Ульяновка) было ограничено невысокими бортиками из сырцово-глины. Вокруг ямы центрального столба иногда встречаются куски обожженной глиняной обмазки (Ульяновка, жилище 1); вероятно, столб обмазывали глиной для предохранения от расположенного поблизости очага, подобно тому, как это установлено П. Н. Третьяковым для почепских жилищ [Третьяков, 1971, с. 246]. Для Подесенья уникально отопительное сооружение в виде пода, врезанного в северную стенку жилища 14 поселения Роище (рис. 7). Глубина пода 0,07—0,15 м от уровня материка, размеры 0,6 X X0,8 м, устье обращено па юг. Под вымощен в два слоя фрагментами лепной керамики киевского типа (76) и гончарной черняховской посуды (26), принадлежащими четырем лепным и двум гончарным сосудам. Хотя свод печи не сохранился, можно предположить, что он был возведен из глины. В устье пода имеется неглубокая ямка, предназначенная, очевидно, для установки горшка при приготовлении пищи.

Нередко внутри жилищ размещаются округлые в плане ямы — хранилища, а также ямы, в которые выгребался уголь и зола из очага. В жилище 3 (Роище) была обнаружена прямоугольная в плане хозяйственная яма 2,4 X X0,9 м глубиной 0,35 м от уровня пола жилища, врезанная в его восточную стенку. Выходящая за пределы жилища часть погреба, судя по многочисленным кускам глиняной обмазки со следами прутьев, перекрывалась крышкой, стенки ямы были подмазаны светлой глиной.

На примере этой же постройки можно попытаться реконструировать внутреннюю планировку жилища Подесенья III—V вв. Его западная половина занята входом, очагом и хозяйственной ямой. Остается предположить, что для размещения его обитателей на ночлег

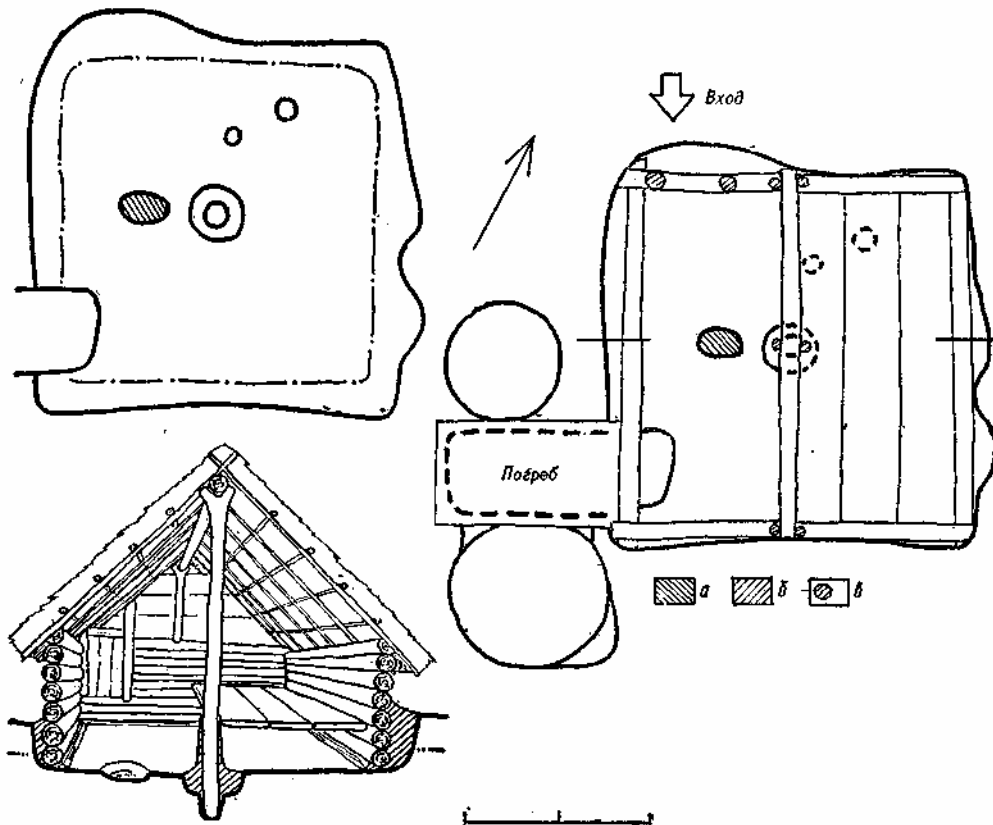

Рис. 8. Реконструкция жилища 3 поселения Роище:
 а — очажная яма; б — земляная засыпка; в — вертикальные столбы.

могла использоваться восточная половина жилища. Здесь могли быть сооружены полаты, размеры которых (около 3,6X1,8 м) вполне позволяли расположиться семье, состоящей из двух взрослых людей и нескольких детей (рис. 8).

Данный тип жилища встречается среди памятников Поднепровья. Впервые такие постройки появляются, по всей видимости, в памятниках милоградской культуры Южной Белоруссии, для которой наиболее типичны полуземлянки площадью 12—16 м², обычно прямоугольной формы, имеющие центральный столб и открытый очаг

[Мельниковская, 1967, с. 34—38]. В начале нашей эры подобные постройки появляются в древностях северной части Среднего Поднепровья, а также лесостепного Левобережья [Максимов, 1969, с. 39; Горюнов, Казанский, 1978, с. 314]. Особенно хорошо известен такой тип сооружений среди почепских памятников Верхнего Подесенья [Заверняев, 1969, с. 92—98]. Впрочем, его окончательное оформление еще не завершилось — довольно значительны колебания размеров и пропорций жилищ (рис. 9), не всегда присутствует центральный столб, встречаются постройки и других типов. Только население

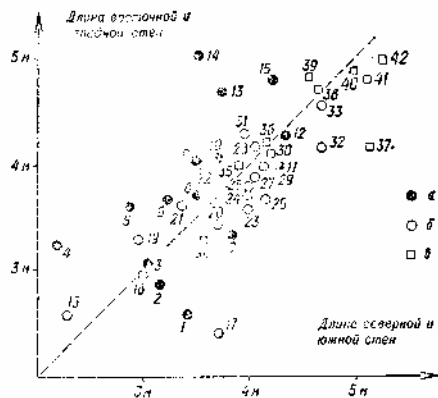

Рис. 9. Размеры жилищ I тысячелетия н. э.: а — жилища I—II вв. Подесенья и Среднего Поднепрорья; б — жилища III—V вв. Подесенья; в — жилища V—VII вв. Днепроовского Левобережья. 1 — Вовки, VI; 2 — Грини; 3 — Почеп, 2 (раскоп V); 4 — Лютеж, 2; 5 — Почеп, 1 (раскоп VI); 6 — Почеп, 1 (раскоп II); 7 — Почеп, 1 (раскоп V); 8 — Лютеж; 9 — Почеп, 3 (раскоп II); 10 — Лютеж, 1; 11 — Колодезний Бугор, 1; 12 — Колодезний Бугор, 2; 13 — Почеп, 2 (раскоп I); 14 — Почеп, 1 (раскоп II); 15 — Почеп, 1 (раскоп IV); 16 — Лавриков Лес, 5; 17 — Роище, 2; 18 — Выбли; 19 — Лавриков Лес, 4; 20 — Роище, 14; 21 — Киреевка 1; 22 — Форостовичи, 3; 23 — Роище, 4; 24 — Роище, 12; 25 — Киселевка 2, 3; 26 — Форостовичи, 2; 27 — Лавриков Лес, 2; 28 — Лавриков Лес, 1; 29 — Роище, 3; 30 — Ульяновка, 1; 31 — Лавриков Лес, 3; 32 — Ульяновка, 4; 33 — Киселевка 2, 1; 34 — Целиков Бугор, 1; 35 — Стрелида, 2; 36 — Зайряе; 37 — Хитцы, VI; 38 — Левкин Бугор; 39 — Роище, 10; 40 — Хитцы, V; 41 — Роище, 17; 42 — Хитцы, IX.

Подесенья III—V вв. и, возможно, Курского Посеймья (Каменево 2) стало использовать квадратные в плане полуземлянки с центральным столбом и очагом в качестве практически единственного типа жилища. Эта традиция сохранилась здесь и в V—VII вв. [Горюнов, 1981, с. 23—26]. В этот период аналогичные сооружения появляются также на поселениях пеньковской культуры от Левобережной Украины до Молдавии [Горюнов, 1981, с. 64; Хавлюк, 1974, с. 184—188; Рафалович, Лапушнян, 1974, с. 130—132, 134]. Жилища V—VII вв. как колочинской, так и пеньковской культур сохраняют все особенности киевских построек, хотя отличаются более четкой прямоугольной формой и несколько большими раз-

мерами (рис. 9). Около VII в. полуземлянки с центральным столбом и очагом в Подесенья вытесняются жилищами с печами, характерными для последующих групп славянских древностей. Уникальное для Десны жилище 14 (Роище) с врезанной в стену печью имеет аналогии в памятниках, расположенных вдоль северной границы черняховской культуры — Журавка, Демьянов II [Сымонович, 1963а, с. 81, рис. 23, 2, 3; Баран, 1971, с. 104]. Подобное сооружение было исследовано и на поселении киевской культуры у с. Белгородка под Киевом [Даниленко, 1976, с. 68], а также на поселении Букреевка около Курска [Сымонович, 1979, с. 95—96]. Более широкое распространение получила традиция вымащивать поды печей и очагов в несколько слоев черепками. Появившись в Среднем Поднепрорье в начале нашей эры [Горюнов, Казанский, 1978, с. 314], такая конструкция отопительных сооружений стала особенно типичной для памятников киевского типа этой территории: Казаровичи [Максимов, Орлов, 1974, с. 18—20] и Обухов III [Абашина, Гороховский, 1975, с. 63—65]. Известны такие сооружения и среди материалов черняховской культуры.

Хозяйственные сооружения представлены двумя основными типами: ямами-погребями и наземными постройками, перекрывающими несколько крупных ям. Ямы-хранилища распространены повсеместно, в Подесенья их известно около 300. Постройки встречаются лишь в Роище (6) и Ульяновке (2). Наиболее характерны круглые или овальные в плане ямы-хранилища, стенки которых вертикальны или слегка расширяются к ровному дну (колоколовидные). В отдельных случаях имеется ступенька, облегчающая спуск в погреб. Характерное заполнение хозяйственных ям поселения Роище, где исследовано около 230 ям — куски обожженной глиняной обмазки с от-

печатками плах, столбиков или прутьев. Вероятно, это остатки крышек. Так как на этом поселении раскопана большая часть хозяйственных ям III — V вв. Подесенья, приведем их краткую характеристику. Из 230 ям около 170 (74 %) круглые в плане. Большинство из них принадлежит погребам с диаметром верхней части 1 — 1,4 м и глубиной 0,6—1,2 м от современной поверхности (табл. 18, 9).

Такое значительное количество ям-хранилищ использовалось не одновременно, об этом свидетельствуют случаи, когда одна яма перерезает другую. Некоторые археологические культуры I тысячелетия н. э., известные на сопредельных с Подесеньем территориях, также характеризуются многочисленными ямами. Так, на поселении Оболонь в Киеве, где большинство комплексов относится к первым векам нашей эры, на 66 жилищ приходится 918 ям [Шовкопляс, 1975, с. 35]. На поселении пеньковской культуры Хитцы 11 постройкам соответствуют свыше 100 ям [Горюнов, 1981, с. 65—66]. Возможно, многочисленные ямы-хранилища отражают определенную традицию местного населения. Вырытые в лесовидном материке, обмазанные глиной, снабженные крышками, такие ямы служили достаточно надежными погребами и широко применялись в Лесостепи и на крайнем юге лесной зоны вплоть до недавнего времени.

Хозяйственные постройки состоят из одной крупной подпрямоугольной ямы с неровным дном или из нескольких округлых ям, вписывающихся в прямоугольные очертания. В заполнении таких сооружений, в отличие от жилищ, встречаются многочисленные куски глиняной обмазки. Сплошной массив такой обмазки толщиной 0,1 — 0,15 м перекрывал ямы постройки 1 (Роище) на площади около 2,5 м² (табл. 14). Судя по отпечаткам колеб и плах перекрытие имело каркасную

конструкцию. Основание такой постройки иногда незначительно углублялось в землю.

Например, постройка 5 поселения Ульяновка первоначально была отмечена в виде прямоугольного пятна гумусированного грунта размером 6X7 м, которое при выборке заполнения распалось на 9 крупных ям различных форм. Легкая постройка, защищавшая ямы, была углублена в землю на 0,4—0,5 м (табл. 13). Тут, очевидно, не только хранились различные сельскохозяйственные продукты, но также производилась их переработка. Крупный обломок жернова говорит о размоле зерна, костяные тупики — о выделке кож и шкур. Видимо, здесь же помещался различный сельскохозяйственный инвентарь: обнаружены обломок нарального, рукоять скобеля, несколько ножей, колоколец для скотины [Максимов, Терпиловский, 1979, с. 25, 31—32]. Хозяйственные постройки аналогичного типа в ряде случаев размещались в нескольких метрах от жилых сооружений (Ульяновка, жилище 1 и постройка 2 (табл. 10); Роище, жилище 3 и постройка 5, жилище 12 и постройка 11, жилище 14 и постройка 15). В хозяйственный комплекс входили также расположенные поблизости от жилищ площадки, предназначенные для приготовления пищи в летнее время и различных домашних ремесел. Местонахождение таких площадок определяется по хорошо утоптанному грунту и повышенной концентрации находок. Так, в 5 м к северо-востоку от жилища 12 (Роище) был зафиксирован участок уплотненного грунта площадью около 30 м², где были обнаружены развалы сосудов, костяные тупики и обломки кочедыка, каменный растиральник, железный нож, пряслица.

Появление в Подесенья наземных хозяйственных построек каркасной конструкции с глиняной обмазкой,

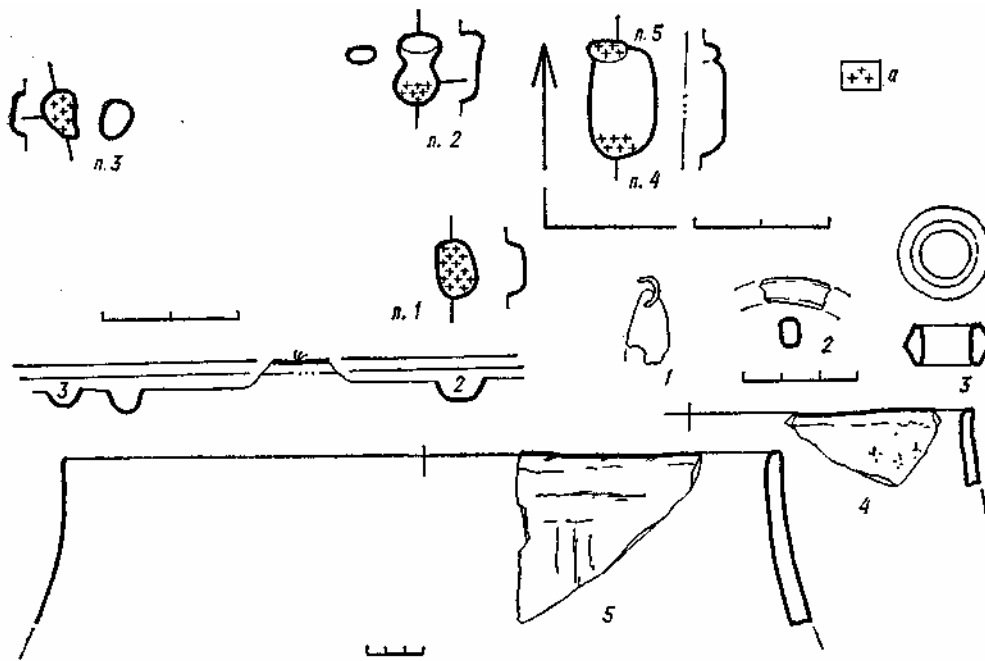

Рис. 10. Могильник Киреевка 1:

1—3 — вещи из погребения 1; 4, 5 — керамика из ямы около погребения 4 (1, 2 — бронза, 3 — 5 — глина); а — кальцинированные кости.

возможно, находит свое объяснение в контактах с лесостепным населением. Аналогичные постройки отмечены практически на каждом широко распространенном Черняховском поселении: Леськи в Среднем Поднепровье, Рипнев II и Ракобуты в бассейне Западного Буга, Будешты, Комрат, Собарь в Молдавии [Смиленко, Брайчевский, 1967, с. 39—42; Баран, 1964, с. 239—240, 251; Рикман, 1975, с. 117—118]. Высказанное предположение подтверждается также отсутствием построек указанного типа на тех поселениях Подесенья, где контакт с черняховской культурой еще не наблюдается.

Погребальный обряд. Погребальный обряд обитателей памятников киевского типа Подесенья почти не изучен. Его невыразительные черты (остатки сожжения на стороне помещались в неглубокую ямку) и скудный

инвентарь (преимущественно мелкие фрагменты лепной керамики) зачастую затрудняют идентификацию с какой-либо археологической культурой в рамках почти всего I тысячелетия н. э. К III—V вв. достоверно можно отнести полуразрушенный грунтовый могильник на дюне у с. Киреевка [Третьяков, 1974, с. 115—116], где исследовано 5 погребений, так как его ближайшие погребения расположены в 70 м от поселения киевского типа. Захоронения на этом могильнике совершены в ямах, не превышающих 1 м в поперечнике. Их глубина 0,15—0,5 м от современной поверхности. Лишь яма погребения 4 имеет размер 1,6X0,8 м. Только в погребении 3 кальцинированные кости были очищены от угля погребального костра. Некоторые из обломков посуды повторно пережжены. Реже встречаются остатки металлических ук-

рашений, уцелевшие в пламени костра. Так, в погребении 1 найдено глиняное биконическое пряслице, бронзовая трапецевидная подвеска с колечком и фрагмент массивного бронзового браслета (рис. 10).

Вероятно, могильник Киреевка состоял из двух обособленных групп погребений (1—3 и 4, 5), расстояние между которыми около 200 м [Третьяков, 1974, с. 116]. Погребения внутри каждой группы удалены на 2—4 м одно от другого, яма погребения 5 перерезала северо-западную часть погребения 4. Учитывая небольшие размеры большинства деснипских поселений, можно предположить, что и соответствующие им могильники состоят из незначительного числа захоронений.

В целом деснипский погребальный обряд III—V вв. сближается с синхронными захоронениями Среднего и Верхнего Поднепровья. В районе Киева исследовано свыше 40 трупосожжений на могильниках Казаровичи, Новые Безрадици и Бортичи [Максимов, Орлов, 1974, с. 11 — 17; Даниленко, 1976, с. 68—69]. Иногда погребения здесь сопровождаются многочисленными вторично обожженными обломками сосудов (почти 400 фрагментов из погребения 4 в Казаровичах принадлежали крупной корчаге, а также нескольким горшкам и мискам).

Почти не опубликованы результаты раскопок могильников Абидия и Тайманово в Верхнем Поднепровье, где, видимо, исследовано не менее 100 погребений III—V вв. [Поболь, 1973, с. 221-230].

Истоки погребальной обрядности киевской культуры далеко не ясны, так как население, обитавшее на данной территории в период, предшествующий второй четверти I тысячелетия н. э., использовало обряд трупосожжения, отличающийся в деталях от киевского. Однако между захоронениями киевской и милоградской культур много общих

черт, хотя хронологический стык между ними отсутствует. Погребения Южной Белоруссии первой половины I тысячелетия до н. э. обладают большим количеством признаков, характерных для памятников киевского типа; это бескурганые могильники с остатками трупосожжений на стороне в круглых ямках диаметром 0,4—1,6 м или в овальных в рост человека [Мельниковская, 1967, с. 41—48]. Милоградские захоронения содержат незначительный погребальный инвентарь (преимущественно черепки посуды) и остатки жертвенной пищи в виде костей животных. Уголь в заполнении ям присутствует далеко не всегда.

Некоторые элементы киевского погребального обряда находят свои аналогии среди памятников зарубинецкой культуры, особенно среди погребений верхнеднепровской группы, относящихся к I—II вв. (Чаплин, Семурядцы). В отличие от остальных групп зарубинецких древностей, они представлены исключительно ямными трупосожжениями, иногда содержащими фрагменты керамики и остатки костра [Поболь, 1971а, с. 171 — 173]. Вместе с тем зарубинецкие погребения отличаются от киевских более богатым инвентарем, в который входят сосуды-приставки и металлические украшения.

Существует и определенная близость с некоторыми чертами погребального обряда пшеворской культуры, главным образом с ямными сожжениями, составляющими на рубеже нашей эры большинство погребений. Для них характерны скромный инвентарь, присутствие в погребениях угля и вторично обожженной керамики. Последний признак считается специфически пшеворским [Никитина, 1974, с. 81—82], получившим широкое распространение на территории Восточной Европы во второй четверти I тысячелетия н. э.

Таким образом, можно высказать предположение, что сложение погреб-

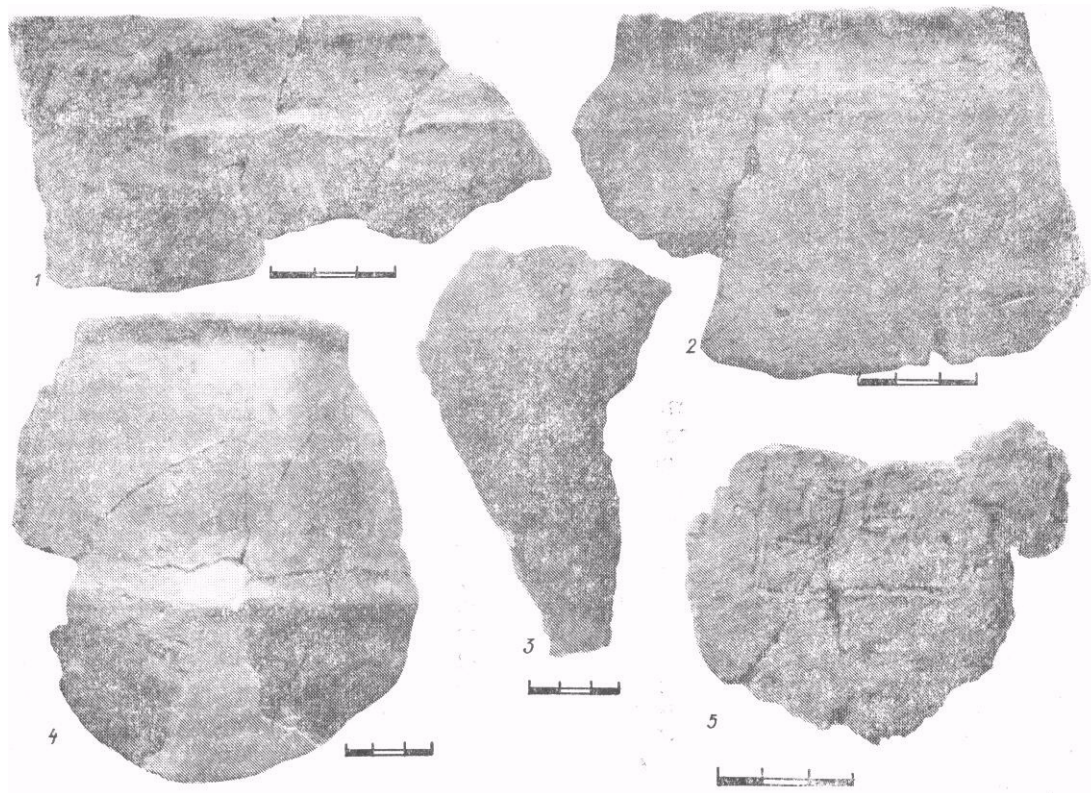

Рис. 11. Керамика из памятников киевского типа Подесенья:
1, 3, 5 — Роище; 2, 4 — Ульяновка.

бальной обрядности киевской культуры происходило на основе верхнеднепровской: с участием, вероятно, и пшеворских элементов.

Традиции киевского погребального обряда находят продолжение в культурах лесной зоны Левобережья и пограничных районов Лесостепи V—VII вв. [Горюнов, 1981, с. 29—34]. Не отличается от него и погребальный обряд племен Верхнего Поднепровья. Для указанных территорий в настоящее время известно несколько сот погребений на могильниках Акатово, Усох, Лебяжье, Кпяжий, Новый Быхов, Тайманово и др. Все они представлены трупосожжениями на стороне, захоронения по-прежнему содержат скромный ин-

вентарь. Наряду с ямными появляются урновые погребения, прежде не получившие распространения в этом регионе. Количество последних значительно только на Княжинском могильнике, на остальных погребальных памятниках Верхнего Днестра и Десны ямные погребения составляют 70—90 % [Перхавко, 1978, с. 9].

Погребальному обряду колочинского типа в общем близки менее изученные могильники пеньковской культуры, расположенные в нойме р. Тясмин у с. Большая Андрусовка. Кальцинированные кости помещались в небольшую ямку и иногда прикрывались перевернутым сосудом, в единичных случаях погребения сопровождалась металли-

ческими украшениями [Березовец, 1969, с. 58-71].

Таким образом, можно отметить, что основные черты погребальной обрядности, сложившейся в среде племен — носителей памятников киевского типа, сохранились среди значительной части населения Восточной Европы вплоть до конца I тысячелетия н. э.

Керамический комплекс. Основная масса находок представлена керамикой, однообразной по форме и технологии. Почти вся она происходит из заполнения жилых и, в меньшей мере, хозяйственных комплексов. Сколько-нибудь значительное количество обломков глиняной посуды обнаружено только в культурном слое поселения Роище.

Подавляющая масса посуды не орнаментирована (рис. 11). Прочерченный по сырой глине знак, окруженный прямоугольной рамкой (Роище, постройка 1), — одна из немногих находок такого рода (рис. 11; 5). Изредка встречаются следы пальцевых вдавлений или насечек по срезу венчика, налипшие валики под венчиком, иногда украшенные насечкой, а также пересекающие следы расчесов гребенкой по корпусу сосуда. В отдельных случаях под венчиком имеются сквозные отверстия — следы ремонта. Поверхность сосудов в виде окончательной отделки подвергалась сглаживанию. Чаще всего встречаются сосуды с поверхностью красновато-коричневого или желтоватого цвета, бугристой из-за крупных примесей. Столовая посуда аккуратно сглажена или подлощена, ее поверхность имеет темно-серый или красноватый цвет.

Подавляющее большинство керамического материала принадлежит кухонной (горшки, рис. 12, 1—4, и диски), а также тарной посуде (корчаги). Столовая керамика представлена единичными фрагментами мисок и горшковидных сосудов (рис. 12, 5). Таким обра-

зом, горшки составляют основу кухонного и тарного комплекса, а также входят в состав столовой посуды, что позволяет рассматривать особенности керамики Подесенья на их примере.

При анализе форм керамики III—V вв. Подесенья за основу взята система Е. А. Горюнова, разработанная для хронологического расчленения памятников III—VII вв. [Горюнов, 1981, с. 18—19]. Среди материалов девяти поселений Верхнего и Среднего Подесенья, на основе которых эта система выработана, была использована керамика четырех памятников киевского типа (Лавриков Лес, Киреевка, Форостовичи и Вишенки). С привлечением материалов, полученных в результате работ на Черниговщине (Роище, Ульяновка, Киселевка 2, Выбли), оказалось, что новые данные вполне укладываются в систему Е. А. Горюнова, требуя ее уточнения лишь в некоторых деталях. Для характеристики горшковидных сосудов из памятников киевского типа Подесенья в настоящей работе использованы сведения о 203 фрагментах, позволяющих определить их принадлежность к тому или иному виду. Вместе с тем мы располагаем сведениями о 61 горшке, сохранившемся полностью или восстановленном от венчика до максимального расширения корпуса. Поэтому в качестве главного критерия классификации горшков берется профилировка верхней части, прежде всего высота и характер максимального расширения. На этой основе устанавливаются виды посуды. Внутри отдельных видов выделяются варианты сосудов в зависимости от пропорций и оформления деталей, главным образом шейки. Почти все горшковидные сосуды из памятников киевского типа Нижнего и Среднего Подесенья представлены четырьмя массовыми видами. Зачастую трудно указать точные границы для каждой из форм — переходы между видами слабо различимы. По системе

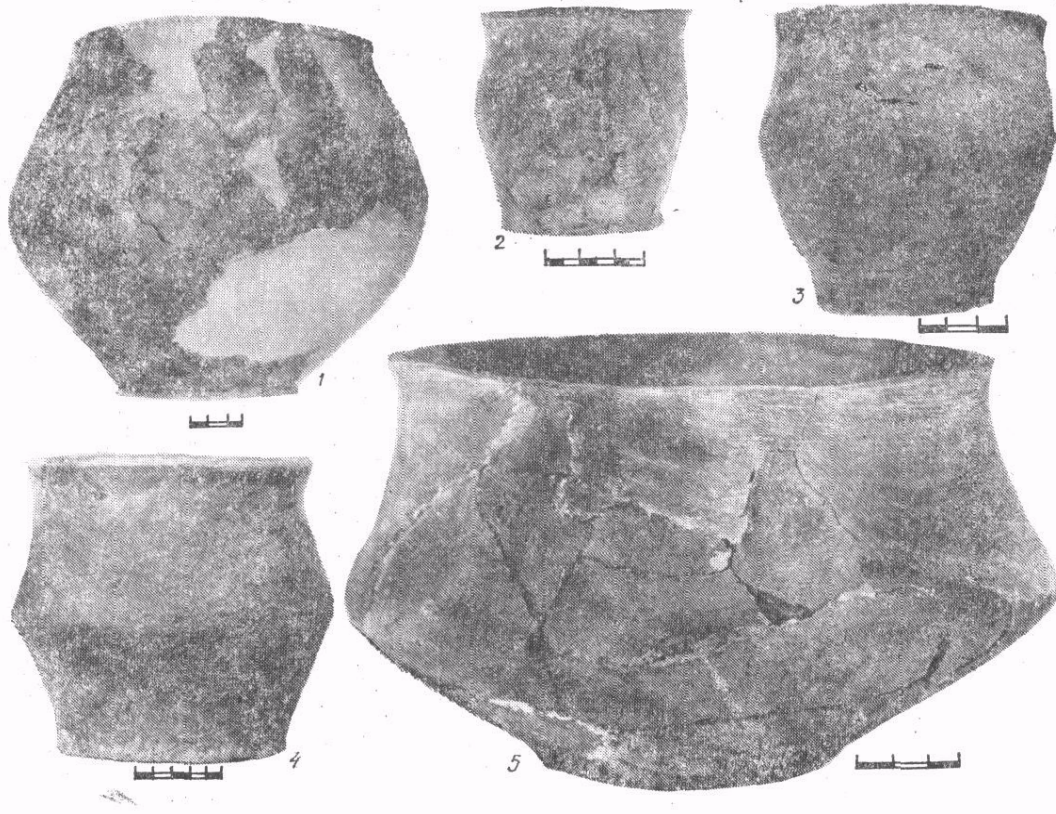

Рис. 12. Лепные сосуды из памятников киевского типа Подесеиья:

1, 2, 5 — Роище (жилище 2, постройка 11, яма 168); 3 — Ульяновка (жилище 1); 4 — Киселевка 2 (жилище 3).

Е. А. Горюнова керамика III—V вв. характеризуется сосудами шести видов [Горюнов, 1981, с. 20], однако последовательное осуществление вышеизложенных принципов классификации заставляет нас включить вид III в вид I, а вид V в вид II в качестве вариантов. В результате типология деснинской керамики III—V вв. приобретет следующий вид (рис. 13, г).

Вид I представлен сосудами с широкой горловиной и максимальным расширением корпуса в верхней части высоты. Корпус конический, дно относительно узкое. По характеру верхней части выделяются три варианта: 1) со-

суды со слабо отогнутой наружу сравнительно высокой шейкой и преимущественно округлыми плечиками. Для него характерны корчаги, обычно имеющие диаметр по венчику свыше 30 см; 2) сосуды, шейка которых сильнее отогнута наружу, а плечики имеют угловатые очертания. Представлен горшками средних размеров; 3) сосуды со слабо выраженной шейкой и округлыми плечиками. Представлен горшками средних размеров. Край венчика для каждого варианта закруглен или срезан (горизонтально или наискосок), иногда орнаментирован насечками.

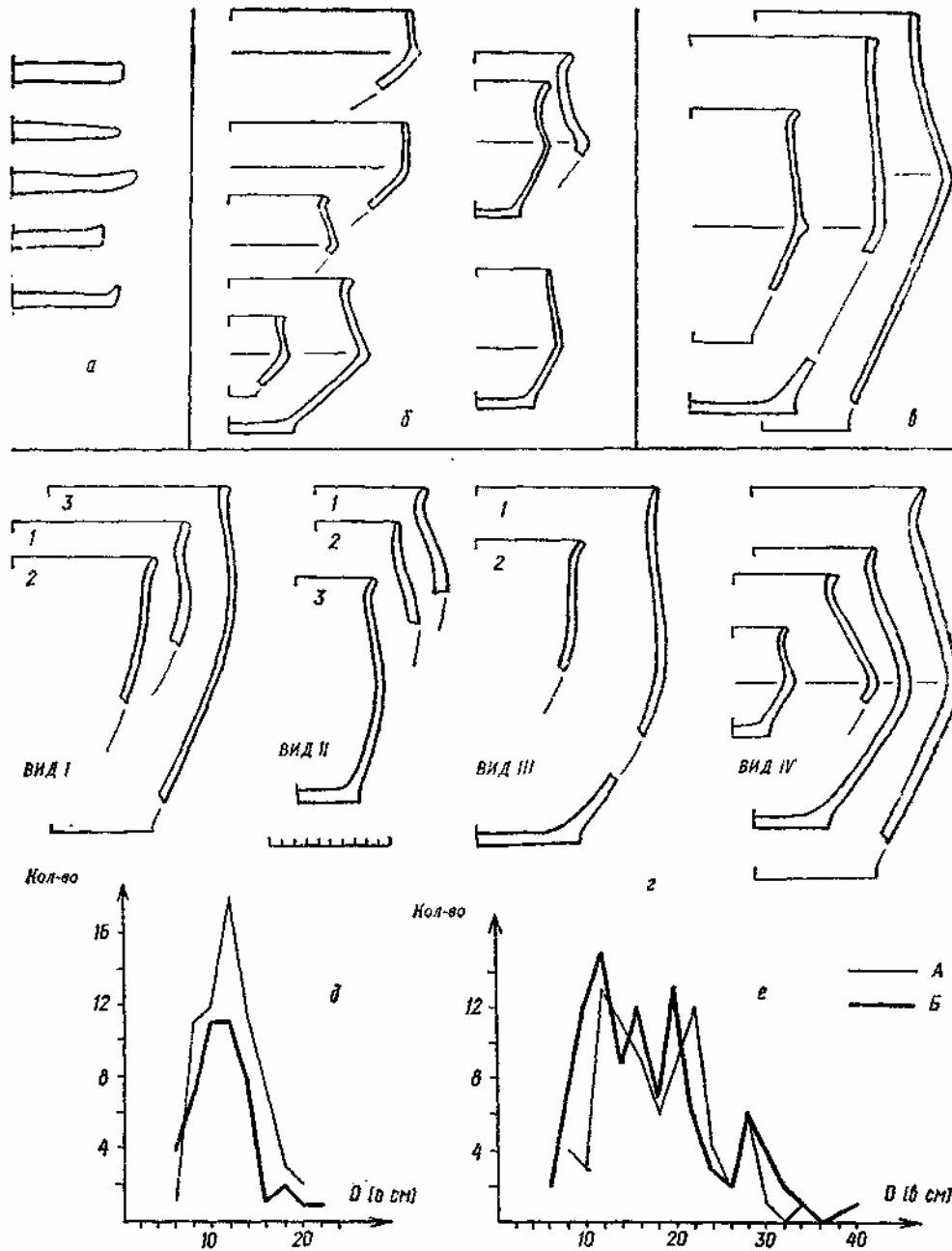

Рис. 13. Формы и размеры лепной посуды из памятников киевского типа Подесенья: а — крышки и сковородки; б — миски (низкие и горшковидные); в — индивидуальные формы горшков и корчаг (Роище и Ульяновка); г — массовые виды и варианты горшков и корчаг; д,

е — распределение диаметров дниц и венчиков горшков (А — Ульяновка; Б — Роище).

Такие горшки и корчаги широко распространены на памятниках киевского типа Среднего Поднепровья (Казаровичи, Обухов III и др.) [Кравченко, Гороховский, 1979, рис. 3], а также Юго-Восточной Белоруссии (Абидня и Тайманово) [Поболь, 1969, с. 102—117]. Видимо, они эволюционируют из соответствующих форм зарубинецкой посуды.

Вид II составляют округлобокие горшки с максимальным расширением корпуса на середине высоты и суженой горловиной. Диаметр дна немного уступает диаметру венчика. Все варианты принадлежат горшкам средних размеров, как правило, не превышающих 20 см в диаметре по венчику, который иногда украшен косыми насечками. По характеру верхней части и общим пропорциям выделяются три варианта: 1) сосуды с короткой, слабо отогнутой наружу шейкой; 2) сосуды, шейка которых почти вертикальна; 3) сосуды удлинённых пропорций (максимальный диаметр в полтора—два раза меньше высоты) со слабо выделенной шейкой и незначительным расширением корпуса в средней части.

Близкая к сосудам этого вида (варианты 1, 2) керамика присутствует на памятниках III—V вв. Среднего и Верхнего Поднепровья. Возможно, она восходит к зарубинецкой посуде [Кухаренко, 1964, табл. 5], от которой, впрочем, отличается более узким дном. Сосуды варианта 3 известны кроме Десны только на памятниках Верхнего Поднепровья.

Вид III представлен сосудами с широкой горловиной и плавно переходящими к узкому дну стенками (тюльпановидными). Максимальный диаметр обычно приходится на середину высоты и незначительно отличается от диаметра венчика. По общим пропорциям и профилировке шейки можно выделить два варианта: 1) сосуды с относительно суженой верхней частью и поч-

ти невыделенной шейкой. Представлен преимущественно толстостенными корчагами и крупными горшками; 2) сосуды с более широкой верхней частью, отличающиеся вытянутыми пропорциями и отогнутой наружу шейкой. Представлен горшками средних размеров (таблица).

Тюльпановидные сосуды не характерны для других районов распространения памятников киевского типа. Чаще они присутствуют на более ранних памятниках Подесенья типа Почепа и, вероятно, являются наследием местного юхновского субстрата.

Вид IV образует горшки с ребристым перегибом стенок, расположенным, как правило, на середине высоты (биконические). Шейка обычно короткая, в нескольких случаях почти не выделена. Край венчика срезан (горизонтально или наискосок) или закруглен, нередко утолщен по сравнению со стенками. В оформлении ребристого перехода обычно наблюдаются следующие варианты: ребро образовано относительно плавным перегибом стенок или ребро четкое, резкое. Единичны ребра, образованные слегка оттянутым валиком и встреченные на поселении Ульяновка (рис. 11, 4). Среди биконических горшков представлены сосуды любых размеров: от небольших горшочков до корчаг. К этой же форме принадлежат все столовые горшковидные сосуды с хорошо сглаженной или подлощенной поверхностью. Керамика этого вида неорнаментирована. Только фрагмент чернолощеного сосуда из постройки 5 (Ульяновка) имел глубокие ямки, расположенные по горизонтали в верхней части корпуса (табл. 13, 27).

Биконические сосуды широко распространены на памятниках киевского типа Среднего и Верхнего Поднепровья и, видимо, восходят к ребристым горшкам зарубинецкой культуры, особенно типичным для Верхнего Днепра [Поболь, 1973а, рис. 102]. Последние, впрочем,

Т а б л и ц а . Соотношение определимых форм посуды в комплексах памятников киевского тина Нижнего и Среднего Подесенья

Поселение	Комплекс	Виды и варианты горшков и корчаг *										Миски	Ди- ски
		I			II			III		IV	V		
		1	2	3	1	2	3	1	2				
Лавриков Лес	Жилище 1	10	—	—	9	2	5	5	5	2	—	4	13
Форостовичи		1	4	6	2	8	1	4	2	—	—	2	8
Вишневки		—	—	—	—	—	—	6	2	—	—	—	—
Киреевка 1		—	—	1	7	—	1	6	—	7	—	—	1
Киреевка 2		2	1	—	1	—	—	—	—	3	—	2	—
Роище	Постройка 1	—	—	—	1	1	—	3	—	5	—	—	—
	Жилище 2	1	1	—	1	1	—	—	1	4	—	—	—
	Жилище 3	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1	1	—
	Жилище 4	—	—	3	—	1	1	—	—	3	1	—	1
	Жилище 12	—	—	—	—	—	—	1	—	3	—	—	—
	Жилище 14	—	—	1	—	1	1	—	—	6	—	—	—
	Ямы и культурный слой	1	1	1	1	1	1	5	1	10	—	2	6
Ульяновка	Жилище 1 и построй- ка 2	1	—	—	—	1	1	1	—	3	1	—	3
	Жилище 3	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
	Жилище 4	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
	Постройка 5	1	—	—	—	1	—	—	—	3	—	—	—
Киселевка 2	Жилище 1	1	1	—	2	—	1	—	—	—	—	—	1
	Жилище 3	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Выбли	Жилище 1	1	1	—	1	—	2	—	—	1	—	—	—

* Римскими цифрами обозначены виды сосудов, арабскими — варианты. Для поселений Лавриков Лес, Форостовичи, Вишневки и Киреевка 1 подсчет видов и вариантов дан без деления по отдельным комплексам (Горюнов, 1981, рис. 4).

несколько отличаются оформлением деталей и лошеной поверхностью.

Четыре основных вида киевской керамики в отдельных комплексах дополняются цилиндро-коническими формами (табл. 11, 27; 17, 11). Последние встречены только в Роище и Ульяновке. По сути, они отличаются от бикииических горшков только более широкой горловиной, полностью совпадая по всем остальным деталям. Так, переход к нижней части имеет вид резкого или округленного ребра, шейка почти не выделена. Цилиндро-конические сосуды представлены изделиями средних и крупных размеров, имеющими диаметр

по венчику до 32 см. Для древностей более раннего времени цилиндро-конические горшки не известны.

Полностью повторяют форму горшков обычных размеров миниатюрные сосуды высотой до 10—11 см, изредка встречающиеся среди посуды Подесенья.

Значительно реже попадают обломки мисок — учтено 11 полностью или частично реконструированных сосудов (рис. 13, б). Часть обломков мисок из поселений Лавриков Лес и Форостовичи принадлежат изделиям, напоминающим почепские миски [Третьяков, 1974, рис. 19, 1, 2; 23, 18]. Их отличает

цилиндрическая верхняя часть, отделенная ребристым переломом от конической нижней. Шейка обычно не выражена, диаметр по венчику до 36 см. Из этих же памятников, а также из поселения Киреевка 2 происходят небольшие острореберные миски, также отчасти сохранившие облик зарубинецких прототипов (табл. 5, 17, 18). Шейки таких мисок несколько отогнуты наружу, стенки в месте ребер утолщены.

Более редки находки обломков мисок на поселениях Черниговского Подесення — относительно выразительные их экземпляры встречены только в Роище. Миска из ямы 168, полный профиль которой удалось реконструировать, подражает гончарным образцам черняховской культуры. Диаметр ее венчика 21 см, днища — 11 см, высота 13,6 см. Миска имеет четкую биконическую форму, ребро приходится на середину высоты. Короткая шейка чуть отогнута наружу, край венчика немного утолщен и горизонтально срезан. Миска изготовлена из керамической массы, обычной для кухонной керамики, однако местами ее поверхность вылощена [рис. 12, 5]. Фрагмент миски, происходящей из ямы 88, принадлежал изделию аналогичной формы (табл. 20, 14), но более скромных размеров (диаметр по венчику 8,5 см, высота от ребра до венчика 3 см).

Высокие «горшковидные» миски представлены обломками трех сосудов. По сравнению с мисками других типов такие изделия отличаются прежде всего вытянутыми пропорциями — их высота лишь немного меньше максимального диаметра. Фрагменты из жилища 4 (Лавриков Лес) принадлежали сосуду с высокой, хорошо отогнутой наружу шейкой и ребром, расположенным несколько выше середины высоты, диаметр венчика 12 см, дна — 7 см, высота 11,5 см (табл. 3, 11). Верхняя часть более крупного сосуда аналогичной формы из хозяйственной

ямы того же поселения имела подлощенную поверхность (табл. 3, 22). Такие находки встречены и на памятниках киевского типа Среднего (Казаровичи, Обухов III) и Верхнего Подпорожья (Абидня).

Фрагменты из жилища 3 (Роище) принадлежали небольшому биконическому сосуду. Диаметр венчика 12 см, дна — 10 см, высота 11,8 см. Шейка не выражена, край венчика закруглен, ребро четкое, подлощенная поверхность имеет светло-серый цвет (табл. 16, 23). Вероятно, этот сосуд также подражает Черняховским керамическим изделиям [Березовец, Петров, 1960, с. 96, табл. 1, 3].

Особую группу керамического комплекса составляют диски-крышки и сковородки, обломки которых в небольшом количестве присутствуют почти на каждом исследованном памятнике киевского типа (известны находки 36 фрагментов таких изделий). Их диаметр 12—28 см, толщина 1—2 см. Край плавно закруглен, реже срезан, сковородки имеют по краю утолщение или бортик высотой до 1 см (рис. 13, а). Диски изготовлены из керамической массы, обычной для кухонных сосудов. Одна из поверхностей обычно заглажена аккуратнее, чем другая. По-видимому, некоторые диски использовались и как крышки для горшков и корчаг, и как жаровни-лепешницы.

Впервые диски относительно широко распространяются в составе зарубинецкого керамического комплекса. Появление невысокого бортика впервые отмечено среди материалов киевской культуры. Позднее на основе подобных изделий возникли глиняные сковороды с высоким бортиком, типичные для раннесредневекового славянского набора посуды.

Следует отметить, что наряду с грубой посудой местной работы на ряде памятников (Ульяновка, Роище, Киселевка 2, Выбли, Клочки, Мезин

и др.) встречается небольшое количество фрагментов сосудов черняховской культуры, изготовленных на гончарном круге. Как правило, такие находки единичны — их число не превышает 2—5 % общего количества находок. Лишь в заполнении хозяйственной постройки 1 поселения Роище фрагменты гончарной посуды составляли около 15 %.

По обломкам не всегда можно определить, к какой категории черняховской керамики относятся указанные находки. Лишь из черепков, входивших в состав вымостки пода в жилище 14 (Роище) удалось почти полностью собрать тонкостенный горшок (табл. 19, б). Судя по грубому тесту, часть обломков принадлежала кухонным горшкам. Фрагменты мисок и кувшинов, а также столовых горшковидных сосудов отличаются хорошо заглаженной или вылощенной поверхностью и мелкими примесями в составе керамической массы. Днища кухонной посуды обычно плитчатые, столовой — с кольцевым поддоном (табл. 22, 13—19).

Во всех случаях обломки принадлежат сосудам небольших размеров, среди которых отсутствуют пифосы и крупные трехручные вазы, достаточно типичные для черняховской культуры. Если при этом учесть, что северная граница распространения черняховских памятников проходит не ближе 60—100 км от названных пунктов, то привозной характер гончарной керамики не вызовет сомнений.

В Подесенье поступали также амфоры позднеаримских типов. В большинстве случаев обломки представлены фрагментами стенок светлоглиняных изделий с рифленой поверхностью, вероятно, припонтийского производства. Амфорный материал встречен пока только на поселениях Роище и Ульяновка, причем в комплексах и культурном слое первого обнаружено около 20 обломков. Судя по составу примесей керамической массы и ха-

рактеру ангоба, этот материал принадлежал нескольким амфорам небольшого размера. Опираясь на находки фрагментов верхней части горла, ручек и нижней части корпуса, можно установить, что одна из них (табл. 22, 12) относится к типу Е по классификации, принятой для светлоглиняных амфор [Шелов, 1978, с. 16—21]. Он характеризуется изделиями с невысоким, расширяющимся книзу горлом с массивным венчиком и округлым дном [Зеест, 1960, с. 121 — 122; Деопик, Круг, 1972, с. 100-102].

Амфоры типа Е предлагают датировать концом IV — началом V в., опираясь на находки в хорошо датированных комплексах Танаиса, Херсонеса, Пантикапея [Шелов, 1978, с. 16—21]. Вместе с тем отмечается, что аналогичные амфоры могли появиться и немного раньше, в рамках всего IV в. н. э.

Изделия из металла. Такие находки немногочисленны, однако, не образуя крупных серий вещей, они все же дают некоторое представление о паборе орудий, украшений, предметов личного убора племен Подесенья в III—V вв.

Железные изделия встречаются значительно чаще, и их ассортимент богаче, чем предметов из цветных металлов. В частности, все металлические орудия труда и промыслов изготовлены именно из черного металла.

Ножи — наиболее массовая группа универсальных инструментов, 14 целых экземпляров и выразительных фрагментов обнаружено на поселениях Лавриков Лес, Роище и Ульяновка. Они представлены двумя основными типами, каждый из которых насчитывает по 7 изделий. Ножи со спинкой в виде слабой дуги имеют плавный уступ при переходе от черенка к клинку со стороны спинки, реже — с обеих сторон (группа I, по Р. С. Минасяну [Минасян, 1980, с. 12—13]). Черенки сравнительно короткие. Максимальная

ширина лезвия колеблется в пределах 1—1,8 см. длина — до 12,5 см.

Ножи с более или менее прямой спинкой и резкими, часто асимметричными уступами можно отнести к группе II, по Р. С. Минасяну. В целом, они крупнее ножей группы I — максимальная ширина лезвия 1,6—2,2 см, а длина наиболее сохранившегося ножа даже с обломанным концом достигает 14,1 см. Черенки длиннее, чем у ножей с дуговидной спинкой. Нож из постройки 5 (Ульяповка) использовался даже после того, как конец клинка был сломан: излом тщательно заточен (табл. 13, 14).

В черепках четырех ножей (группа I—2, группа II — 2) пробиты отверстия для крепления заклепкой деревянной рукояти, следы которой иногда сохраняются.

Ножи III—V вв. Подесенья находят многочисленные аналогии среди культур рубежа нашей эры — третьей четверти I тысячелетия н. э. Так, изделия с выпуклыми спинками восходят к зарубинецким ножам [Минасян, 1980, с. 12]. Основные типы ножей черняховской культуры также близки деснинским, хотя их ассортимент значительно богаче [Вознесенская, 1972, с. 15—16, рис. 3]. Прямые аналогии среди раннесредневековых культур Восточной Европы находят ножи группы II из памятников киевского типа [Минасян, 1980, с. 13—14]. Изделия из деснинских памятников III—V вв. указывают на вытеснение ножей с дуговидной спинкой, которые в это время начинают приближаться по оформлению деталей к ножам группы II.

Шилья обнаружены на поселениях Лавриков Лес, Роище, Ульяновка (4). Длина целых экземпляров 10—11,2 см. Рабочие части шильев обычно имеют круглое, реже — прямоугольные сечение. Противоположный конец для лучшего крепления деревянной рукояти (ее остатки сохранились на шиле из

ямы 25 поселения Роище) имеет уплощенное или квадратное сечение (табл. 21, 14).

Орудия сельскохозяйственного производства встречаются гораздо реже. Единственный пока известный экземпляр небольшого железного *наральника* из постройки 5 (Ульяновка) является, пожалуй, самой ранней находкой такого рода в лесной зоне Восточной Европы. Рабочая часть (лезвие) этого орудия имеет симметричную подтреугольную форму. Максимальная ширина сохранившейся части 6,9 см, верхняя часть, посредством которой *наральник* крепился к брусу рала, не сохранилась (табл. 13, 1). Аналогичные *наральники* придунайско-римского образца известны на поселениях черняховской культуры в Волошском, Тилигуло-Березанке и др. [Минасян, 1980, с. 5; Брайчевская, 1960, с. 175; Сымонович, 1967, с. 231].

Основными орудиями уборки зерновых, вероятно, были *серпы*, хорошо известные по находкам в культурах первой половины I тысячелетия н. э. Практически целый экземпляр серпа найден в яме 160 поселения Роище. По классификации Р. С. Минасяна, он относится к группе II, представленной изделиями с крючком на конце рукояти [Минасян, 1980, с. 7].

Полная длина серпа по спинке, вероятно, была свыше 36 см, максимальная ширина лезвия 3,2 см. Вершина дуги лезвия смещена к началу клинка на $\frac{1}{3}$ длины основы. По остаткам деревянной рукояти можно реконструировать систему ее крепления: просверленная в центре рукоять одевалась на массивный, отогнутый перпендикулярно плоскости серпа крючок, которым завершалась пятка, а затем закреплялась железным кольцом (табл. 21, 7).

Находка серпа из Роища единична для лесной зоны, здесь, как правило, использовались небольшие и слабоизог-

нутые орудия с черешковым креплением рукояти группы I [Минасян, 1980, с. 7]. Вместе с тем серпы, типа роищенского, хорошо известны в материалах черняховской культуры. Так, на могильнике Чернелив-Русский встречен клад, состоящий из девяти аналогичных серпов и четырех крупных кос [Герета, 1978, с. 311].

Сравнительно многочисленны деревообрабатывающие инструменты. Почти целое *долото* небольших размеров обнаружено в жилище 4 поселения Ульяновка (табл. 12, 22). Массивные долота происходят из поселения Роище. Одно из них (яма 197) представлено обломком верхней части прямоугольного в сечении орудия с ударной площадкой. Его длина 5,6 см, размеры в поперечнике 1,7X1 см (табл. 21, 13). Другое долото из ямы 164 изготовлено из стержня диаметром 1 см и длиной 17,3 см (табл. 21, 10). Фрагмент *сверла* с перовидной рабочей частью из Роища (табл. 21, 9) указывает на существование орудий для проделывания отверстий в деревянных изделиях. Двуручные *скобели* представлены целым экземпляром из ямы 28 поселения Роище (табл. 21, 11) и обломком рукояти из постройки 5 поселения Ульяновка (табл. 13, 3). Целый скобель состоит из изогнутых под углом черешковых рукоятей, расширяющихся при переходе к лезвию. Длина орудия 15 см, ширина захвата 8,4 см, ширина лезвия 3 см. На черенки были набиты деревянные ручки, следы которых сохранились. Крючки на конце каждого черенка прочно удерживали рукояти во время работы. Такие орудия применялись для различных строгальных работ, а также для очистки стволов деревьев от коры.

Набор деревообрабатывающих инструментов, включающий скобели, сверла и долота, достаточно характерен для Черняховского времени. Так, вышперечисленные орудия, по форме и раз-

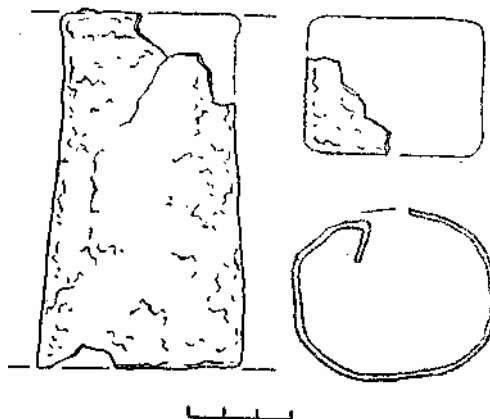

Рис. 14. Железное ботало из постройки 5 поселения Ульяновка.

мерам близкие к деснинским, происходят из поселения Рипнев II в верхьях Западного Буга [Баран, 1964, с. 218, 245, рис. 4].

К предметам вооружения и охоты можно отнести наконечник стрелы и обломок кинжала или небольшого копья из постройки 5 поселения Ульяновка (табл. 13, 4, 7). Черешковый *наконечник стрелы* имел длину 3,5 см и острие в виде четырехгранной пирамидки. Подобный наконечник встречен среди материалов поселения черняховской культуры Леськи [Смиленко, Брайчевский, 1967, с. 56, рис. 16, 2]. Обломок *кинжала* представлен фрагментом обоюдоострого лезвия длиной 5 см и шириной 2 см.

С животноводством связана находка фрагментированного колокольца для домашней скотины (*ботала*) в той же застройке 5 (Ульяновка). Ботало изготовлено из железного листа, свернутого в виде стакана высотой 10,4 см (рис. 14). Такие изделия широко распространены среди различных древностей Восточной Европы I тысячелетия н. э. В качестве близкой аналогии укажем ботало из Черняховского поселения Леськи [Смиленко, Брайчевский, 1967, с. 57, рис. 17, 10].

Из железа изготовлен также ряд предметов бытового назначения. *Бритва* из жилища 3 (Роище) имеет прямой клинок длиной около 8 см и стержневидную рукоять длиной 4,8 см (табл. 16, 2). Такие бритвы, наряду с изогнутыми, типичны для наиболее поздних комплексов позднеримского периода, например памятников добродзепьского типа второй половины IV — первой половины V в.

На существование железных *игл* указывает обломок из жилища 3 поселения Ульяновка (табл. 12, 5).

Из черного металла зачастую изготавливались также принадлежности костюма и украшения. Поэтому здесь приводится совместное описание изделий этой группы, сделанных как из железа, так и из цветных металлов.

Две железные *булавки* встречены в хозяйственных ямах поселений Лавриков Лес и Киреевка 1 (табл. 3, 20; 5, 5). Они имеют головку в виде кольца из четырехгранного стержня диаметром 1,9 и 2,5 см с завитком на конце. Длина булавки из Лаврикова Леса 7,9 см, из Киреевки — 10,7 см. Ареал подобных изделий определяется достаточно широко как в культурном, так и в хронологическом смысле. Впервые получив распространение в лужицких и скифских древностях, булавки с посоховидной головкой позднее стали характерны для ряда археологических культур лесной зоны Восточной Европы. Не углубляясь здесь в детали спора об этнической принадлежности носителей посоховидных булавок, имевшего место несколько лет назад, отметим лишь, что распространение таких украшений, несомненно, не ограничивалось территорией обитания восточнобалтских племен [Седов, 1970, с. 16—17]. Укажем несколько аналогий, позволяющих датировать находки из Подесенья. Среди материалов поселения Абидня встречен ряд посоховидных булавок, из которых около десятка сов-

падают по основным признакам с украшениями из Лаврикова Леса и Киреевки [Поболь, 1971, с. 239—247]. К ним близки и булавки из поселения в Кивты (Латвия), датирующиеся авторами раскопок III—IV вв. [Шноре, Цимермане, 1966, с. 179, рис. 1, 1, 2]. В древностях, датируемых более поздним временем, чем IV в. н. э., посоховидные булавки такого типа почти не известны.

Из железа изготовлены три из четырех *фибул*, встреченных на памятниках киевского типа Подесенья. Одна из этих находок (Киреевка 1) весьма фрагментарна — сохранилась только игла с пружиной. Железная фибула из жилища 1 (Лавриков Лес) двучленная и имеет подвязную ножку. Длина ее 6,1 см, спинка изогнута асимметрично, ее сечение полукруглое, ножки — треугольное. Приемник, игла и петля пружины не сохранились. В верхней части корпуса имеется прямоугольный в сечении шип (табл. 1, 2).

Железные подвязные фибулы с шипом встречаются относительно редко, являясь типичными прежде всего для Прибалтики. Для них наиболее обоснована датировка второй половиной III — первой половины IV в. В качестве близкой аналогии приведем фибулу из погребения 17 могильника Рекете (Литва). Как и находка из Лаврикова Леса, она имеет крупные размеры и все характерные детали конструкции [Navickaite-Kunciene, 1968, s. 175, pav. 22, 5]. Любопытно, что фибула из Рекете встречена в одном захоронении вместе с посоховидной булавкой. Напомним, что подобная булавка происходит и из Лаврикова Леса.

Две следующие находки обнаружены на поселениях, не подвергавшихся раскопкам. Железная фибула из Бирина по всем признакам напоминает вышеописанную, отличаясь от нее отсутствием шипа и меньшими размерами. Приемник и игла также не сохранились.

Общая длина уцелевшей части 4,8 см. Асимметричная спинка прогнута несколько слабее, чем у фибулы из Лаврикова Леса. Аналогичные фибулы А. К. Амброз относит к двучленным прогнутым подвзным серии 1 варианта 1, период существования которых ограничивается им в пределах конца II—III в. [Амброз, 1966, с. 62—63].

Единственная фибула, изготовленная из бронзы, найдена на разрушенном поселении у с. Куриловка. Она украшена по корпусу и ножке штампованным узором. Длина фибулы свыше 6 см, спинка в сечении полукруглая, в ее уплощенном конце пробито отверстие для оси (табл. 6, 15). Хотя точные аналогии находке из Куриловки ввиду ее фрагментарности указать трудно, материал, размеры и оформление деталей свидетельствуют, что перед нами двучленная подвзная фибула серии 1 варианта 2 [Амброз, 1966, с. 63—64]. Распространение таких фибул относится главным образом к IV в. н. э., а появление данного экземпляра в Подесенье необходимо связывать с поступлением импорта черняховской культуры.

Пряжки, встреченные на памятниках киевского типа Нижнего и Среднего Подесенья (7 целых и фрагментированных экземпляров), принадлежат к двум основным типам. К первому относятся крупные железные пряжки с вытянутой рамкой и язычком, проходящим через короткую ось. Такие находки сделаны в постройке 5 (Ульяновка), а также в жилище 3 и яме 196 поселения Роище. Длина обоймы 5—5,4 см, ширина 2 см. Свободный конец язычка несколько загнут и свисает на рамку (табл. 21, 12) или не выходит за ее пределы (табл. 13, 2). Подобные пряжки широко распространены среди различных древностей поздперимского времени. Э. Шульдт датирует их периодом не ранее 300 г. на основании находок из могильников, расположенных

на территории ГДР [Schuldt, 1955, s. 70—73], а в памятниках добродзеньской группы они относятся ко второй половине IV — первой половине V в. Известны они и в черняховской культуре [Сымонович, 1960, с. 250, рис. 9, 7; Воляник, 1974, рис. 5, 1].

Остальные находки можно включить во второй тип пряжек — с округлой рамкой и изогнутым на конце язычком. Их отличают меньшие размеры и аккуратное изготовление деталей. Три из четырех таких пряжек изготовлены из бронзы. Бронзовая пряжка из постройки 5 (Ульяновка) имеет размеры 1,5 X X1,7 см (табл. 13, 13). Кольцо рамки изготовлено из прутка диаметром 0,2—0,3 см, спереди рамка утолщена, концы не сомкнуты. Свободный конец язычка загнут, у основания — прямоугольный выступ. Профилировка этой детали полностью совпадает с бронзовым язычком более крупной пряжки, обнаруженным в жилище 1 поселения Киселевка 2 (табл. 8, 4). Бронзовая пряжка из поселения Салтыкова Девица 2 имеет массивную литую овальную рамку 2,5X2 см. Загнутый на конце язычок орнаментирован в нижней части двумя поперечными бороздками. Подобное изделие встречено на дне напротив с. Макишин (размер железной дужки 2,8X2,4 см, длина прямого язычка 2,7 см).

Данный тип пряжек весьма характерен для черняховской культуры на всей территории ее распространения. Такая деталь изделий из Подесенья, как изогнутый на конце язычок с прямоугольным возвышением у основания, сближает их также с пряжками, датируемые IV в. н. э. в могильниках цебельдинской культуры [Воронов, Юшин, 1979, с. 197]. Бронзовые пряжки, по всей видимости, являются черняховским импортом, а железная — местным подражанием им.

Трапецевидные подвески представлены тремя фрагментированными эк-

землярами из погребения 1 могильника Киреевка, жилища 4 поселения Роище и постройки 3 поселения Ульяновка (рис. 9, 1, табл. 12, 3, 17, 4). Все они изготовлены из тонкого бронзового листа, орнамент отсутствует. Вероятно, высота этих украшений не превышала 3,5 см, а ширина основания — 1,5 см. На подвеске из Киреевки сохранилось проволочное колечко для подвешивания, продетое в отверстие сверху. Для крепления колечка верхняя часть подвески из Роища была загнута. Трапециевидные подвески различных типов в той или иной мере характерны для целого ряда археологических культур Восточной Европы рубежа нашей эры — третьей четверти I тысячелетия н. э. Укажем, в частности, на распространение таких украшений в зарубинецкой культуре Припятского Полесья, позднезарубинецких и раннесредневековых славянских древностях [Каспарова, 1972, с. 93—96; Заверняев, 1969, с. 115; Савчук, 1969, с. 84].

Плохо сохранившиеся бронзовые подвески из жилища 1 (Выбли), вероятно, крепились к цепочке из звеньев диаметром 1—1,3 см обоймами из сомкнутых пластинок (табл. 7, 4, 5).

Часть спиральной *пронизи* длиной 2,5 см встречена в жилище 1 (Киселевка 2) (табл. 8, 3). Видимо, такие *пронизи* входили в состав ожерелья или другого подобного украшения. Аналогичные изделия, как и трапециевидные подвески, распространены среди зарубинецких, а также позднезарубинецких древностей.

Бронза применялась и для изготовления *браслетов*. Обломок из жилища 3 (Ульяновка) принадлежал браслету из проволоки диаметром 0,3 см (табл. 12, 2). Аналогичная находка сделана в постройке 1 поселения Роище (табл. 14, 3). Незначительный фрагмент массивного изделия (рис. 10, 2) из погребения 1 могильника Киреевка

изготовлен из прутка подпрямоугольного сечения.

Более подробного описания заслуживает находка из жилища 1 поселения Ульяновка. Небольшой (6X6 см) браслет имел массивные утолщенные концы, украшенные насечкой в виде «елочки». Минимальный диаметр прутка 0,5 см, диаметр концов 1 см (табл. 10, 1).

Наиболее ранние находки браслетов с утолщенными концами встречаются прежде всего в сарматских комплексах II—III вв. [Вірлич, 1965, с. 117—118].

Х. А. Моора, относя появление таких изделий, изготовленных из серебра, в Прибалтике к V в. н. э., указывал, что аналогичные бронзовые браслеты распространяются здесь несколько раньше [Моора, 1953, с. 112—113]. Это замечание подтверждают находки в прибалтийских могильниках [Шмидхельм, 1955, с. 133—135] массивных браслетов, подобных ульяновскому, с фибулами, датируемыми второй половиной IV — первой половиной V в. Г. Ф. Корзухина относит такие браслеты, встреченные в Подесенье преимущественно вне комплексов, к кругу вещей с выемчатыми эмальями [Корзухина, 1978, с. 71]. Это утверждение, по наш взгляд, требует дополнительной аргументации, так как браслеты с утолщенными концами отсутствуют в комплексах соответствующих украшений. Хотя аналогичные браслеты и эмали в некоторых случаях происходят из одного и того же пункта, все они найдены в разное время, поступили из разных рук и поэтому могут быть отнесены к разряду случайных находок [Корзухина, 1978, с. 18, 35]. Обломок слабо утолщенного неорнаментированного конца браслета из низкопробного серебра встречен в жилище 3 поселения Роище (табл. 16, 3).

Большой интерес представляет фрагмент *зеркала* из жилища 1 (Ульяновка). Диаметр изделия из белого сплава

составлял около 7 см. Лицевая сторона гладко отполирована, тыльная — украшена рельефным орнаментом из трех концентрических и радиальных линий. В центре тыльной стороны, очевидно, было расположено ушко для подвешивания (табл. 10, 2). Как известно, зеркала с центральной петлей появляются на территории Восточной Европы со II—III вв., постепенно вытесняя изделия с боковым расположением петли, и доживают до средневековья. И. Вернер связывает широкое распространение таких зеркал с продвижением гуннских племен и датирует их появление за Дунаем 400 г., отмечая, что в Восточной Европе они известны и раньше. По классификации И. Вернера, зеркало из Уляновки, очевидно, принадлежало к типу Березовка [Werner, 1956, s. 19—24]. Ряд таких зеркал происходит из Среднего Поднепровья и Северного Причерноморья, причем в последнем случае они встречены в комплексах второй половины IV в. н. э. [Корпусова, 1973, с. 42; Сорокина, 1971, с. 94—95].

Среди изделий из цветных металлов особое место занимает набор серебряных украшений, обнаруженный в культурном слое поселения Роище около постройки 11. Набор состоял из пяти лунниц, вырезанных из тонкого листа, и трех колец с несомкнутыми концами. Луницы подвешивались через кольца диаметром 3,7—4,1 см, продетые в приклепанные в верхней части каждой лунницы железные петли. Неорнаментированные лунницы имеют плавные выступы в центре оснований. Видимо, эти украшения размещались в два яруса, так как высота трех из них 4,9—5,0 см, а двух — 4,1 см. Ширина лунниц 9,1—10 см (табл. 22, 3). Вес клада около 56 г. Все вещи изготовлены из низкопробного серебра со значительными примесями меди, олова и свинца. Вероятно, сырьем для изготовления украшений послужил металл римских

денариев. Крупные размеры и простая форма заставляют предположить, что подвески использовали в качестве нагрудной части конской сбруи.

Все известные аналогии отличаются меньшими размерами, но также изготовлены преимущественно из серебра. Таковы лунницы из Черняховских могильников Черняхов, Косаново, Тыргшор, Могошапы и поселения Демьянов [Петров, 1984, рис. 14, 13; Кравченко, 1967, с. 112, табл. XVI, 24; Diaconu, 1965, pl. XXXVII, 2; Diaconu, 1970, fig. 15, 10; Баран, 1971, рис. 5, 5]. Нескольким аналогичных вещей известны среди позднеримских древностей Паннонии [Intercisa II, 1957, abb. 96, 3]. В большинстве случаев перечисленные подвески входили в состав ожерелья. К середине I тысячелетия н. э. этот тип украшений получает широкое распространение среди различных народов Центральной и Восточной Европы. Однако лунницы этого периода имеют более развитую форму, иногда их поверхность покрывалась чеканными узорами или вставками для драгоценных камней. Таковы лунницы гуннского времени из Восточной Словакии [Werner, 1959, taf. IV], а также подвески VI—VIII вв. из Верхнего Поволжья и Литвы [Третьяков, 1941, рис. 52, 8; Таутавичюс, 1970, с. 197—201].

Заканчивая перечень изделий из металла, характерных для памятников киевского типа Подесенья, необходимо упомянуть о бронзовых украшениях с выемчатой эмалью. Их связь с памятниками киевского типа Среднего и Верхнего Поднепровья убедительно зафиксирована в Новых Безрадицах, Бортничих, Казаровичах, Абидне, Тайманово и др. [Даниленко, 1976, с. 69; Максимов, Орлов, 1974, с. 20; Поболь, Наумов, 1967, с. 424—441]. Для Украинского Подесенья, где, по данным Г. Ф. Корзухиной, известно 7 местонахождений [Корзухина, 1978, с. 71—72], такая связь пока только намечена.

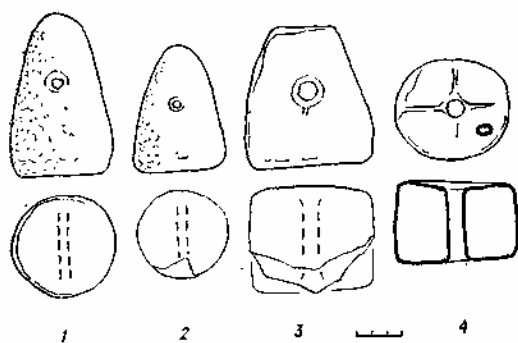

Рис. 15. Глиняные оттяжки для ткацкого станка из поселения Роище.

Так, обломок треугольной ажурной фибулы происходит из разрушенного поселения у с. Анисов (уроч. Татарская Горка). Вместе с этой находкой обнаружены многочисленные вещи, типичные для памятников Подесенья III—V вв.: пряслица, керамика, фрагменты подвязных фибул, бусы, бронзовые подвески и т. д. [Шугаевский, 1911, с. 244—258]. Обломок широкого браслета, лунница, крестообразная и ромбическая подвески найдены в окрестностях с. Горица [Корзухина, 1978, с. 71]. Здесь же было обнаружено поселение, содержащее наряду с груболепной керамикой фрагмент Черняховского гончарного сосуда с лощеной поверхностью [Ляпушкин, 1961, с. 327]. Несколько вещей круга выемчатых эмалей (в том числе 2 перекладчатые фибулы) найдены в Кветуни на Брянщине, хотя этот памятник несколько выходит за территориальные рамки данной работы [Горюнов, 1981, с. 32].

Изделия из глины, кости, камня и стекла. Из глины кроме посуды вырабатывались тигли, льячки, грузила и пряслица. Находки обломков *тиглей* единичны (Киселевка 2, жилище 1; Роище, жилище 3), что соответствует незначительному распространению изделий из цветных металлов. Большая часть фрагментов

принадлежит тиглям конусовидной формы. Экземпляр из жилища 3 (Роище) удалось восстановить почти полностью: его диаметр по венчику 6 см, высота 6,5 см, конические стенки плавно закругляются ко дну (табл. 16, 7). Поверхность тиглей сильно ошлакована. В литейном производстве наряду с тиглями использовались миниатюрные сосуды для разлива небольших порций металла в формы. Обломок такой *лячки* встречен в разрушенном жилище 3 поселения Ульяновка. Он принадлежал сосуду шириной 3 см с невысокими стенками (табл. 12, 10).

Конические тигли и льячки известны на обширной территории почти для любой группы древностей рубежа — первых веков нашей эры. Изделия, по размерам и пропорциям аналогичные описанным, неоднократно встречены в зарубинецких и позднезарубинецких древностях [Пачкова, 1974, с. 100-102].

Глиняные *грузила* и их выразительные обломки обнаружены только на поселении Роище в хозяйственных ямах (раскоп I—II, ямы 8, 37, 160) и в культурном слое (рис. 15). Среди них преобладают конусообразные — 7 экз. Их высота 7,6—10,6 см, диаметр основания 6—7,5 см. К ним приближаются пирамидальные грузила, имеющие основание подквадратной формы (2 экз.). Реже встречаются грузики в виде цилиндра с отверстием, проходящим через его ось. Все они изготовлены из глины со значительной примесью песка. Изделия из ямы 8 в отличие от других не были обожжены. Тем не менее заготовки их считать нельзя — вокруг отверстий сохранились отчетливые следы веревок. Так как необожженные изделия невозможно использовать в качестве грузил для рыболовных сетей, то, скорее всего, они применялись как оттяжки нитей основы вертикального ткацкого станка. Такие же грузила типичны для поселений

черпяховской культуры [Рикман, 1975, с. 188, рис. 23, 1].

Глиняные *пряслица* присутствуют почти на каждом памятнике киевского типа. В настоящее время для киевской культуры Нижнего и Среднего Подесенья известно около 120 находок целых прясел и их фрагментов. Форма пряслиц весьма стабильна — почти все они представлены изделиями биконической формы с уплощенными торцами и относительно крупным отверстием. Только на поселении Ульяновка (жилище 3 и постройка 5) встречены 2 пряслица, форма которых близка к сферической (табл. 12, 7; 13, 11). Среди биконических пряслиц преобладают изделия диаметром 2,4—3 см и высотой 1—1,2 см. Как правило, они уплощены (высота относится к максимальному диаметру как 0,3—0,6 : 1), относительно высокие изделия (0,6—0,8 : 1) редки. Диаметр отверстия 0,8—2 см (диаметр отверстия относится к максимальному диаметру как 0,3—0,65 : 1). Ребро обычно четкое, нередко оттянутое (табл. 22, 4—11). В нескольких случаях пряслица имеют двояковогнутую форму в разрезе. Некоторые изделия подобны Черняховским пряслам, они отличаются крупными размерами и небольшими отверстиями. Большинство пряслиц изготовлено из глиняной массы с мелкими примесями. Реже для их производства применялась керамическая масса, типичная для кухонной посуды. Как правило, формовка аккуратная, красноватая или темно-серая поверхность оглажена, часто вылощена. Обычно орнамент отсутствует. Известны 4 находки пряслиц, украшенных процарапанными зигзагами, наколами или насечками — Ульяновка, жилище 4 (2 экз.), Роище, находки из культурного слоя и ямы 66 (табл. 12, 27, 29; 22, 1, 2).

Вероятно, уплощенные биконические пряслица впервые появляются в зарубинецкой культуре на рубеже нашей

эры. В первой четверти I тысячелетия н. э. такие изделия входят в вещевой комплекс позднезарубинецких древностей в качестве одной из характерных деталей [Заверняев, 1969, с. 109; Савчук, 1969, рис. 1, 14, 43, 48-50]. В III—V вв. их ареал ограничен распространением памятников киевского типа, хотя в ряде случаев биконические уплощенные пряслица проникают за его пределы [Митрофанов, 1978, рис. 13, 15, 19]. Около середины I тысячелетия н. э. этот тип прясел в Среднем Поднепровье и Подесенье видоизменяется: они становятся несколько выше, отверстие делается меньше, отделка грубее. Начало этого процесса заметно на примере изделий из жилища 4 поселения Ульяновка (табл. 12, 26—32). Такие пряслица более типичны уже для раннесредневековых колочинской, пеньковской и пражской культур.

Крупная биконическая глиняная *бусина* (высота 1,9 см, максимальный диаметр 1,6 см) обнаружена в том же жилище 4 поселения Ульяновка (табл. 12, 24).

Кость применялась для изготовления орудий труда, необходимых при различных домашних ремеслах, прежде всего кожевенном.

Среди них наиболее распространены *тупики* — струги из ребер крупных животных (рис. 16, 1). В отдельных жилищах встречено свыше десятка таких находок (Ульяновка, жилище 1; Киселевка 2, жилище 1; Роище, жилище 3, и др.). Острый край ребра заполирован: видимо, тупики применялись для очистки шкур от мездры и шерсти [Третьяков, Шмидт, 1963, с. 87, рис. 43].

Так называемые «*коньки*» встречаются только среди материалов поселения Роище (жилище 3—1 экз., яма 54—3 экз., яма 116—2 экз.). Они изготовлены из плюсневых (5) или пястных (1) костей лошади со срезанным

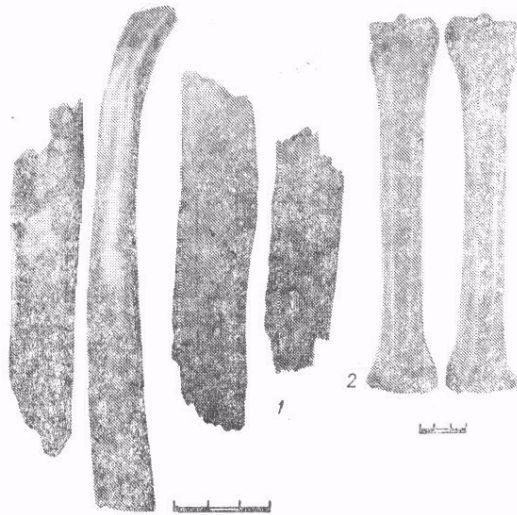

Рис. 16. Костяные орудия из поселения Роище:
1 — тупики (жилище 3); 2 — «коньки» (яма 116).

и заполированным основанием (рис. 16, 2). Находки таких изделий часто встречаются на поселениях черняховской культуры [Рикман, 1975, с. 190]. С. А. Семенов, подвергнув трассологическому анализу рабочие поверхности этих предметов, заключил, что, скорее всего, они применялись для обработки кожи или разглаживания ткани [Семенов, 1957, с. 225-226].

Кочедыки из ребер козы или овцы встречены на поселениях Ульяновка (жилище 4) и Роище (жилище 2—1 и 2 экз. из культурного слоя) (табл. 12, 21; 15, 7). Рабочий конец заострен и носит следы сработанности, рукояткой служит естественное завершение кости. Такие орудия, вероятно, применялись для плетения сетей, лаптей и т. д.

Проколки, или *спицы*, а возможно, и *стили* (Роище — 2 экз. из ямы 8 и жилища 14) имеют веретенообразную форму и отполированную поверхность (табл. 19, 4). Острия двух костяных *иглолок* встречены в жилище 1 (Лавриков

Лес), а обломки ушек — в жилище 1 поселения Ульяновка (табл. 1, 7, 8; 10, 5, 6). Судя по их размерам, эти орудия использовались для плетения сетей. Аналогичные изделия типичны для лесных культур Восточной Европы, например дяковской [Дубыпин, 1974, с. 223].

В жилище 4 поселения Ульяновка найден эпифиз кости крупной птицы со следами обработки (табл. 12, 20). Отрезанная пустотелая часть, вероятно, пошла на изготовление какой-то поделки, скорее всего игольника.

Амулет — коготь медведя — имел у основания прожженное отверстие для подвешивания — Выбли, жилище 1 (табл. 7, 7).

Особый интерес представляют находки костяных гребней и их фрагментов. Все десшские находки принадлежат к тину трехслойных многочастных *гребней* с прямыми плечиками и сегментовидной спинкой. Хорошо сохранился гребень из ямы 135 при жилище 14 (Роище). Его высота 7,2 см, ширина 8,8 см, высота спинки 3,6 см. Пластины соединены 9 бронзовыми заклепками. Боковые накладки украшены двумя горизонтальными желобками (табл. 19, 5). Аналогичному изделию принадлежал и фрагмент средней пластины плечика из постройки 1 (Роище), где сохранились 2 железные заклепки (табл. 14, 7). Фрагментированный гребень из жилища 2 (Ульяновка) имел высоту около 6 см и ширину 8,3 см. Пластины соединялись бронзовыми заклепками (табл. 12, 1). Такая же заклепка со следами кости из жилища 1 (Киселевка 2) также, вероятно, принадлежала гребню, Глизкому описанному выше (табл. 8, 5),

Такие гребни характерны для позднеперимского периода Центральной и Восточной Европы. По типологии С. Томас, они принадлежат к варианту I типа III [Thomas, 1900, s. 112], а по Г. Ф. Никитиной — к варианту 1а

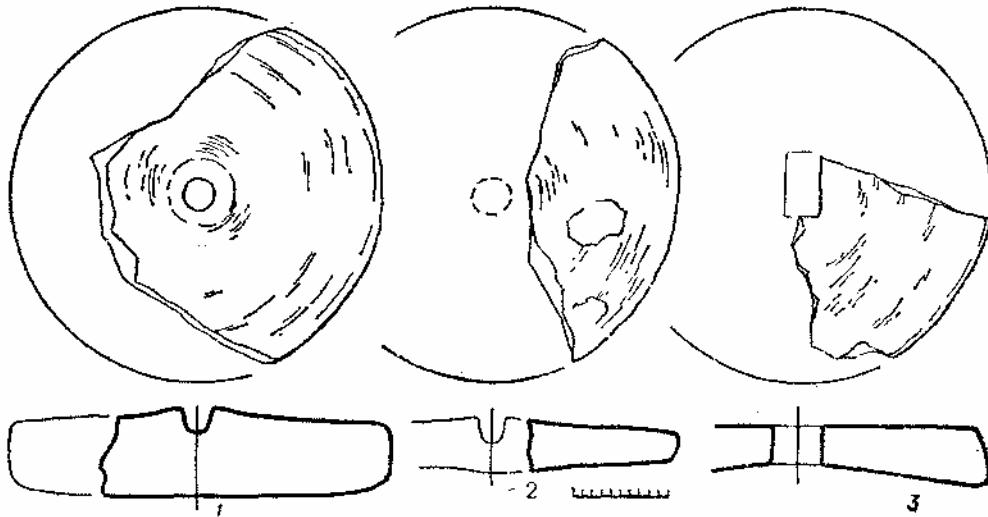

Рис. 17. Обломки жерновов из памятников киевского типа Подесенья:
1, 2 — Роище (ямы 73 и 14); 3 — Ульяновка (постройка 5).

типа III [Никитина, 1969, с. 147—159]. Эти исследователи датируют гребни с прямыми плечиками с сегментовидной рукоятью IV—V вв., причем большинство находок характерны для второй половины IV — начала V в. Учитывая многочисленность таких гребней в черняховской культуре, а также аккуратное изготовление этих технологически сложных вещей, находки из памятников киевского типа Подесенья следует считать привозными.

Из камня (серого шифера) выточено единственное уплощенное биконическое пряслице (Лавриков Лес, жилище 1), аналогичное по форме и размерам глиняным (табл. 1, 3). По ребру пряслице украшено вертикальными насечками [Третьяков, 1974, с. 110].

Почти все *точильные бруски* изготовлены из мелкозернистого песчаника. В сечении они имеют близкую к прямоугольной форму (табл. 10, 21, 22). Самый крупный (27,7X4,8X2,5 см) и аккуратно изготовленный экземпляр происходит из жилища 3 поселения Киселевка 2 (табл. 9, 9), Отдельные

оселки имеют следы заточки не только лезвий, но и иголок или шильев.

Единственная каменная *зернотерка* почти сферической формы диаметром около 6 см обнаружена в культурном слое поселения Роище.

Наиболее многочисленной категорией орудий, связанных с земледелием, являются жернова ручных мельниц. На поселениях Роище, Ульяновка, Киселевка 2 и Выбли фрагменты жерновов (51) встречены почти в каждой жилой или хозяйственной постройке, а также в некоторых ямах-погребках, что указывает на их массовое применение. Жернова имели диаметр около 40 см при толщине от 2,2 до 8,7 см. На обломке бегуна (верхнего камня) из хозяйственной постройки 5 (Ульяновка) в центре сохранилось прямоугольное отверстие для крепления оси и засыпки зерна (рис. 17, 3). Характерные фрагменты нижних жерновов встречены в ямах 14 и 73 поселения Роище (рис. 17, 1, 2). На одном из них сохранилась лунка для установки оси. Рабочие поверхности бегунов вогнутые, а нижних

каменной — выпуклые. Зазор между жерновами, видимо, мог регулироваться, что позволяло получать не только муку, но и крупу.

Ручные мельницы с прямоугольным или круглым отверстием в бегуне и лупкой в нижнем камне, по классификации Р. С. Минасяна, относятся к группе II, которая особенно характерна для черняховской культуры [Минасян, 1980, с. 9—10]. На черняховское происхождение жерновов из памятников Подесенья указывает и материал, из которого они изготовлены. Все жернова, за исключением одного, сделаны из вулканического туфа [Хавлюк, 1973, с. 36], выходы которого в Подесенье неизвестны. Вместе с тем такое месторождение, где, начиная с Черняховского времени, существовали промыслы по изготовлению жерновов, обнаружено в районе сел Жорнице и Луговая Винницкой обл. Вулканический туф из этой местности удачно сочетает такие свойства, как плотность, вязкость, легкость в обработке, что делало его незаменимым при производстве основных деталей ручных мельниц [Хавлюк, 1977, с. 24].

Вероятно, жернова поступали в Подесенья вместе с другими вещами черняховской культуры. Так как находки жерновов на памятниках киевского типа до последнего времени были неизвестны, была высказана мысль о позднем появлении ручных мельниц в Левобережье, связанном с роменской культурой [Минасян, 1980, с. 10—11]. Наши находки позволяют утверждать, что высокоэффективные ротационные жернова использовались населением южной окраины лесной полосы, граничившим с Черняховскими племенами, уже во второй четверти I тысячелетия н. э.

Нижний жернов из гранита (Роище, яма 73), размеры и конструктивные особенности которого полностью соответствуют туфовым изделиям, может

иметь и местное происхождение. Однако уникальность такой находки показывает, что население Подесенья изготовляло жернова sporadически. С прекращением существования черняховской культуры на этой территории исчезают и ручные мельницы.

Стеклянные бусы встречаются в единичных случаях (Ульяновка, жилище 3—1, жилище 4—1, постройка 5—3; Роище, жилище 3—1; Киселевка 2, жилище 1—1, жилище 3—3). Вне комплексов бусы найдены на поселениях Роище, Киселевка 1, Салтыкова Девица 2. По классификации Е. М. Алексеевой, посвященной античным бусам Северного Причерноморья, находки из Подесенья можно разделить на несколько типов. Единственная полихромная бусина из Роища (подъемный материал) принадлежит к группе изделий с волнисто-поперечно-линейными орнаментами. Судя по размерам (диаметр 2 см, высота 1,2 см) и орнаменту в виде четырех гладких красных полос и белого зигзага в поперечном поясе, эта округлая бусина из глухого черного стекла может относиться к типу 316 (табл. 22, 20). Наиболее близкие аналогии относятся к IV в. п. э. [Алексеева, 1978, с. 52].

Среди бус из одноцветного стекла большинство экземпляров (7) принадлежит к типу 15. Это округлые синие бусы диаметром 0,9—1,5 см и высотой 0,45—0,8 см (табл. 9, 4, 5; 12, 23; 13, 16; 16, 4). Хотя такие изделия имеют длительный период существования, наиболее широкое их распространение относится к III—IV вв. [Алексеева, 1978, с. 64—65]. Бусы биконической формы из прозрачного зеленого стекла (Ульяновка — 2 экз.) диаметром 0,7 см и высотой 0,9 см (табл. 12, 4; 13, 17) принадлежат к типу 91, характерному для IV в. н. э. [Алексеева, 1978, с. 68]. Многочленные синие пронизи (Киселевка 2—2 экз.) имеют длину до 1,6 см, диаметр 0,5—0,6 см (табл. 8, 6;

9, 3) и относятся к типу 203, распространенному в III—IV вв. [Алексеева, 1978, с. 74—75]. К этому же времени принадлежит крупная уплощенная бузина (Ульяновка) высотой 0,9 см и диаметром 1,8 см (табл. 13, 15) из прозрачного зеленого стекла, имеющая, как и другие, аналогии среди бус черняховской культуры [Кравченко, 1967, табл. XIV, 27]. Близость бус познеримского времени из лесостепной полосы и Причерноморья к деснинским находкам заставляет считать последние импортными, поступившими на терри-

торию Северной Украины через посредство Черняховских племен.

Таким образом, материальная культура населения Нижнего и Среднего Подесенья в III—V вв. имела довольно однородный характер. Рассмотренные выше ее составные элементы (домостроительство, погребальный обряд, керамика, орудия и др.) образуют специфический комплекс, неразрывность которого подтверждается постоянным совместным присутствием этих компонентов на различных памятниках.

**КУЛЬТУРНО-
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ
И ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ПАМЯТНИКОВ ПОДЕСЕНЬЯ
III-V вв.**

Хронология и периодизация памятников киевского типа Подесенья. Облик посуды киевской культуры Нижнего и Среднего Подесенья определяют лепные горшковидные сосуды четырех видов, представленные на разных памятниках в различных сочетаниях. Как и в любой археологической культуре, здесь различные виды и варианты керамики существуют длительное время и сами по себе не имеют датирующего значения. Определенные виды и варианты посуды сосуществуют с другими и лишь постепенно вытесняются ими. Таким образом, при выяснении хронологии комплексов наибольшее значение имеет сочетание различных керамических форм.

Керамические комплексы различных памятников можно расположить в определенной хронологической последовательности путем корреляции групп посуды и статистического анализа некоторых ее признаков. Опыт применения этого метода для неорнаментированной лепной керамики раннесредневековых памятников Восточной Европы дан в работах И. П. Русановой и Е. А. Горюнова [Русанова, 1973, с. 17—22; Горюнов, 1981, с. 17—22].

При анализе керамики нами использованы комплексы отдельных построек из Киреевки, Форостовичей, Ульяновки, так как эти памятники исследованы небольшими раскопками. Для характеристики поселений Лавриков Лес и Роище взяты материалы из комплексов (жилищ, хозяйственных построек п ям) и культурного слоя, являющиеся однородными в типологическом отношении. Анализ находок из комплексов волынцевской культуры Рошца (жилища 6, 8, 9, 13, 16) в настоящей работе опущен, материалы V—VII вв. (жилища 10, 17) использованы лишь в заключительном разделе.

Путем корреляции отдельных видов и вариантов посуды Е. А. Горюнов по-

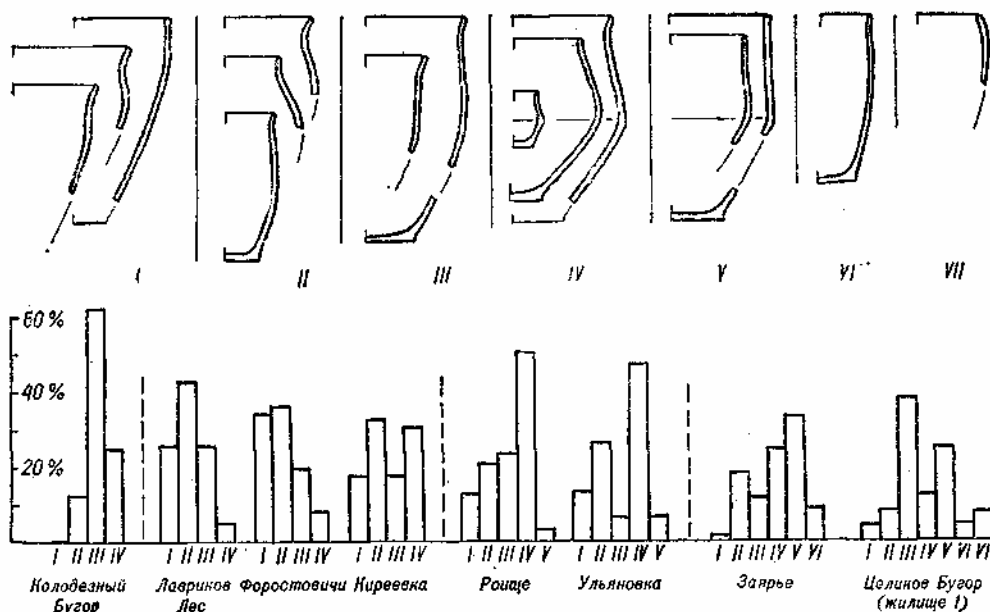

Рис. 18. Соотношение основных видов посуды на памятниках Нижнего и Среднего Подесенья II—VII вв.

казал, что поселения Лавриков Лес, Киреевка и Форостовичи дают устойчивое сочетание керамики I—III и, в меньшей степени, IV видов (нумерация видов по предложенной нами схеме). Цилиндро-конические сосуды, а также горшки, напоминающие корчацкую керамику, и сосуды с загнутым внутрь краем (виды V—VII) на этих памятниках отсутствуют (рис. 18). Керамика этих памятников распределяется по видам следующим образом, %:

	I	II	III	IV
Лавриков Лес	26	43	26	5
Форостовичи	35	36,5	20	8,5
Киреевка 1, 2	18	33	18	31

Посуда из Роища и Ульяновки представлена теми же видами, что и материалы указанных поселений, однако распределение этих видов несколько различно. Ведущее место здесь принадлежит не столько видам I—III, сколько различным вариантам биконических

горшков вида IV. Керамика поселений Роище и Ульяновка распределяется по видам следующим образом, %:

	I	II	III	IV	V
Роище	13	16	17,4	50,3	3,3
Ульяновка	13,2	26,5	6,6	47,1	6,6

Как и на поселениях Лавриков Лес, Форостовичи и др., здесь практически отсутствуют сосуды V—VII видов, представленные лишь единичными экземплярами, форма которых приближается к цилиндро-конической (рис. 18). Выделенные группы керамики несколько различаются размерами сосудов. Среди материалов Лаврикова Леса и Киреевки основное место принадлежит крупным сосудам диаметром свыше 24 см по венчику, менее распространены горшки средних размеров с диаметром по венчику 11—24 см [Горюнов, 1981, с. 20]. Среди керамики поселений Роище и Ульяновка ведущее место принадлежит горшкам с диаметром по

венчику 11-24 см (65-79,6%). Менее распространены крупные горшки и корчаги, имеющие диаметр венчику свыше 24 см (15 и 12 %), а также сосудики с диаметром венчика менее 11 см-20 и 8,4% (рис. 13, в).

Полученная картина отчасти подтверждается анализом размеров днищ. Для Лаврикова Леса и Киреевки первое и второе места занимают днища, соответственно имеющие 13—16 и 9—12 см в диаметре [Горюнов, 1981, с. 20]. Для Роища и Ульяновки наиболее типичны днища диаметром 9—12 см (47,8 и 45 %).

Наличие закраин на днищах горшков и почти полное отсутствие мисок более характерно для керамического комплекса второй группы. Вместе с тем обе группы сближают отчетливо выраженные, хотя и короткие, шейки и относительно тонкие днища, имеющие угловатый переход к стенкам.

Привязка керамических групп к отдельным хорошо датированным вещам из комплексов дает возможность установить абсолютную датировку памятников. Для первой группы такую привязку можно наметить прежде всего на основании находки описанной выше железной двучленной фибулы второй половины III — первой половины IV в. в жилище 1 поселения Лавриков Лес. Кроме того, на поселениях Лавриков Лес и Киреевка найдены две железные посоховидные булавки III — IV вв. Таким образом, нижняя граница существования памятников киевского типа в Подесенье проходит около начала III в. н. э.

Более точно можно привязать к абсолютным датам комплексы поселений Роище, Ульяновка и других, опираясь на относительно многочисленные находки Черняховского импорта.

Напомним, что кроме черняховской гончарной керамики в постройке 5 (Ульяновка) обнаружены биконическая бусина зеленого стекла (тип 91),

крупная удлиненная железная и небольшая округлая бронзовая пряжки. В жилище 3 того же поселения аналогичная бусина встречена вместе с трехслойным многочастным гребнем с полукруглой спинкой и прямыми плечиками. Такой же гребень обнаружен с обломками амфоры типа Е в комплексе жилища 14 (Роище). Фрагмент гребня такого же типа встречен в постройке 1 (Роище). В жилище 3 (Роище) найдена часть удлиненной железной пряжки вместе с синей стеклянной бусиной. При раскопках поселения Киселевка 2 в жилище 3 обнаружена такая же бусина вместе с многочленной пронизью из синего стекла. Часть аналогичной пронизи найдена в жилище 1 (Киселевка 2) с характерным язычком округлой бронзовой пряжки. Хронологические позиции данных находок в соответствии с приведенной выше литературой указаны на рис. 19, А.

Такие находки, как трехслойные гребни с прямыми плечиками и полукруглой рукоятью, некоторые типы стеклянных бус, обломки амфоры типа Е, пряжки с клювообразным язычком, имеющим прямоугольный выступ, узкие железные пряжки, вполне определенно указывают на заключительную часть позднеримского периода — IV в. н. э. (рис. 19, А). В последнее время, используя западно- и средневропейские хронологические схемы, время бытования некоторых черняховских памятников распространяют и на первую половину V в. н. э. [Щукин, 1979, с. 17—22]. Подтверждением такой точки зрения является совместная находка с типично киевской и черняховской керамикой браслета с утолщенными концами и обломка зеркала с центральной петлей в жилище 1 (Ульяновка) (табл. 10, 11) Хотя такие изделия sporadически встречаются в довольно широких хронологических рамках, все же они наиболее типичны для гуннского

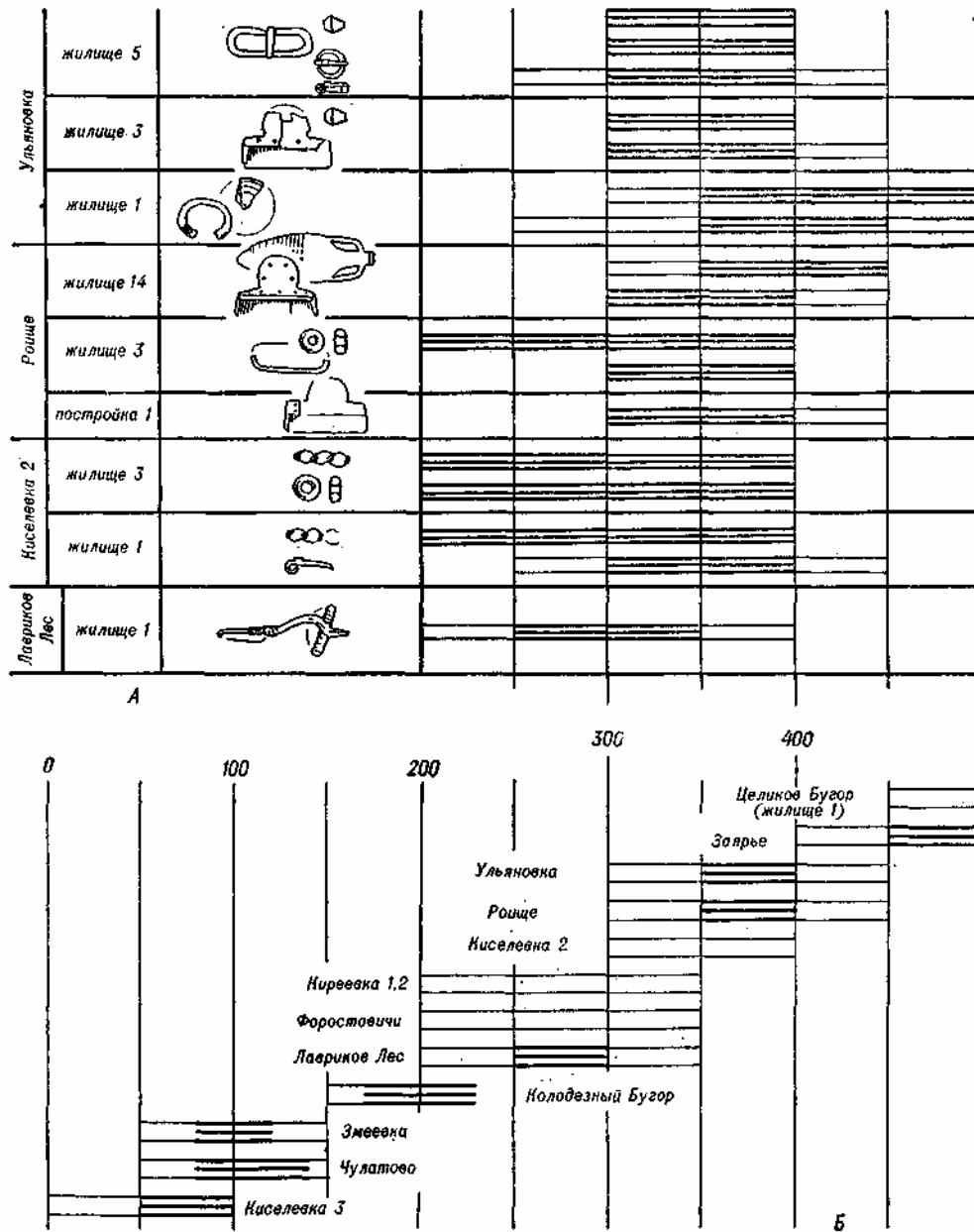

Рис. 19. Хронологические схемы отдельных комплексов киевской культуры (А) и некоторых памятников I—V вв. (Б) Нижнего и Среднего Подесенья.

времени — второй половины IV — первой половины V в. Вышеприведенные данные свидетельствуют о существовании по крайней мере некоторых комплексов киевской культуры в Подесенье в этот период.

Хотя основное количество памятников, где присутствует черняховский импорт, исследовано в районе Чернигова, отдельные находки таких древностей известны и севернее. Так, на трех поселениях у сел Мезин и Куриловка близ Новгород-Северского встречены фрагменты биконических сосудов, аналогичных материалам Роища, Ульяновки и других, причем в двух случаях они сопровождалась фрагментами гончарной керамики и обломком черняховской бронзовой фибулы (табл. 6, 15—25). Такие факты, как нам кажется, не позволяют считать киевские древности Черниговщины и Новгород-Северщины двумя синхронными локальными вариантами, а указывают на одновременность памятников в каждом из этих регионов. Не исключено, что в районе Новгород-Северского памятники второй группы сменили древности круга Лаврикова Леса несколько позднее, чем на Черниговщине, на что, возможно, указывает датировка фибулы из Лаврикова Леса — вторая половина III — первая половина IV в. Если для памятников второй группы характерны многочисленные черняховские вещи, то они полностью отсутствуют на таких поселениях, как Лавриков Лес, Форостовичи, Киреевка. Напротив, отдельные металлические украшения из этих памятников имеют прямые аналогии на северо-западе, прежде всего — в Прибалтике и Белоруссии.

Перечисленное выше заставляет нас остановиться на взаимоперекрывающихся датировках основных периодов существования памятников киевского типа в Нижнем и Среднем Подесенье: III — первая половина IV в. — первая фаза

киевской культуры Подесенья (Лавриков Лес, Форостовичи, Киреевка 1 и 2, Вишенки); IV — первая половина V в. — вторая фаза киевской культуры Подесенья (Роище, Ульяновка, Киселевка 1 и 2, Выбли, Мезин).

Эти периоды отличаются преобладающим направлением контактов (первый — с северо-западным населением, второй — с черняховской культурой) и, как следствие этого, особенностями материальной культуры, проявившимися в ассортименте керамического комплекса, наборе орудий, украшений и т. д.

Сравнительный анализ памятников киевского типа различных регионов. Отсутствие широко исследованных памятников киевского типа на всей территории их распространения, а также малое число публикаций материалов из Верхнего Поднепровья и Посеймья затрудняет выделение локальных вариантов. В связи с этим детальному сравнительному анализу можно подвергнуть прежде всего среднеднепровскую и деснинскую группу памятников.

В Среднем Поднепровье ныне насчитывается около 50 поселений киевского типа [Кравченко, Гороховский, 1979, с. 60], материальная культура которых разнообразнее деснинской. Так, топография поселений Киевщины варьируется от размещения памятников в пределах поймы (Новые Безрадици) или на первой надпойменной террасе (Казаровичи) до расположения обуховских поселений на краю высокого лесового плато [Кравченко, 1979, с. 78—81]. Более многообразны и типы жилищ: наряду с квадратными и прямоугольными в плане полуземлянками, очевидно, срубной конструкции (Казаровичи, Новые Безрадици), встречаются также постройки, нижняя часть которых была опущена в землю незначительно (Обухов II). Здесь, видимо, применялась каркасная конструкция с

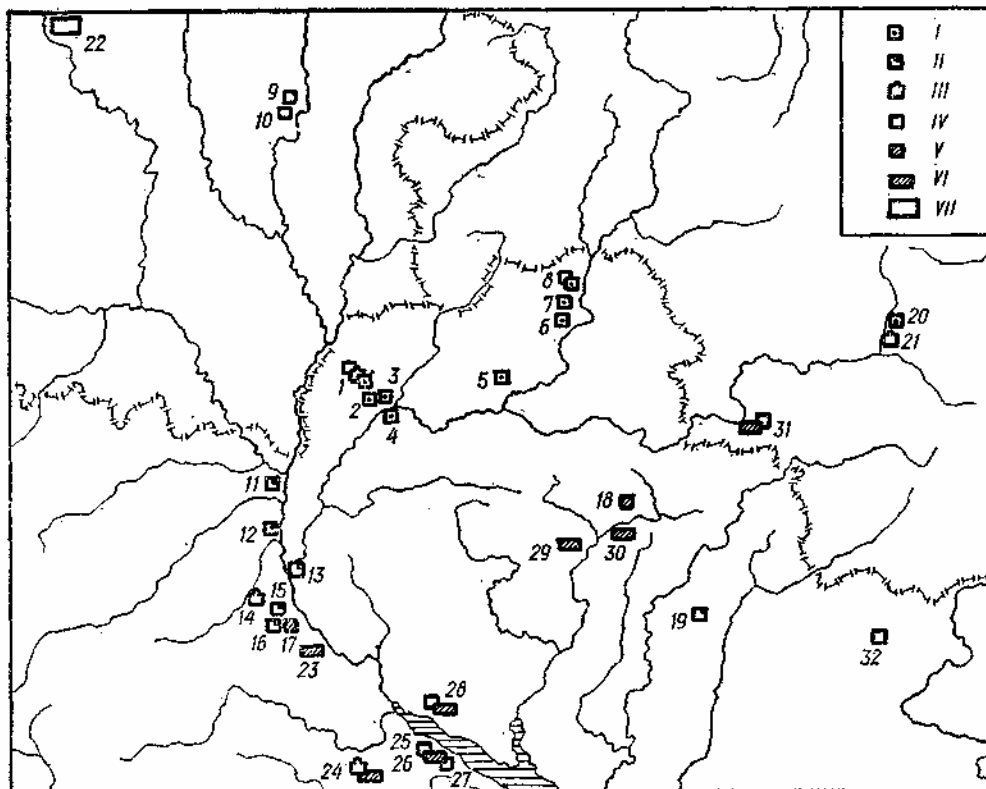

Рис. 20. Распространение типов жилищ киевской и соседних культур:

I — полуземлянки со столбом и очагом в центре; *II* — полуземлянки с очагом в углу; *III* — полуземлянки с врезанной в стену печью; *IV* — полуземлянки неустановленного типа; *V* — каркасно-глинобитные жилища небольших размеров; *VI* — крупные наркрасно-глинобитные дома; *VII* — многокамерные наземные столбовые дома.

Памятники II в. н. э. с чертами киевской культуры и киевская культура:

1 — Роище; 2 — Ульяновка; 3 — Киселевка 2; 4 — Выбли; 5 — Киреевка 1; 6 — Лавриков Лес; 7 — Форостовичи; 8 — Колодезный Бугор; 9 — Абидня; 10 — Тайманово; 11 — Грини; 12 — Назаровичи; 13 — Погребы; 14 — Бзлогородка; 15 — Ходосовка; 16 — Новые Безрадици; 17 — Обухов II; 18 — Беседовка; 19 — Вовки; 20 — Каменеве 2; 21 — Букрцевка.

Культура штрихованной керамики: 22 — Лабенщина.

Черкловская культура: 23 — Жуковцы; 24 — Журавка; 25 — Красная Слобода; 26 — Леськи; 27 — Ломоватое; 28 — Ново-Липовское; 29 — Артюховка; 30 — Коровинцы; 31 — Снагость 2; 32 — Пересечное.

глиняной обмазкой [Кравченко, 1979, с. 83]. Отопительные сооружения представлены открытыми очагами, в ряде случаев вымощенными черепками посуды, и врезанной в стену печью [Даниленко, 1976, с. 68]. Как правило, очаг располагался в одном из углов (рис. 20), реже — почти в центре жилища [Кравченко, Гороховский, 1979,

с. 62—67]. Мощные очаги, поды которых вымощены черепками в несколько слоев, встречаются и вне построек (Обухов III).

Погребальный обряд населения Киевщины представлен ямными трупосожжениями, в заполнении которых присутствуют вторично обожженные фрагменты керамики.

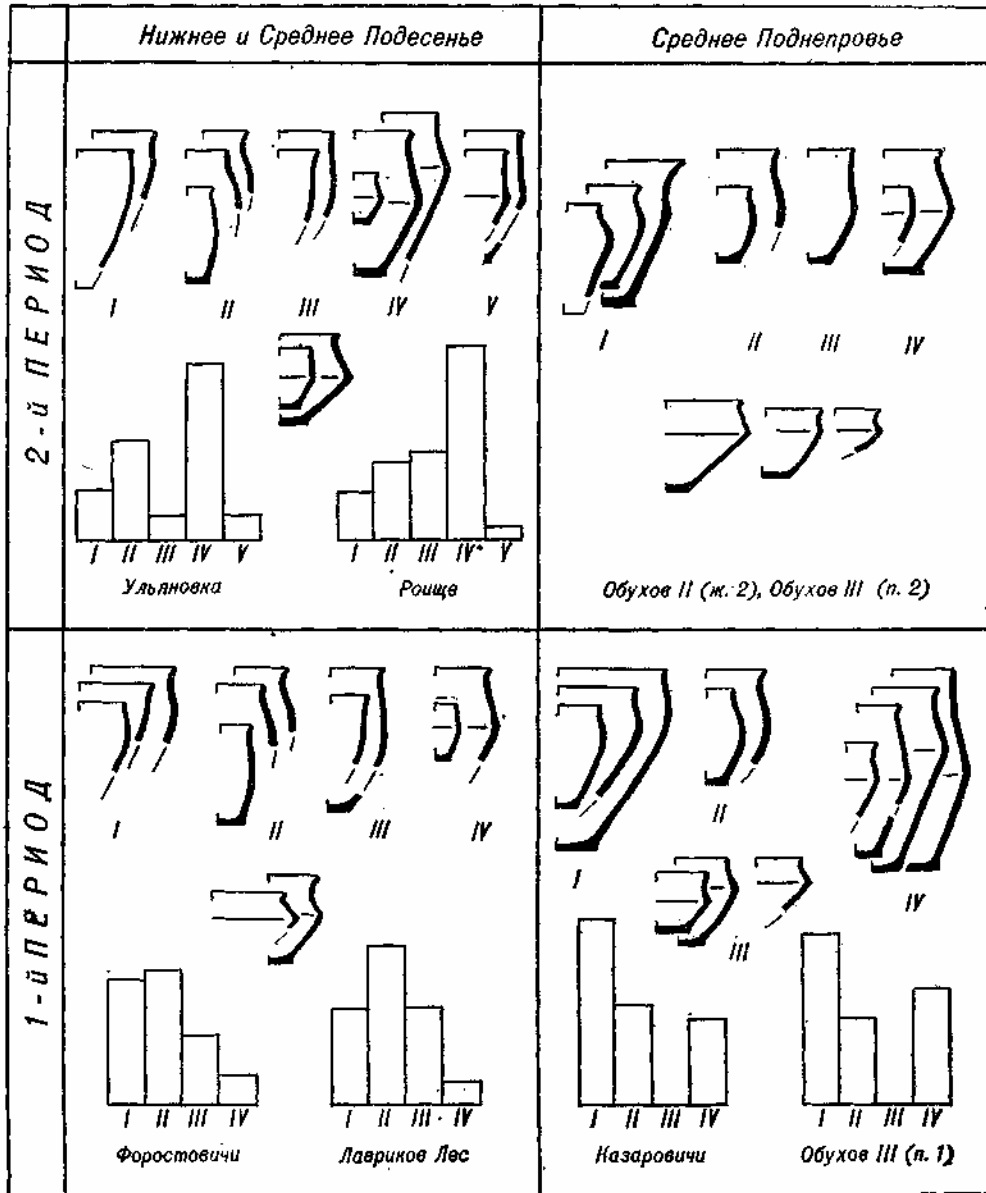

Рис. 21. Соотношение форм сосудов различных периодов из памятников киевского типа Подесенья и Среднего Поднепровья (для Обухова II — жилище 2 и Обухова III — под 2 гистограммы не даны, так как представленные материалы единичны).

Детального анализа в плане установления региональных различий заслуживает керамика. Периодизация памятников Киевщины III—V вв., предложенная П. М. Кравченко и Е. Л. Гороховским [Кравченко, Гороховский, 1979, с. 66—67], в основных чертах совпадает со схемой, разработанной выше для Подесенья. В связи с этим сопоставление керамики этих территорий для раннего и позднего периодов методически оправдано.

Так, для III в. н. э. Среднего Поднепровья наиболее показательны материалы из пода 1 поселения Обухов III, а также поселения и могильника Казаровичи [Кравченко, Гороховский, 1979, с. 66]. В обоих случаях, как, впрочем, и в любом районе распространения киевской культуры, основное место принадлежит горшкам и корчагам. Если при анализе керамики Киевщины попытаться применить нашу классификационную схему, то окажется, что те же виды сосудов представлены большим числом вариантов. Вид I характеризуется более округлобкими экземплярами, шейки которых профилированы сильнее. К особому варианту того же вида можно отнести практически не встречающиеся на Десне сосуды относительно вытянутых пропорций с размещением плеча около верхней трети высоты (Казаровичи). Биконические сосуды вида IV сравнительно узкогорлые и вытянутые, часто ребро расположено в верхней части сосуда. На ранних памятниках Киевщины ведущее место принадлежит сосудам вида I (Казаровичи — 50, Обухов III — 46%), а лишь затем II и IV видов (Казаровичи — 27 и 23%, Обухов III — 23 и 31%). Орнаментация горшков несколько более разнообразна, чем в Подесенья, — косые насечки по попчику встречаются чаще, как и пересекающиеся следы расчесов гребенкой. Только на Киевщине встречаются украшения в виде наклепных подковок Б

верхней части сосудов, а также врезные параллельные линии в месте максимального расширения корпуса [Абашина, Гороховский, 1975, рис. 3, 3, 5; 4, 3]. Из Казаровичей происходят фрагменты двух биконических сосудов с наклепными горизонтальными валиками под венчиком, отсутствующими на поселениях типа Лавриков Лес.

Чаще, чем в Подесенья, в Среднем Поднепровье встречаются обломки подощенных лепных мисок с ребром в верхней или средней части корпуса (Казаровичи, Обухов III) (рис. 21).

По мнению Н. М. Кравченко и Е. Л. Гороховского, керамический комплекс киевского типа Среднего Поднепровья в III в. н. э. еще не сложился, так как характеризуется многочисленными пережиточными зарубинецкими чертами [Кравченко, Гороховский, 1979, с. 66]. Процесс этот завершился в IV в. н. э., что прослеживается на материалах из жилища 2 (Обухов II) и пода 2 (Обухов III), достаточно близких керамике из памятников Подесенья второго периода типа Роища — Ульяновки (рис. 21). Пропорции биконических сосудов Киевщины меняются: они становятся более широкогорлыми и приземистыми. Для таких горшков типично размещение ребра на середине высоты. Шейки становятся короче. Появляются единичные тюльпановидные горшки, ранее полностью отсутствовавшие в Среднем Поднепровье [Кравченко, Гороховский, 1979, с. 66]. Вероятно, в это время наряду с определенным влиянием киевской культуры Подесенья и Верхнего Поднепровья усиливаются контакты средподнепровского населения с черняховской культурой, памятники которой встречены в непосредственной близости от обуховских поселений. Влияние черняховской культуры на керамическое ремесло местных племен заметно на примере лепных лошенных мисок, попрежнему остающихся характерной

чертой керамического комплекса Киевщины. Если для немногочисленных деснинских мисок подражание гончарной черняховской керамике проявилось только в имитации форм, то в Среднем Поднепровье наряду с этим встречаются также изделия, орнаментация которых в виде фриза, состоящего из заштрихованных треугольников, явно указывает на черняховские образцы [Кравченко, Гороховский, 1979, рис. 3, 44-46, 58-60].

Вероятно, к этому же или несколько более позднему времени относятся материалы из трех полуземлянок, исследованных в уроч. Диброва у с. Ходосовка [Даниленко, 1976, с. 88]. Автор раскопок считает такие комплексы колочинскими, опираясь прежде всего на находку биконического горшка и относительно высоких ребристых прясел. Однако в правобережье Среднего Днепра колочинские памятники третьей четверти I тысячелетия п. э. неизвестны. Напротив, вышеуказанные материалы из Ходосовки находят аналогии на памятниках типа Роище — Ульяновка.

Немногочисленные публикации не позволяют подробно сравнить верхнеднепровскую группу памятников с деснинской. Некоторые сведения относятся главным образом к материалам поселений и могильников Абидня и Тайманово, расположенных к югу от Могилева [Поболь, 1966, с. 205—217; Поболь, 1969, с. 89—117; Поболь, 1973, с. 221—230]. Первый памятник однослоен, на втором, по мнению Л. Д. Поболя, встречены также комплексы VI—IX вв. Это крупные поселения, застроенные квадратными в плане полуземлянками (в Абидне исследовано 29 построек на 20—25 % площади памятника). Наряду с ними в низких местах сооружались, возможно, наземные I жилища, следы которых фиксируются в виде каменной вымостки очага. Такие очаги, видимо, частично относятся также к рабочим площадкам. Погребальный об-

ряд в основных чертах совпадает с деснинским: сожжения на стороне с помещением остатков костра в ямку округлой или овальной формы, куда изредка попадают также фрагменты керамики и предметы личного убора.

Лепная керамика представлена различными вариантами видов I и IV (по схеме, разработанной для Подесенья), то есть горшками и корчагами с расположением округлого или ребристого плечика в верхней части сосуда, а также биконическими горшками. Реже встречаются сосуды вытянутых пропорций с максимальным расширением на середине высоты (вид II) и тюльпановидных форм. Довольно обычна обработка поверхности расчесами. В отдельных случаях кухонные сосуды орнаментированы пальцевыми вдавлениями или насечками по венчику, а также паленным горизонтальным валиком.

Подлощенные миски и горшковидные столовые сосуды весьма напоминают изделия из поздних комплексов Чаплинского могильника. Менее распространены миниатюрные сосуды, а также диски, в некоторых случаях утолщенные по краю.

Несмотря на значительную удаленность Тайманова от Черняховского ареала, здесь найдены фибулы, пряжки и другие изделия южного происхождения, почти отсутствующие в абидненских комплексах. Хотя о датировке отдельных комплексов но имеющимся публикациям судить трудно, можно предположить, что материалы Абидни, где присутствуют только железные двучленные фибулы ранних типов, а также фрагменты краснолаковых сосудов [Поболь, 1971а, с. 178—179], возможно, относятся к несколько более раннему времени, чем комплексы киевского типа из Тайманово.

На активный контакт с черняховской культурой населения Посеймья указывают материалы, полученные Э. А. Сымоновичем в последние годы [Сымоно-

вич, 1979, с. 95—96]. С памятниками Подесеня III—V вв. их сближают прежде всего общие элементы домостроительства: центральный столб и открытый очаг в полуземлянках поселения Каменево 2 и печь, врезанная в стену в постройках поселения Букреевка (рис. 20). Лепная посуда представлена фрагментами тюльпановидных и слабопрофилированных горшков, дисков. В небольшом количестве обнаружена черняховская гончарная керамика, прясла, а также пряжка и фибулы.

Таким образом, материальную культуру населения Нижнего и Среднего Подесеня, северной части Среднего Поднепровья, Юго-Восточной Белоруссии и Посеймья сближают открытые поселения с небольшими квадратными в плане полуземлянками с отопительным сооружением в виде очага, ямные трупосожжения на стороне с незначительным инвентарем на грунтовых могильниках, характерный набор лепной неорнаментированной посуды (преимущественно слабопрофилированные, округлобокие, тюльпановидные и биконические горшки, а также диски и миски) и некоторых других категорий инвентаря (например, уплощенные биконические пряслица с крупным отверстием).

Место памятников киевского типа среди синхронных культур. Свообразие памятников киевского типа мы постараемся выявить, сопоставляя их элементы с составляющими синхронных культур, граничащих с очерченным ареалом (рис. 22).

С севера к нему примыкает территория культурной области, отождествляемой обычно с восточнобалтскими племенами [Седов, 1970, с. 11—33]. Крайнее западное положение здесь занимает культура штрихованной керамики, распространенная в Средней Белоруссии и Восточной Литве. Ее граница в

первой половине I тысячелетия н. э. проходила, видимо, в нижнем течении р. Березины и через Днепр в районе Могилева. В этом пограничье расположены такие памятники киевского типа, как Абидня и Тайманово. Последний этап культуры штрихованной керамики характеризуется городищами, нередко имеющими мощную систему укреплений, наземными жилищами столбовой конструкции, разделенными на несколько жилых помещений (часто площадь жилищ превышает 100 м²), ребристыми и слабопрофилированными горшками, а также сосудами баночной формы, поверхность которых покрывалась орнаментом в виде штриховки, защипов, ямок и др. Среди пряслиц преобладают орнаментированные плоские изделия, а также так называемые «грузики дьякова типа». Сведений о погребальном обряде нет [Митрофанов, 1978, с. 15—42, рис. 1].

С севера ареал памятников киевского типа ограничен распространением древностей днепро-двинской культуры в верхнем течении Сожа и Десны. Вероятно, граница между этими древностями проходила через Десну несколько севернее Брянска. Для днепро-двинской культуры этого периода (типа среднего слоя Тушемли) характерны: городища с мощной системой укреплений, длинные наземные столбовые дома с несколькими жилыми помещениями и меньшие прямоугольные постройки (отопительные сооружения — очаги), приземистые слабопрофилированные и баночные горшки, лишь изредка орнаментированные, «грузики дьякова типа». Погребения неизвестны [Третьяков, Шмидт, 1963, с. 22-24, 129-140; Шмидт, 1975, с. 6, 9].

Племена междуречья Десны и Сейма во второй четверти I тысячелетия н. э., видимо, являлись соседями носителей мощинской культуры, занимавшими верховья Оки и ее притоков. На мощинских городищах открыты

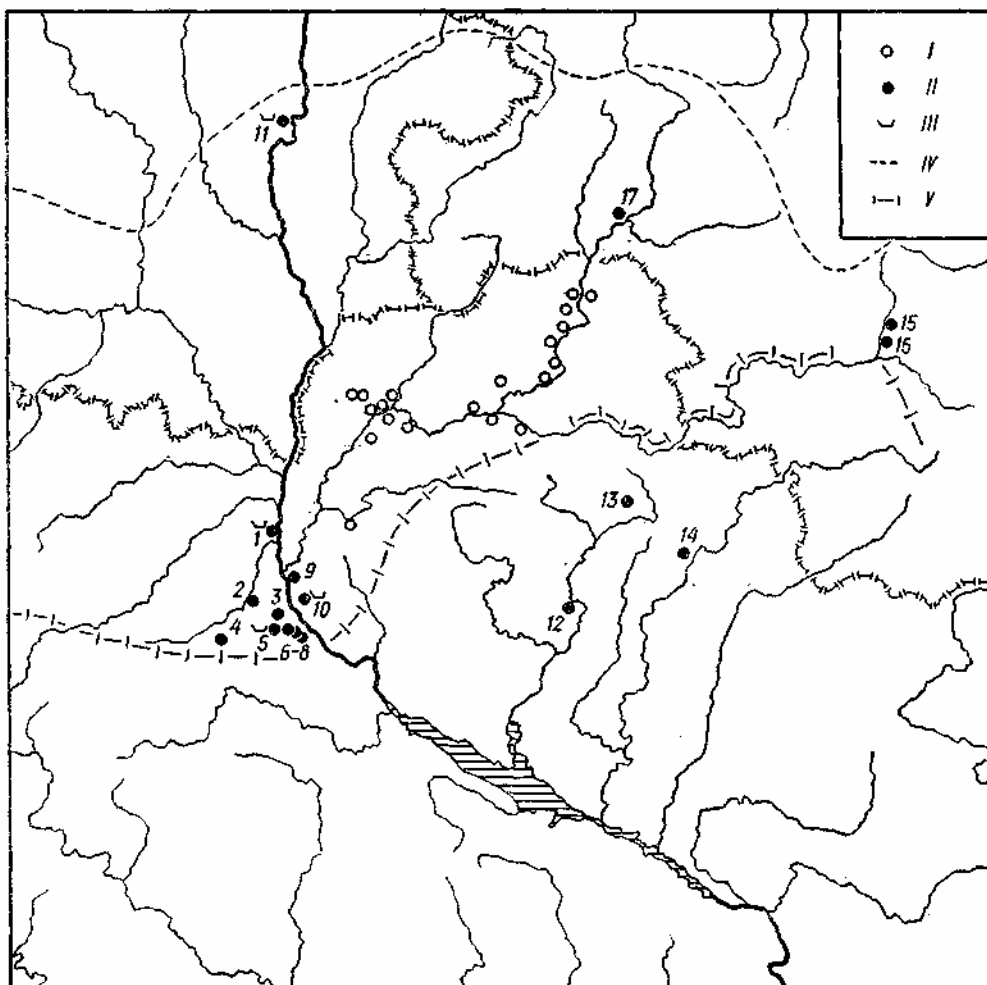

Рис. 22. Основные памятники киевского типа Подесенья и смежных областей:

I — основные памятники киевского типа Подесенья; II — поселения; III — могильники киевского типа смежных областей; IV — граница культур штриховой керамики, днепро-двинской и молдавской (по В. В. Седову и др.); V — граница черняховской культуры (по Э. А. Сымоновичу и др.).

1 — Казаровичи; 2 — Белгородка; 3 — Ходосовка; 4 — Большая Салтановка; 5 — Новые Безрадичи; 6—8 — Обухов I, III, VII; 9 — Погребы; 10 — Бортнич; 11 — Тайманко; 12 — Сенча; 13 — Беседовка; 14 — Курган-Азак; 15 — Каменево 2; 16 — Букреевка; 17 — Кветунь.

углубленные в землю квадратные постройки, а также более крупные наземные дома столбовой конструкции. Могильники представлены курганами с остатками трупосожжений, керамика — широкогорлыми округлобкими и слабопрофилированными горшками с высокой

слабо отогнутой шейкой, а также высокими ребристыми лощеными мисками с раструбообразной верхней частью [Никольская, 1970, с. 83—90; Фролов, 1979, с. 63—72]. Своеобразие мощинской культуры в значительной степени объясняется влиянием на нее в первых

веках нашей эры некоторых позднезарубинецких группировок, близких к памятникам типа Почепа.

Рассматриваемый регион с юга граничит с памятниками черняховской культуры, подверженными определенным влияниям провинциально-римской культуры. Так, здесь господствует изготовленная на гончарном круге керамика и другие вещи позднеримских типов, многочисленные крупные неукрепленные поселения, биритуальные погребения с различными вариациями на грунтовых могильниках. Домостроительство в лесостепной полосе представлено наземными постройками с глиняной обмазкой и полуземлянками.

Южная граница распространения сплошного массива памятников киевского типа, вероятно, совпадает с северной границей черняховской культуры, намеченной многолетними исследованиями [Сымонович, 1964, с. 7—44]. Условно она проходит по линии Киев—Нежин—Конотоп—Курск и почти совпадает с северной границей распространения черноземов. Как свидетельствуют находки Черняховского импорта па поселениях второй фазы киевской культуры Подесенья, местное население вступило в контакт с черняховскими племенами сравнительно поздно — не ранее IV в. н. э. Компактный набор типов привозных изделий на памятниках Черниговщины, по-видимому, указывает, что контакт населения Подесенья с Черняховскими племенами не был продолжительным.

Влияние черняховской культуры сказалось в распространении в Подесенье и Среднем Подыепровье лепных мисок, имитирующих гончарные образцы. Такие изделия на памятниках киевского типа Подесенья второго периода совершенно вытесняют бытовавшие здесь ранее тщательно вылощенные миски поздизарубинецких типов. Следует отметить, что имитация в лепной технике гончарных сосудов получила опре-

деленное распространение и в северо-западной периферии черняховской культуры. Такое явление, в частности, отмечено применительно к памятникам Верхнего Поднестровья [Баран, 1972, с. 124].

Видимо, под влиянием черняховской культуры у племен Десны произошли некоторые изменения в домостроительстве — только ко второму периоду киевской культуры относится появление наземных хозяйственных построек с глиняной обмазкой, а также единичных отопительных сооружений в виде врезанной в стену жилища печи с подом, вымощенным черепками.

Возможно, к памятникам киевского типа относятся и такие древности лесостепного Левобережья второй четверти I тысячелетия н. э., как Беседовка, Сенча, Курган-Азак и другие, вещевой комплекс которых отличен от черняховского [Махно, 1955, с. 79—85; Горюнов, 1981, с. 54—60; Ильинская, 1968, с. 55—61; Сухобоков, 1975, с. 26—37]. Хотя все они датируются единичными находками Черняховского инвентаря, характер взаимоотношений их обитателей с населением черняховской культуры пока не ясен, как и то, образуют ли древности, близкие к киевским, в Лесостепи сплошные массивы или же встречаются там спорадически.

Сейчас можно отметить два района, где памятники, связанные с основными массивами киевской и черняховской культур, близко соседствуют: Правобережное Киевское Поднепровье и Курское Посеймье. В первом случае, по наблюдениям Н. М. Кравченко и Е. Л. Гороховского, граница проходит в районе рек Стугна и Красная, а также через среднее течение р. Ирпень. Вместе с тем отдельные памятники киевского типа проникают на юг по крайней мере до Канева и Золотоноши, располагаясь в пределах поймы Днепра или на отрогах коренного берега, то есть в условиях, не харак-

терных для черняховских поселений [Кравченко, Гороховский, 1979, с. 61].

Трудно наметить границы ареала памятников киевского типа в нижнем течении р. Припяти. Как известно, почти полное отсутствие здесь поселений и могильников второй четверти I тысячелетия н. э. породило гипотезу о существовании группы древностей, следы которых пока зафиксировать не удалось [Шукин, 1976, с. 77—78]. Такое «белое пятно», на наш взгляд, прежде всего объясняется неблагоприятными для жизни условиями, а именно сильной заболоченностью этого края. Поэтому слабая изученность восточной части бассейна Припяти, реальная немногочисленность памятников III—V вв. затрудняют определение западной границы древностей киевского типа.

Естественно, границы указанной относительно компактной области, занятой памятниками киевского типа, будут уточняться на основании новых данных. Сейчас важно отметить, что эти древности занимают промежуточное географическое и, как следствие этого, типологическое положение между черняховской культурой, близкой к кругу провинциально-римских культур, и рядом культур железного века лесной полосы Восточной Европы.

Таким образом, памятники второй четверти I тысячелетия н. э. на территории Северо-Восточной Украины, Юго-Восточной Белоруссии и смежных областей РСФСР характеризуются единообразным, присущим только им вещевым комплексом, выразительно отличающимся от древностей соседних археологических культур. Как известно, для выделения комплекса в отдельную археологическую культуру должны быть сходными основные категории составляющих его элементов, которые образуют специфически неповторимую систему [Генинг, 1976, с. 11], отличную от систем других культур. Вероятно, исходя из этого положения,

памятники киевского типа можно рассматривать как составляющие самостоятельную археологическую культуру. Учитывая предложенный первооткрывателем этой группы древностей В. Н. Даниленко термин «памятники киевского типа», предлагаем именовать культуру «киевской». Такое наименование sporadически уже применяется в литературе [Никитина, 1974, с. 6, рис. 1; Горюнов, 1981, с. 47; Максимов, Терпиловский, 1978, с. 107; Приходнюк, 1978, с. 110].

Предполагают, что последовательно выделенная археологическая культура может рассматриваться как комплекс сходных памятников, расположенных на одной территории и отражающих состояние отдельного этноса на определенном этапе социально-экономического развития [Генинг, 1976, с. 30].

Учитывая, что иногда памятники киевского типа рассматриваются как позднейший этап развития зарубинецкой культуры [Даниленко, 1976, с. 65—92; Поболь, 1966, с. 205—216], необходимо выяснить отношение данной группы памятников к древностям предшествующего периода.

Происхождение памятников киевского типа. Несомненно, что специфика памятников киевского типа определяется их происхождением больше, чем контактами с соседними культурами. Вышеочерченный ареал в первой четверти I тысячелетия н. э. был заселен преимущественно племенами, в той или иной мере сохранившими черты зарубинецкой культуры. Их древности представлены для Среднего Поднепровья памятниками типа Лютеж — Оболонь — Девич-Гора [Бидзиля, Пачкова, 1969, с. 51—74; Шовкопляс, 1975, с. 34—35; Кравченко, 1979, с. 77—79], для Верхнего Подесенья — типа Почеп [Заверняев, 1969, с. 88—118] и для Южного Побужья — типа Рахны [Хавлюк, 1971, с. 84—96]. Все эти древности, подчас весьма различные, все же обнаружи-

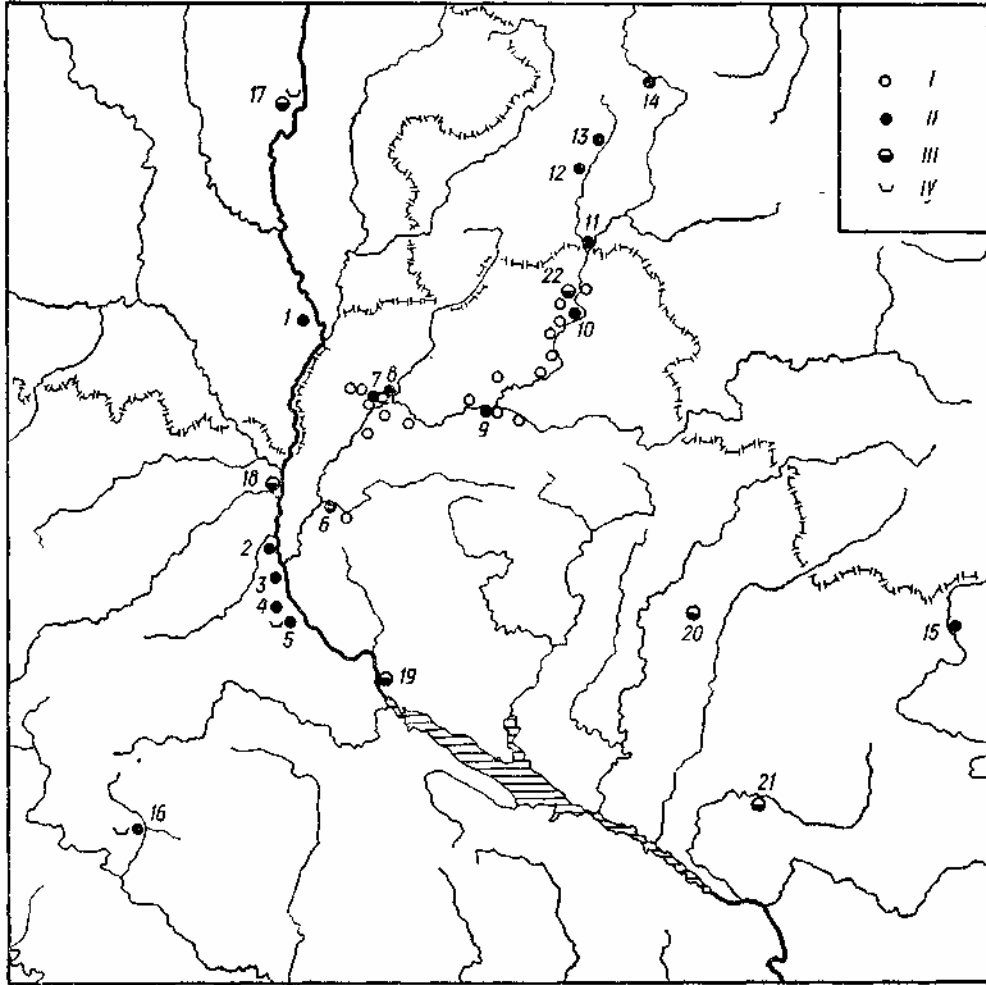

Рис. 23. Основные памятники I—II вв. Среднего и Верхнего Поднепровья, Подесеня и Побужья:

I — основные памятники Подесеня III—V вв.; *II* — позднезарубинецкие памятники I—II вв., *III* — памятники II в. н. э. с некоторыми чертами киевской культуры; *IV* — могильники.
1 — Чаплин; *2* — Лютеда; *3* — Оболонь; *4* — Ходосовка; *5* — Девич-Гора; *6* — Ворки; *7* — Киселевка; *8* — Змеевка; *9* — Старая Бутовка; *10* — Чулатово; *11* — Гремяч; *12* — Почеп; *13* — Синьково; *14* — Хотылево; *15* — Новодоновка; *16* — Рахны; *17* — Абидня; *18* — Грини; *19* — Решитки, *20* — Вовки; *21* — Осиповка; *22* — Колодезный Бугор.

вают сохранение некоторых зарубинецких черт в керамическом комплексе и домостроительстве. Вместе с тем обращают на себя внимание и различия между классической зарубинецкой культурой и позднезарубинецкими древностями. К ним относится, например,

вытеснение предметов личного убора средне- и позднелатенского облика изделиями, типичными уже для раннеримского времени [Кравченко, Гороховский, 1979, с. 56—60]. Следует указать также на значительное расширение и смещение ареала позднезарубинецких

древностей по сравнению с зарубинецкими (рис. 23). Именно после рубежа пашей эры активно заселяется Подесенье и Южное Побужье, а такие поселения, как Новодоновка, появляются в глубине Днепровского Левобережья [Митрофанова, 1965, с. 190—195]. Поздnezарубинецкие древности I—II вв. кроме зарубинецких содержат в той или иной степени позднескифские, пшеворские и другие элементы. Определенные места их распространения является предметом специального исследования, нас же в первую очередь интересуют компоненты, сыгравшие основную роль в сложении памятников киевского типа в Подесенье и смежных районах.

Появление памятников типа Лютеж — Рахны — Почеп происходит около середины I в. н. э., когда классические зарубинецкие могильники в Припятском Полесье и Среднем Поднепровье перестают функционировать [Каспарова, 1976, с. 128—140]. Это замечание, возможно, не относится к территории Верхнего Поднепровья, где, например, Чаплинский могильник продолжает существовать вплоть до начала II в. н. э. [Поболь, 1971а, с. 175].

Памятники этого времени в Нижнем и Среднем Подесенье пока изучены слабо. На большинстве таких памятников проводились только разведочные работы, небольшими раскопками охвачены поселения Киселевка 3, Чулатово и Змеевка.

Так как керамические комплексы этих памятников несколько различаются, было бы естественно предположить, что ранние памятники должны содержать большее число зарубинецких элементов, а поздние — меньшее [Третьяков, 1974, с. 46]. Самым ранним из указанных поселений, очевидно, является Киселевка 3 близ Чернигова, где исследовано две углубленные в грунт постройки [Зеленецка, 1980, с. 80—87]. Одна из них имела подпрямоугольную в плане форму (5X4,6 м) с ямой в цент-

ре, где мог помещаться опорный столб или очаг. Среди керамики основное место принадлежит кухонной посуде (постройка 1 — 89 % общего количества, постройка 2 — 85 %), представленной округлобкими горшками средних размеров с высокой, раструбообразной шейкой, край которой обычно украшен глубокими пальцевыми вдавлениями. Подлощенные ребристые миски отличаются небольшими размерами.

Материалы поселения находят определенные аналогии в керамике памятников почепской группы II этапа, по А. К. Амброзу, датируемых I в. до н. э.— I в. н. э. [Амброз, 1964, с. 56—71]. Судя по обломку глазчатой бусины, относящейся к типу 34 [Алексеева, 1975, с. 63], Киселевка 3 может быть отнесена к I в. н. э.

Материал поселения у с. Чулатово Новгород-Северского р-на во многом приближается к Киселевке 3 (рис. 24, 1—9). Здесь также обнаружены обломки горшков с округлым корпусом и сильно отогнутой наружу шейкой. Край венчика украшен пальцевыми вдавлениями, в одном случае по корпусу отмечены следы ногтей. Фрагменты лощенных мисок принадлежат тем же типам, что и на поселении Киселевка 3 [Горюнов, 1971, с. 42—45]. Вместе с тем два горшка имеют тюльпановидную форму и полностью лишены орнамента.

Поселение Змеевка близ Чернигова, видимо, синхронно Чулатову, хотя здесь чувствуется не почепская, а иная, скорее всего, верхнеднепровская окраска. Керамика представлена обломками кухонных горшков двух основных типов: слабопрофилированных с максимальным расширением в верхней части и слабо отогнутой шейкой (поверхность одного из них покрыта косыми следами гребенчатого штампа) и округлобких с отогнутой шейкой и насечками или пальцевыми вдавлениями по венчику зарубинецкого облика [Горюнов, 1974, с. 68—69]. Фрагменты чернолощеной

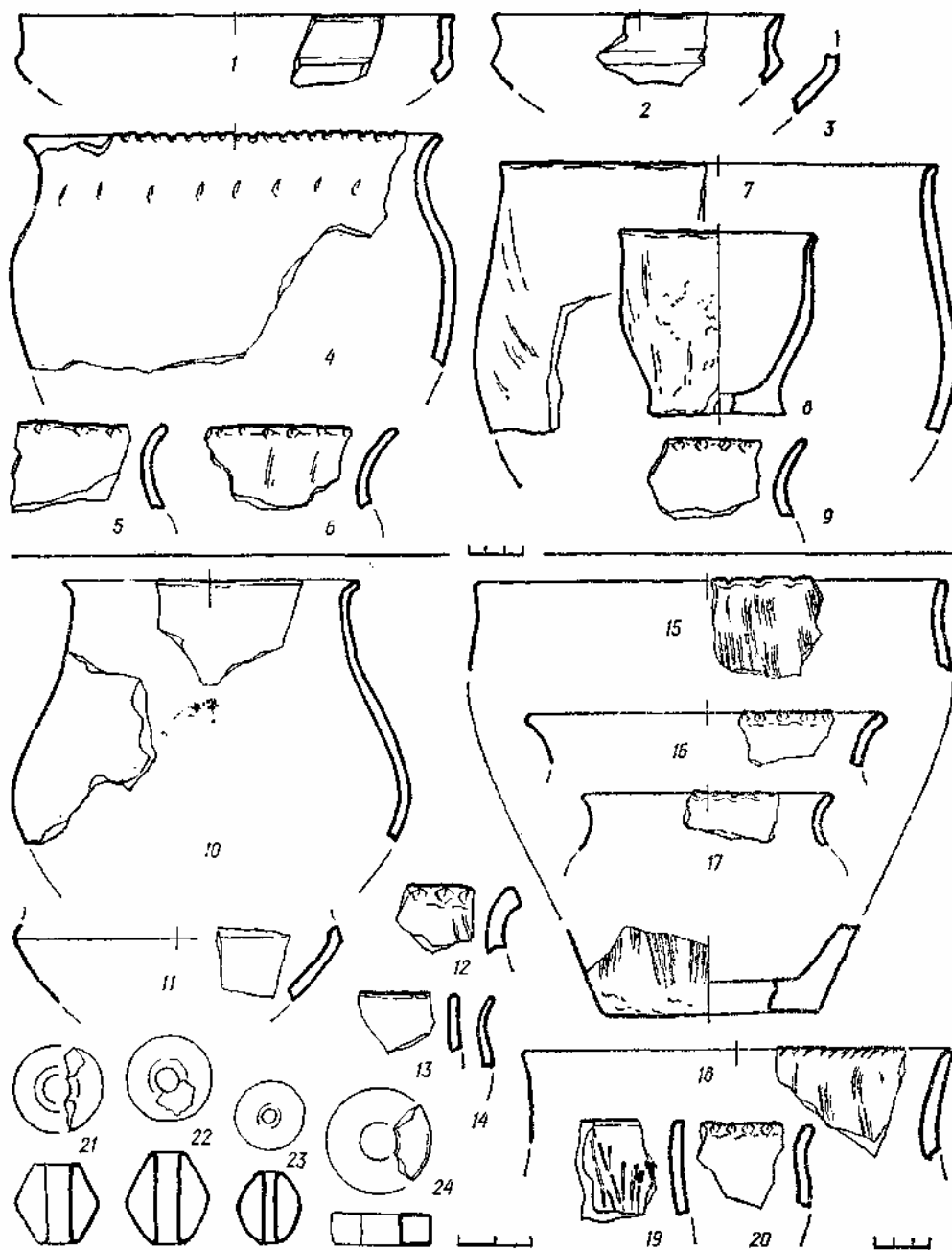

Рис. 24. Поздnezарубинецкие памятники Нижнего и Среднего Подесенья:
 1—9 — Чулатово, находки из хозяйственных ям и культурного слоя; 10—24 — Змеевка, находки из хозяйственных ям и культурного слоя (глина).

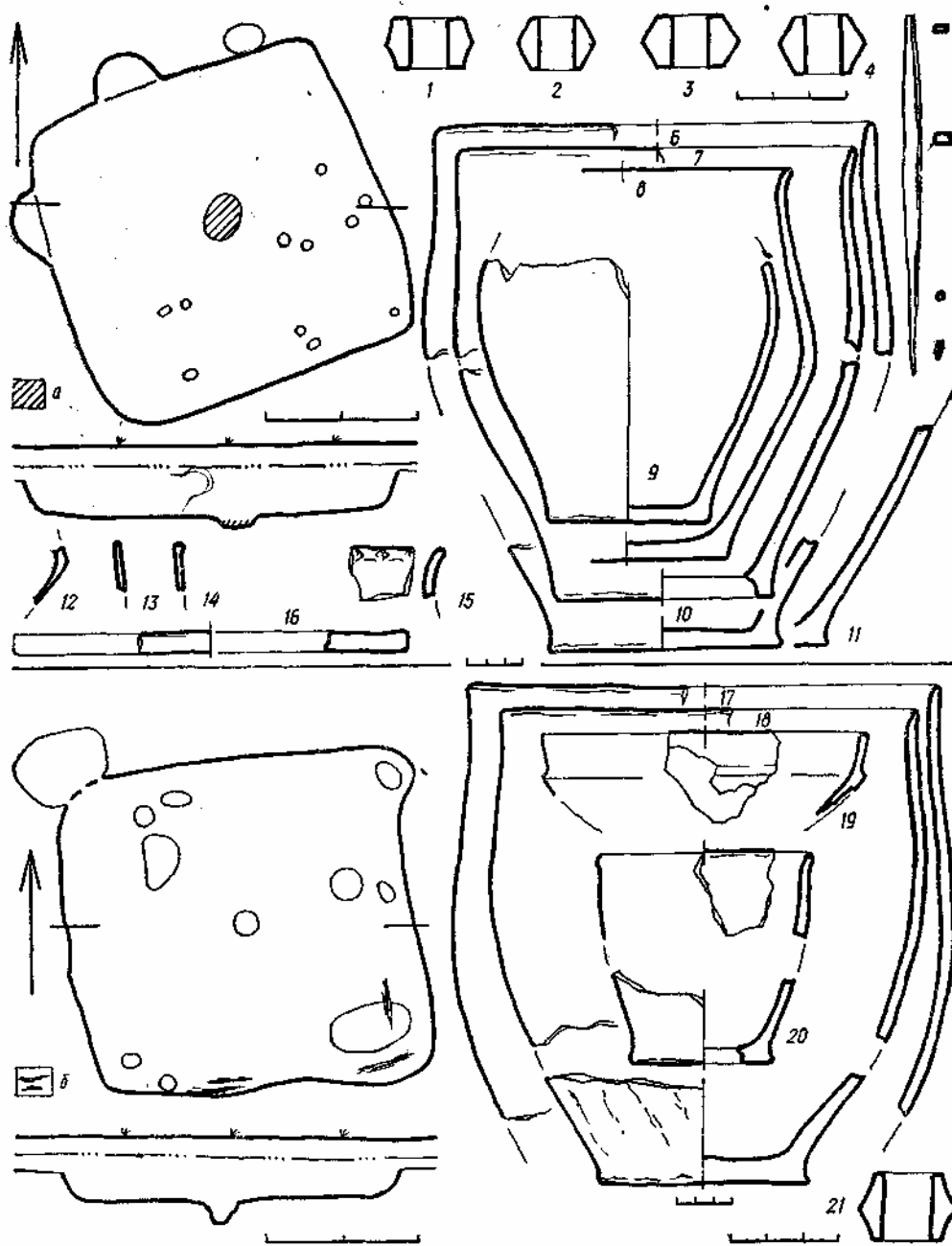

Рис. 25. Колодезный Бугор: 1—16 — комплекс жилища 1; 17—21 — комплекс жилища 2 (5 — железо; остальное — глина); а — очажная яма; б — сгоревшее дерево.

ребристой миски аналогичны изделиям из Чулатова (рис. 24, 10—24). Обращают на себя внимание обломки вторично обожженного столового горшка с округлым корпусом, высоким горлом и короткой, резко отогнутой наружу шейкой (рис. 24, 10). Такие сосуды особенно типичны для наиболее поздних комплексов верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры. Так, в погребениях 29, 133, 199, 227 и других Чаплинского могильника такие сосуды встречаются вместе с позднелатенскими фибулами. Эти комплексы датируются Л. Д. Поболем вплоть до начала II в. н. э. и синхронизируются с материалами Почепского селища [Поболь, 1971а, с. 175; Поболь, 1973а, с. 71-73, 127—128, 159—162, 175—176]. Обычай покрывать поверхность сосудов косыми расчесами гребенкой также более типичен для Белоруссии, чем для Подесенья.

Дальнейший ход сложения киевской культуры в Подесенье можно представить по материалам пока единственного поселения переходного типа — Колодезный Бугор у с. Смяч Новгород-Северского р-на [Третьяков, 1974, с. 92—99], где степень сохранности зарубинецких элементов значительно меньше — характер керамического комплекса этого памятника определяют прежде всего крупные тюльпановидные горшки (вид III, вариант 1). Меньше встречено округлобоких и биконических форм, а также чернолощенных, близких к почепским, мисок и дисков. Характерно, что здесь полностью отсутствуют широкогорлые сосуды с максимальным расширением в верхней части. Единичные обломки принадлежат горшкам с отогнутой шейкой, орнаментированной пальцевыми вдавлениями (рис. 25).

Судя по всему, аналогичный процесс смены позднезарубинецких древностей киевскими происходил в Среднем Поднепровье, а также лесостепном Левобережье. В смысле зарождения характерных черт киевской культуры особый

интерес представляют поселения Грини и Вовки.

Большая часть материала поселения Грини в устье р. Тетерев происходит из квадратной в плане полуземлянки размером 3,1X3,2 м и глубиной около 0,7 м от современной поверхности (рис. 26). Очаг с глинобитным подом находился в северо-восточном углу, столбовая яма — почти в центре. Среди кухонной посуды наиболее распространены горшки с широкой горловиной (диаметр венчика больше диаметра плечиков) и относительно узким дном, ребристое или закругленное плечо которых расположено в верхней части. Поверхность таких изделий грубо сглажена, а у крупных корчаг — густо покрыта следами расчесов. Несколько фрагментов принадлежат горшкам с округлым корпусом, максимальное расширение которых приходится на середину высоты. В некоторых случаях венчики таких сосудов украшены насечками или пальцевыми вдавлениями. Несколько обломков ребристых чернолощенных мисок принадлежат изделиям диаметром 20—30 см [Максимов, 1969, с. 39—41].

Аналогичный материал встречен также в культурном слое. Кроме лепной керамики здесь обнаружены фрагмент античной краснолаковой мисочки, биконические пряслица, несколько обломков металлических предметов, а также стеклянная бусина. Судя по обломкам античной мисочки и бусине с выступами-глазками, относящейся к варианту «а» типа 64 [Алексеева, 1975, с. 66], поселение следует датировать II в. н. э.

Материалы поселения Вовки на Полтавщине во многом близки находкам из Гриней. В 1975 и 1977 гг. здесь исследованы остатки двух построек и хозяйственных ям. Одна из построек представляет собой квадратную в плане полуземлянку размером 3X3 м с ямой опорного столба в центре и остатками очага или печи в юго-восточном углу. Глиняный под был сооружен на

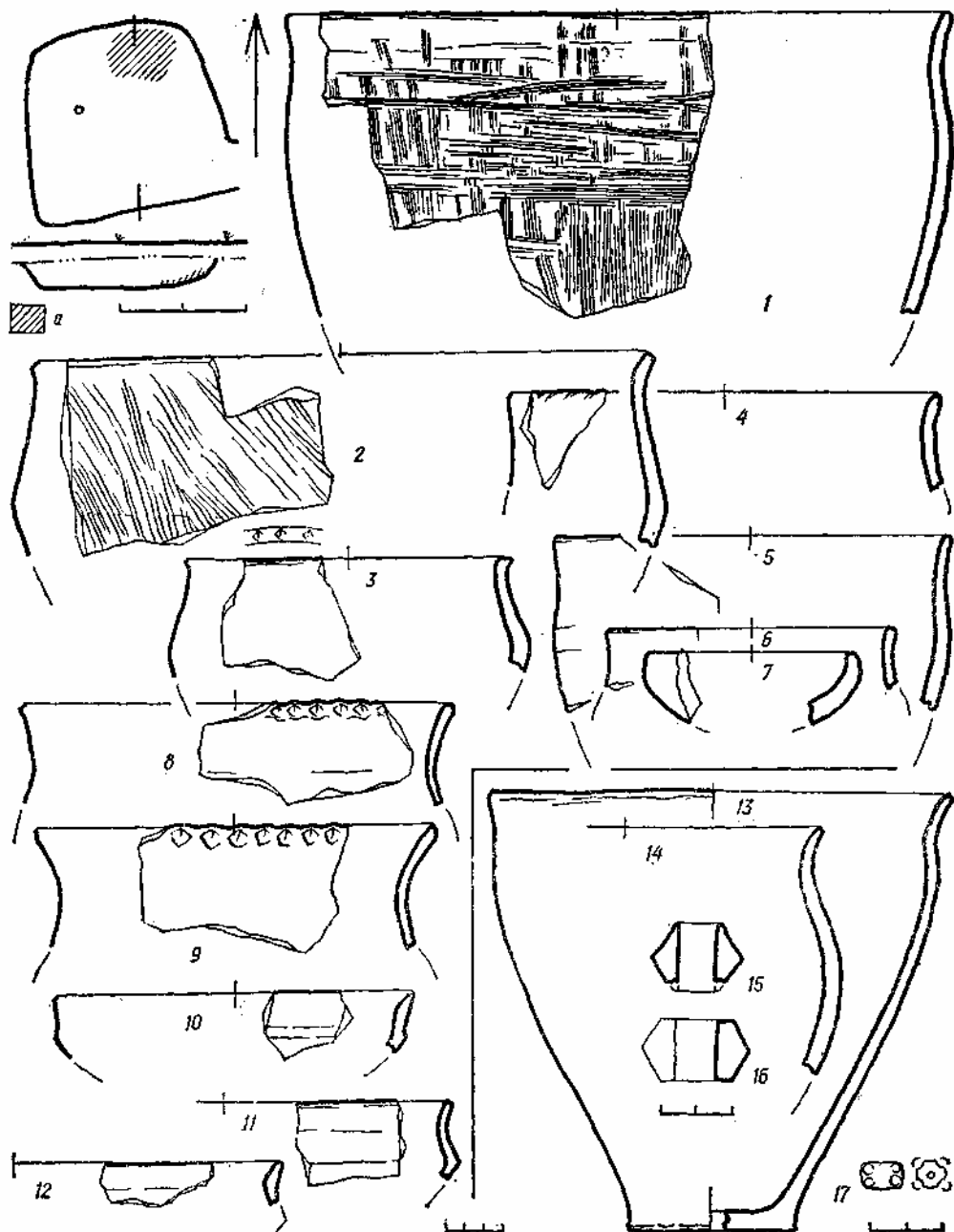

Рис. 26. Грини: 1—12 — комплекс жилища 1, 13—17 — находки из культурного слоя (17 — стекло; остальное — глина); а — под очага или печи.

вымостке из обломков крупных сосудов [Горюнов, 1981, с. 108—109; Горюнов, Казанский, 1978, с. 314]. Керамический комплекс поселения представлен прежде всего широкогорлыми корчагами с высоким плечом и узким дном. Очертания плеча обычно плавные, реже — ребристые. Шейка в большинстве случаев хорошо выражена и отогнута наружу. Венчик гладкий или орнаментированный косыми глубокими насечками. Поверхность корчага грубо сглажена, иногда — преднамеренно покрыта глубокими расчесами. Несколько обломков принадлежали, очевидно, горшкам меньших размеров с отогнутой шейкой и украшенным пальцевыми вдавлениями венчиком. Столовая посуда на поселении не встречена.

Датировка указанных комплексов поселения Вовки устанавливается по связанному с первой постройкой обломку верхней части сильно профилированной фибулы с гребнем на дужке, которую следует отнести ко II — началу III в. [Амброз, 1966, с. 38].

Вероятно, к тому же периоду относится поселение Решитки, расположенное близ Канева. Оно характеризуется кухонной керамикой в виде грубых слабопрофилированных горшков с максимальным расширением корпуса в верхней части, а также ребристыми лощеными мисками, до определенной степени сохранившими зарубинецкий облик [Кучера, Юра, 1976, с. 204—205].

Среди материалов многослойного поселения Осиповка на р. Орели к этому же времени можно отнести крупные корчаги с реберчатым перегибом корпуса в верхней трети высоты сосуда, напоминающие керамику Вовков, фрагменты ребристых лощеных мисок, уплотненные биконические и изготовленные из стенок сосудов пряслица [Телегин, Беляева, 1975, с. 95—107]. Находки обломков светлоглиняных амфор и археологическая датировка пода глинобитной печи позволяют определить время су-

ществования этих вещей исходом первой четверти I тысячелетия н. э. или, скорее всего, II в. н. э.

Описанные находки, на наш взгляд, свидетельствуют о сложении во II в. н. э. определенных черт киевской культуры на основе позднезарубинецких древностей. Вместе с тем следует отметить, что ни один из перечисленных памятников не содержит всего комплекса признаков, характерного для развитой киевской культуры III—V вв., что, вероятно, указывает на начало ее становления. Наибольшее число соответствий элементов можно отыскать на одной и той же территории, что свидетельствует об участии в формировании киевской культуры преимущественно местного населения — носителей различных групп позднезарубинецких древностей. Хотя сложение киевской культуры происходило на достаточно обширной территории, фиксируемой распространением вышеуказанных древностей II в. н. э., поселения III—V вв., составляющие уже вполне компактный массив, известны в более узком регионе. Аналоги таких селищ, как Казаровичи, Лавриков Лес, Тайманово, встречены лишь в лесной зоне и смежных районах Лесостепи (рис. 23).

Вероятно, именно в особенностях материальной культуры первой четверти I тысячелетия н. э. следует искать предпосылки локальных особенностей памятников киевского типа различных регионов. Так, основным субстратом, на котором сформировалась киевская культура Нижнего и Среднего Подесенья, явились позднезарубинецкие памятники типа Почапа, для которых характерны квадратные в плане полуземлянки с опорным столбом и очагом в центре, а также тюльпановидные формы горшков и цилиндрико-конические — мисок. Именно эти черты вошли в число определяющих на этапе становления киевской культуры этого региона, представленном материалами поселения

Колодезный Бугор. В основе указанных особенностей почепской группы, вероятно, лежит субстрат юхновской и, возможно, милоградской культур.

Вместе с тем, очевидно, окончательное оформление киевской культуры Подесенья произошло несколько позднее. Именно на этапе Лаврикова Леса наблюдается унификация керамического комплекса: распространяются округлобокие горшки и корчаги с расширением в верхней части, исчезает ряд почепских элементов. Очевидно, значительную роль в становлении киевской культуры Подесенья в III в. н. э. сыграли племена Верхнего и Среднего Поднепровья, оставившие памятники типа Абидни, Гриней, Решиток. Об участии потомков зарубинецкого населения Верхнего Поднепровья в этих процессах свидетельствуют появление в Среднем Поднепровье и Подесенье слабопрофилированных форм посуды, обработка их поверхности расчесами и распространение металлических украшений северо-западного облика. В свою очередь из Подесенья на Киевщину проникает традиция изготовления тюльпановидных сосудов вида III, хотя последние не получили здесь такого распространения, как горшки вида I в Подесенье.

Таким образом, приведенные выше факты свидетельствуют о распаде зарубинецкой культуры в I—II вв. и о начавшемся на ее основе формировании новой культурной общности, отвечающей новым историческим условиям начала Великого переселения народов. Хотя племена зарубинецкой культуры, вероятно, являлись основными предками населения киевской культуры, их материальная культура значительно различается. Уже в I—II вв. основные

элементы зарубинецкой культуры сильно изменились. К III—V вв. они сохранились только в незначительной степени. При этом в ходе сложения новой культуры сглаживается разница между культурами лесной зоны и киевской по сравнению с рубежом нашей эры, когда зарубинецкая культура резко отделялась от своих северных соседей выразительной латенской окраской. Все сказанное не позволяет считать памятники киевского типа поздним этапом зарубинецкой культуры.

Итак, хронологическая шкала, основанная на корреляции массовых видов керамики с датированными вещами северо-западного и черняховского облика, позволяет выделить два основных периода существования киевской культуры в Подесенье: III — первая половина IV в. и IV — вторая половина V в. В целом материальная культура деснинских племен наиболее близка памятникам III—V вв. северной части Среднего Поднепровья и Юго-Восточной Белоруссии. Возможно, к этой же группе прилегают еще недостаточно изученные древности на территории Курской области.

Вместе с тем все они существенно отличаются от синхронных культур лесной зоны, а также от черняховской культуры лесостепной и степной полос Восточной Европы.

Генетическую подоснову памятников киевского типа следует искать среди позднезарубинецких древностей I—II вв. Процесс сложения новой культурной общности завершился около рубежа II—III вв., причем для каждой отдельной территории главную роль сыграл местный субстрат, представленный для Подесенья почепской группой памятников.

ХОЗЯЙСТВЕННО- БЫТОВОЙ УКЛАД МЕСТНЫХ ПЛЕМЕН

Земледелие и животноводство. Существенную роль для освещения основных направлений сельскохозяйственной деятельности деснинских племен киевской культуры играет местоположение поселений. В III—V вв. они, как правило, занимают наиболее плодородные почвы в условиях Левобережного Украинского Полесья — оподзоленные черноземы или серые лесные грунты. Такие климатические факторы, как продолжительная весна, влажное и теплое лето, небольшие колебания температуры, достаточное количество осадков, мягкая снежная зима, создавали в этом районе благоприятные условия для сельского хозяйства [Попов, Маринич, Лаянко, 1968, с. 28]. Открытые пространства плодородных почв лессовых островов Черниговщины не требовали значительных усилий при расчистке участков. Пышная луговая растительность пойменных участков, на долю которых приходится около 18 % территории Левобережного Полесья, создавала благоприятную базу для животноводства — как для выпаса скота, так и для заготовки кормов. Ведущее место при этом принадлежало долине Десны, пойма которой достигает ширины 8—10,5 км. Даже при современной системе землепользования здесь свыше 40 % земель используется под сенокосы и пастбища [Мулярчук, 1970, с. 109—152; Попов, Маринич, Лаянко, 1968, с. 99].

Таким образом, расположение поселений в III—V вв. вдоль краев надпойменных террас позволяло их обитателям использовать наиболее плодородные участки террас для нужд земледелия, а на заливных лугах и в пойме выпасать скот и заготавливать корма (рис. 27).

Земледелие этого периода, очевидно, было экстенсивным, причем в условиях Черниговщины, для которой достаточно типичны ландшафты лесостепного типа и где основные усилия, видимо,

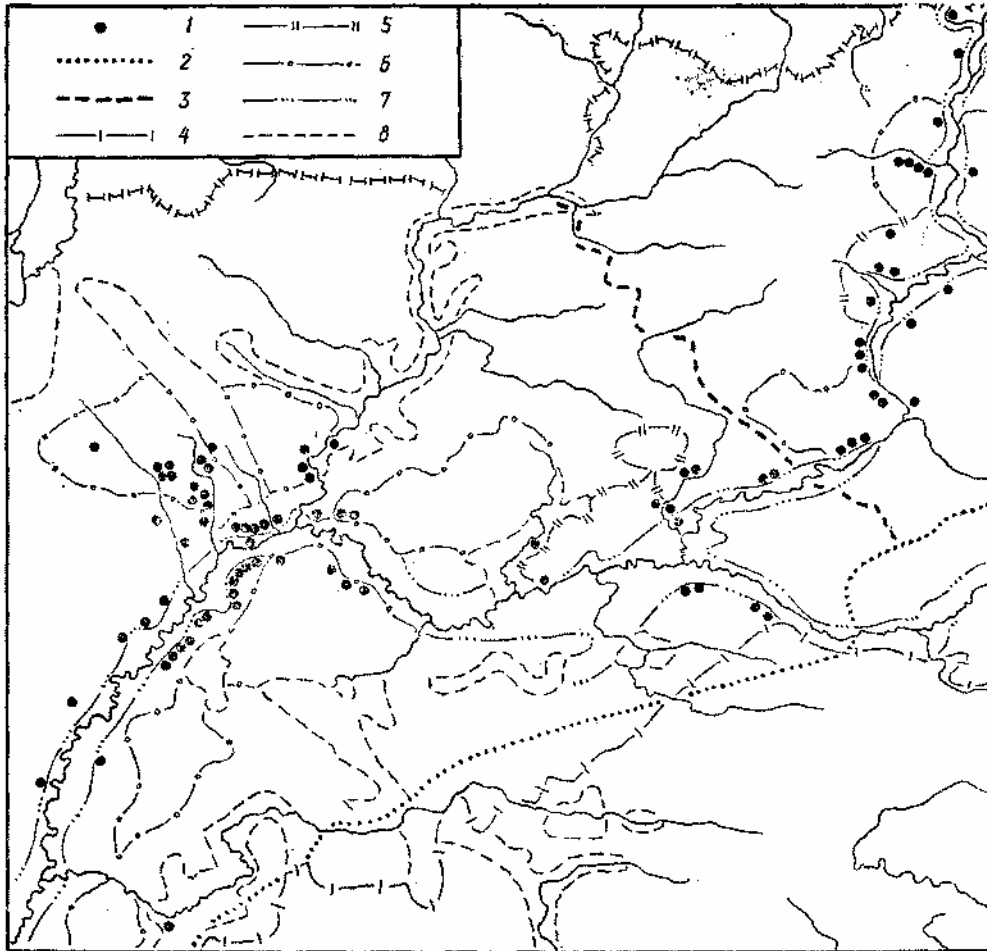

Рис. 27. Соотношение памятников киевского тина и основных видов почв Нижнего и Среднего Подесенья:

1 — памятники; 2 — граница леса и Лесостепи; 3 — граница Черниговского и Новгород-Северского Подесья; 4 — северная граница черноземов; 5 — оподзоленные черноземы и темно-серые лесные почвы; 6 — серые суглинистые почвы; 7 — почвы речных долин; 8 — торфяно-болотные почвы.

направлялись на обработку открытых участков, ведущей формой землепользования стала, скорее всего, перелоговая система. Подсека могла получить распространение в более северных областях, например в северной части Среднего и в Верхнем Подесенье.

Ю. А. Краснов, рассматривая вопросы становления и развития воспроиз-

водящих форм хозяйства в лесной полосе Восточной Европы, пришел к выводу, что комплекс таких признаков, как появление специализированных орудий труда, формы и типы этих орудий, распространение пашенного земледелия, соединяет земледелие южной части лесной зоны с земледелием лесостепной полосы [Краснов, 1971, с. 87]. Это на-

блюдение подтверждается тесной связью данной области хозяйства киевской культуры с черняховской культурой, земледельческий характер которой не вызывает сомнений.

Так, железный наральник из Ульяновки (постройка 5), служащий бесспорным свидетельством существования пашенного земледелия, конструктивно близок узколезвийным сошникам черняховской культуры. Такие орудия, получившие распространение в ранне-средневековых славянских культурах, при работе не переворачивали подрезанный слой почвы, а только разрыхляли его [Краснов, 1971, с. 3—11].

Вспомогательными почвообрабатывающими приспособлениями, очевидно, служили цельнодеревянные орудия: суковатки, мотыги, грызобойки и т. д. [Миролюбов, 1976, с. 120—122].

Принципиально важным источником для определения особенностей развития земледелия является видовой состав злаков и их пропорциональное соотношение. Ассортимент выращиваемых культур выявлен при анализе отпечатков растений на 76 фрагментах керамики из поселений Роище, Ульяновка, Киселевка 2 и Выбли (определение произведено Г. А. Пашкевич). Чаще всего отпечатки встречаются на внешней поверхности днищ.

Измерения наиболее массовых отпечатков зерновок проса показали, что их размеры в среднем следующие: длина 2,32 мм (при вариациях 1,9—3), ширина 1,8 мм (1,5—2,2), индекс длина/ширина 1,2 (1,1—1,5). Хотя эти зерновки были небольшими, их морфологические особенности типичны для обычного посева проса. Небольшие размеры зерновок отражают, видимо, тот факт, что для подстилки под сырую посуду при формовке использовались отходы обмола, куда обычно попадают чешуи, а также неполноценные, часто незрелые и поэтому оставшиеся невымолоченными зерновки.

Аналогичные находки зафиксированы также несколько севернее перечисленных пунктов — на поселениях киевского типа Лавриков Лес и Форостовичи [Горюнов, 1981, с. 34]. На рубеже и в первых веках нашей эры просо было широко распространено в зарубинецкой культуре [Пачкова, 1974, с. 11—22] и черняховской культуре юго-западной части СССР [Рикман, 1975, с. 129—133]. Позднее оно культивировалось также славянами [Janushevich, 1975, s. 23—30].

Второе место по количеству отпечатков на поселениях Черниговщины занимает рожь. 11 зерновок ржи отпечатались на днище лепной миски (Роище, яма 168), а единичные зерновки — на фрагментах стенок кухонной посуды. Особый интерес представляют обломки сосуда, на которых отпечатки зерновок ржи находятся не только на внешней поверхности, но и в изломах стенок (обнаружено 7 отпечатков).

Средние размеры отпечатков зерновок ржи следующие: длина 7,11 мм (5,5—9,0), ширина 1,97 (1—2,6), индекс длина / ширина 3,6 (3—4,3). Эти размеры очень близки тем, которые приводит М. Хопф для обугленного материала из памятников римского времени Средней Европы [Hopf, 1972, s. 232—239], а также размерам зерновок ржи из современных посевов в Киевской области.

Принято считать, что самые ранние формы культивируемой ржи появились на рубеже нашей эры в Центральной и Северной Европе. Характерно, что в материалах черняховской культуры остатки ржи почти отсутствуют: отпечаток зерновки из поселения Делакеу и 7 обугленных зерновок из Лепесовки, по мнению З. В. Янушевич, принадлежали сорно-полевой ржи [Янушевич, 1976, с. 134]. Находки остатков ржи на памятниках киевского типа дают основание предполагать наличие культурной ржи в чистых посевах на юге лесной зоны Восточной Европы во второй

Таблица. Определение костного материала из поселений киевской культуры Подесенья

Вид	Поселения				Всего
	Роище	Ульяновна	Киселевка 2	Выбли	
<i>Домашние животные</i>					
Бык домашний	315/15 *	205/11	136/6	116/4	772/36
Овца и коза домашние	26/9	26/5	9/3	8/2	69/19
Свинья домашняя	48/13	47/10	21/4	15/3	131/30
Лошадь	54/6	20/3	26/2	5/1	105/12
Собака	Много/4	7/3	—	—	Много/7
Курица дом.	2/1	—	—	—	2/1
<i>Дикие животные</i>					
Медведь	—	—	—	1/1	1/1
Лось	3/2	3/2	1/1	—	7/5
З;бр	1/1	—	—	—	1/1
Тур	10/1	—	—	—	10/1
Олень благородный	4/2	3/1	9/2	—	16/5
Косуля	3/2	1/1	1/1	—	5/4
Бабан	1/1	—	—	1/1	2/2
Лисица	2/1	1/1	—	—	3/2
Заяц	2/1	—	—	—	2/1
Птицы	6	1	—	2	9
Рыбы	5/2	36/2	9/1	1/1	51/6

* Числитель — количество костей, знаменатель — количество особей.

четверти I тысячелетия н. э. Широкое распространение ржи в VI—X вв. на памятниках Средней Европы связывается некоторыми исследователями со славянской колонизацией этого региона [Lange, 1975, s. 123].

Помимо отпечатков проса и ржи на фрагментах керамики из поселений Подесенья были обнаружены отпечатки зерновок пшеницы. Из Роища происходит отпечаток зерновки пшеницы двузернянки размером 9,0X2,5 мм. Очень выразительны отпечатки двух колосков пшеницы спельты па фрагменте керамики из Ульяновки. В этой же группе отпечатков имеются следы широкоугольной, с грубым жилкованием колосковой чешуи пшеницы спельты.

На днище сосуда из Киселевки 2 найден отпечаток зерновки пленчатого ячменя размером 7X4 мм.

На фрагменте керамики из того же памятника найден отпечаток семени конопля размером 3X4 мм.

Таким образом, племена Подесенья в III—V вв. культивировали преимущественно просо и рожь (соответственно отпечатки на 23 и 20 из 76 фрагментов керамики), были у них в посевах также пшеницы — двузернянка и спельта, пленчатый ячмень (отпечатки их зерновок единичны). Ассортимент зерновых культур диктовался почвенными и климатическими особенностями этого района. Использование проса и озимой ржи в хозяйстве обусловлено их неприхотливостью, возможностью получения надежных урожаев в неблагоприятные годы.

Орудием жатвы зерновых служил серп, который представлен находкой из Роища, имеющей ярко выраженный Черняховский облик. Таково и происхождение туфовых жерновов — основных орудий для размла зерна, обломки которых часто встречаются на деснинских памятниках киевского типа второй фазы. Ручные мельницы почти

полностью вытеснили из употребления зернотерки (на 51 обломок жерновов из Роища, Ульяновки, Выблей приходится только одна находка зернотерки), что косвенно указывает на повышение объема производства зерна, видимо, за счет увеличения площади полей, распаханых с применением железных наральников.

Основным источником для изучения другой стороны сельскохозяйственного комплекса — животноводства является анализ костных остатков. К сожалению, кости плохого сохранились на памятниках первой фазы киевской культуры Подесенья. Большинство из них, по определению Н. М. Ермоловой, принадлежит крупному рогатому скоту. Только такие кости встречены на поселениях Форостовичи и Вишенки. Костей лошади, свиньи и мелкого рогатого скота встречено значительно меньше [Третьяков, 1974, с. 69]. Более обильный материал происходит из поселений IV—начала V в. Черниговщины — 1197 костей определено Н. Г. Белан, О. П. Журавлевым и О. В. Логийко (таблица).

Имеющиеся в нашем распоряжении костные материалы характеризуют преимущественно пищевые отбросы и непосредственно отражают состав мясной пищи ж лишь косвенно — состав стада.

По количеству особей сельскохозяйственные животные распределяются следующим образом: крупный рогатый скот составляет 37,1 %, свинья—30,9, мелкий рогатый скот — 19,6, лошадь — 12,4 % (рис. 28).

Очевидно, животноводство деснинских племен во второй четверти I тысячелетия н. э. носило оседлый, приселищный характер, на что указывает высокий удельный вес костей свиньи — животного, не способного к длительным переходам. О том же свидетельствует находка железного ботала (Ульяновка, постройка 5).

Состав стада, при котором преобладали бы коровы и свиньи, не типичен для археологических культур лесной полосы Восточной Европы — чаще здесь доминируют свиньи или лошади [Краснов, 1967, с. 31—37]. В качестве наиболее выразительного примера сошлемся на поздние памятники днепровско-двинской культуры, в значительной мере синхронные памятникам киевского типа [Шмидт, 1975, с. 7]. В то же время для памятников черняховской культуры лесостепного Поднепровья характерен состав стада, при котором второе место после крупного занимает мелкий рогатый скот [Белан, 1977, с. 29—37]. Состав животноводческого комплекса киевской культуры Нижнего и Среднего Подесенья прежде всего объясняется физико-географическими особенностями этого региона — в условиях, близких к лесостепным, естественно, получило развитие животноводство мясо-молочного направления. Кроме того, преобладание крупного рогатого скота, вероятно, косвенно указывает на существование пашенного земледелия, при котором волы служили тягловой силой.

С другой стороны, направление хозяйственной деятельности населения (а состав стада в значительной мере отражает его специфику) регулировалось многовековыми традициями [Краснов, 1967, с. 31—34]. Хорошо сбалансированный с земледелием животноводческий комплекс, аналогичный киевскому, для I тысячелетия н. э. наблюдается в зарубинецкой и раннеславянской культурах. Впрочем, в зарубинецком стаде Среднего Поднепровья удельный вес свиньи несколько ниже, чем для стада III—V вв. Подесенья. Более близки аналогии в наборе видов млекопитающих стада раннесредневековых славян Поднепровья и Поднестровья [Белан, 1977, с. 29—37]. Отметим, что соотношение видов животных на славянских памятниках Днепровского Левобережья почти полностью идентично

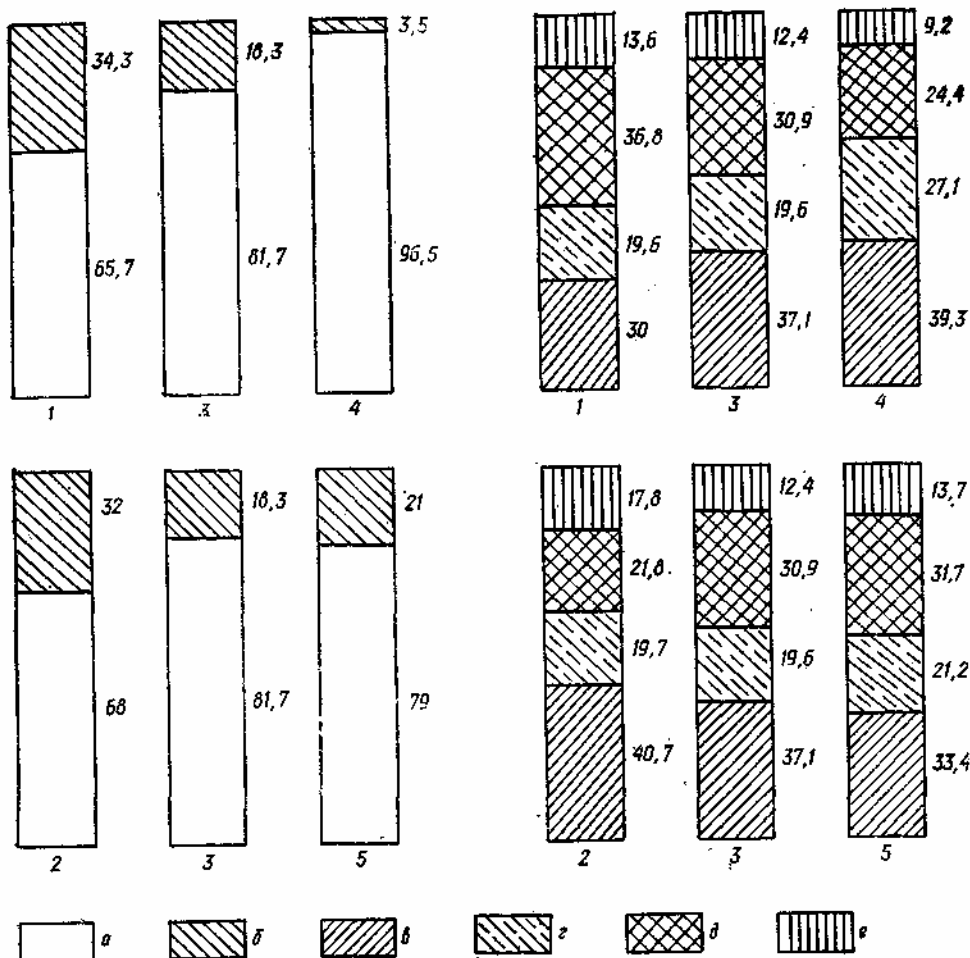

Рис. 28. Соотношение между домашними и дикими млекопитающими и между видами сельскохозяйственных животных по числу особей на поселениях I тысячелетия н. э.:

a — домашние; *б* — дикие; *в* — крупный рогатый скот; *г* — мелкий рогатый скот; *д* — свинья; *е* — лошадь.

1 — днепродвинская культура; 2 — зарубинецкая культура Среднего Поднепровья; 3 — киевская культура Подесенья; 4 — черняховская культура Среднего Поднепровья; 5 — ранние славяне Среднего Поднепровья и Поднестровья (по Н. Г. Белан с дополнениями автора).

киевской культуре [Ляпушкин, 1958, с. 214-215].

Таким образом, сельское хозяйство населения Подесенья во второй четверти I тысячелетия н. э. характеризуется пашенным земледелием и приселенным скотоводством. Ведущее место за-

нимала, очевидно, перелоговая система землепользования. Наряду с культивацией традиционных видов злаков (проса, ячменя, пшеницы) в этот период приобретает широкое распространение рожь. По набору зерновых культур и составу стада киевская культура По-

десеиья вписывается между зарубинецкой и раннесредневековой славянской культурами и отличается от черняховской. В IV — начале V в. у деснинских племен идет интенсивный процесс приобщения к агротехническим достижениям черняховской культуры, проявившийся в проникновении в южные области лесной зоны высокоэффективных типов сельскохозяйственных орудий (наральников, более совершенных серпов и ручных мельниц).

Не исключено, что именно соединение традиций земледелия и скотоводства, сформировавшихся в северной части Среднего Поднепровья и Подесенья, с провинциально-римскими типами земледельческих орудий подготовило почву для сложения относительно развитого раннесредневекового сельского хозяйства славян.

Кузнечное ремесло. Кузнечное ремесло племен Подесенья во второй четверти I тысячелетия н. э., как и у других европейских народов этой поры, являлось наиболее развитой областью производства. От его уровня во многом зависели ассортимент и качество железных орудий, возможность успешной обработки других материалов, производительность труда, оказывающие в конечном счете влияние на уровень социально-экономического развития общества.

Железные изделия у населения киевской культуры рассматриваемой группы были широко распространены: металлографическим исследованиям подвергнуты 35 предметов, происходящих главным образом из поселений Роище и Ульяновка (анализы выполнены В. Д. Гопаком, рис. 29).

Ассортимент железных изделий многообразен, причем основное место здесь занимают орудия труда и промыслов. Среди 13 исследованных ножей отмечены пять основных технологических схем. Шесть ножей (№ 501, 502, 618, 631, 1115, 1118) изготовлены из грубо-

го кричного железа или малоуглеродистой стали; два ножа (№ 619, 1117) откованы из цементованных заготовок, один из них закален; лезвие ножа с прямой спинкой (№ 838) получено сваркой стальной и железной пластин; один нож с прямой спинкой (№ 620), очевидно, сварен из свернутой «пакетом» тонкой стальной пластины, лезвие закалено на воду; три ножа (№ 632, 1120, 1121) изготовлены из стали, два из них закалены. Из четырех термообработанных стальных ножей три относятся к группе II по Р. С. Минасяну.

Из четырех шильев (№ 623, 630, 834) три изготовлены из грубого кричного железа, а одно (№ 614) — из науглероженной заготовки без следов термической обработки.

Из сельскохозяйственных орудий металлографическому анализу подвергнут обломок наральника (№ 622), оказавшегося цельножелезным. Типично Черняховский, очевидно привозной, серп (№ 1111) изготовлен из стали и закален, причем, возможно, заготовка была получена продольной сваркой трех стальных полос.

Пять исследованных деревообрабатывающих инструментов — скобели (№ 616, 839) и долота (№ 624, 1110, 1116) оказались цельножелезными. При этом скобель из Ульяновки (№ 616) был откован из заготовки, полученной сваркой трех железных полос (очевидно, металл вторичного использования). Лишь сверло (№ 1112) выполнено в технике продольной сварки стальной и железной пластин.

Среди предметов вооружения и охоты наибольший интерес представляет обломок лезвия кинжала (№ 621), откованного из не полностью цементованной заготовки. Небольшой наконечник стрелы (№ 617) оказался цельножелезным.

Предметы бытового обихода, представленные обломком иглы, бритвой и стержнем с загнутым концом (№ 625, 837, 1113), как и две булавки (№ 628,

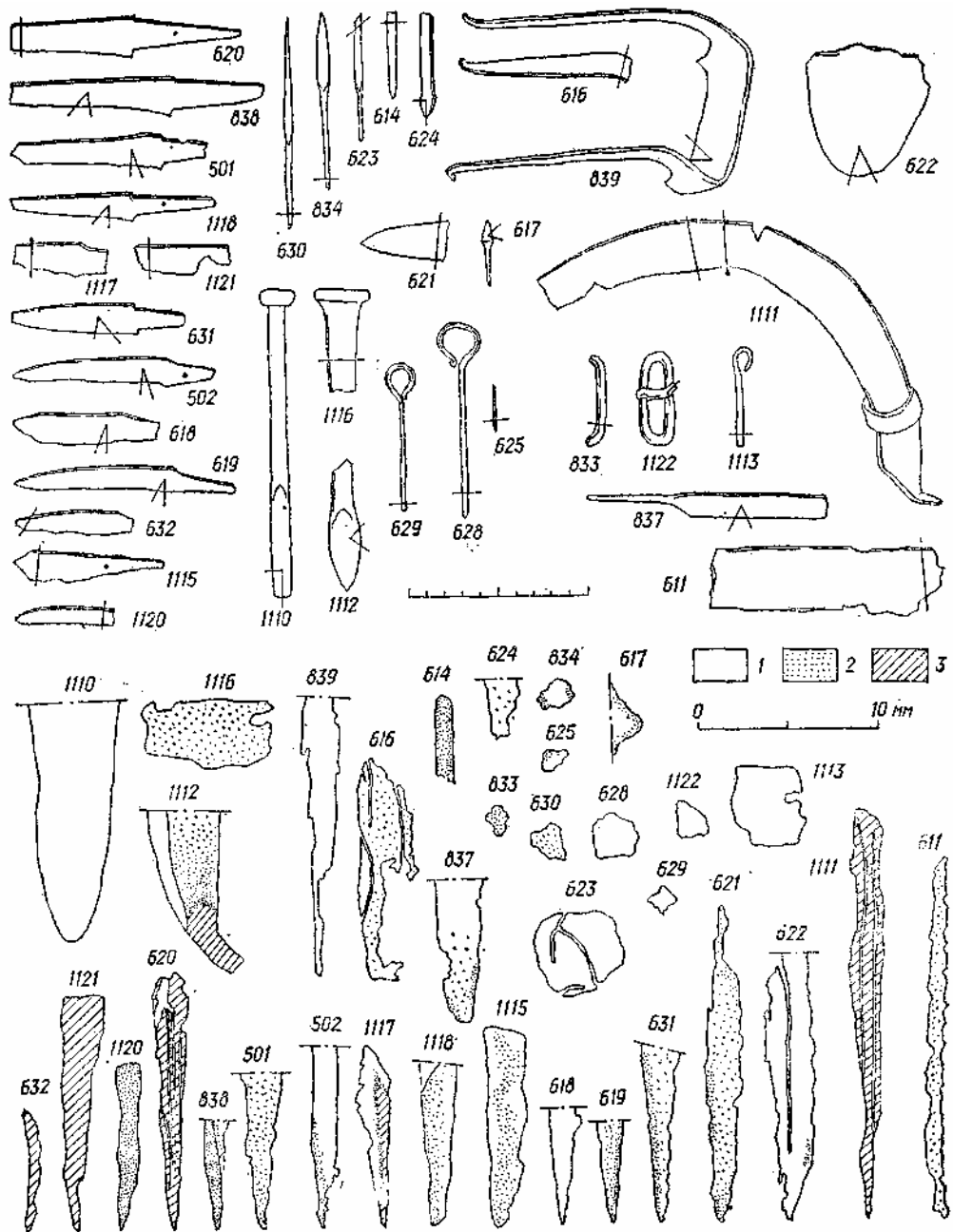

Рис. 29. Технологические схемы исследованных изделий из памятников киевского типа Подесенья:

611, 833, 834, 837—839, 1110—1113, 1115—1118, 1120—1122 — Роище, 501, 502, 614, 616—625 — Ульяновка, 628 — Киревка, 629—632 — Лавриков Лес.
 1 — железо; 2 — сталь; 3 — термически обработанная сталь.

629), были изготовлены из грубого кричного железа. Пряжки (№ 833, 1122) откованы из малоуглеродистой стали или кричного железа. Цельно-железным является обломок полосы (№ 611) неизвестного назначения.

Таким образом, несмотря на сравнительно небольшое количество исследованных предметов, полученные результаты позволяют заключить, что богатый ассортимент и отработанная конструкция изделий указывают на изготовление их профессионалами, для которых кузнечное ремесло стало, очевидно, основным занятием.

Одновременно результаты металлографических исследований показывают, что уровень развития местного кузнечного ремесла сравнительно невысок и оно едва ли вышло из общинной стадии.

Главным материалом, из которого изготавливались орудия и предметы различного назначения, являлось грубое кричное железо. Из 35 исследованных предметов 24 (68,8 % общего количества) оказались цельножелезными или изготовленными из малоуглеродистой стали, практически не отличающейся от кричного железа. Разнообразные технологические схемы изделий показывают, что и сталь, и кузнечная сварка железа со сталью, и термическая обработка стали были известны местным кузнецам, хотя и применялись сравнительно редко, прежде всего при изготовлении режущих инструментов.

Отмеченное выше указывает, что развитие кузнечного ремесла племен Подесенья уступало металлообработке синхронного Черняховского населения. Последняя характеризуется широким распространением стальных термически обработанных изделий, представленных разнообразнейшими технологическими схемами [Вознесенская, 1972, с. 8—49]. Из орудий труда с применением стали изготовлено свыше 60 %, среди которых в свою очередь свыше 70 % цельно-стальных изделий [Гопак, 1976, с. 16].

Разница уровней кузнечного ремесла с очевидностью указывает на более высокую степень развития производительных сил в Черняховском обществе, находившемся в сфере влияния провинциально-римской культуры по сравнению со своими северными соседями.

По степени распространенности цельножелезных предметов, незначительному объему применяемой стали, относительно низкому использованию сварки железа со сталью и термообработке деснинское кузнечное ремесло второй четверти I тысячелетия н. э. очень близко уровню развития железообработки зарубинецкой культуры. При этом наиболее близкие аналогии можно найти среди ее северных памятников [Вознесенская, 1972, с. 30, 32]. Ту же картину дают материалы I — II вв. из поселений Лютеж и Оболонь [Пачкова, 1974, с. 85—98], хронологически и территориально максимально приближенные к рассматриваемым памятникам III — V вв. Подесенья.

Славянское раннесредневековое кузнечное ремесло по отношению к железообработке черняховской культуры испытывает определенный спад, приближаясь к уровню зарубинецкой культуры [Гопак, 1976, с. 16]. Действительно, здесь менее широко употребляются стальные изделия, уменьшается степень дифференцированного применения железа и стали, рост применения функциональной сварки. Так, среди кузнечных изделий VI — начала VIII в. Днепровского Левобережья около 80 % составляют предметы, откованные простейшим способом из наиболее дешевого и доступного сырья — железа и сырьевой стали [Вознесенская, 1979, с. 70—76].

Таким образом, результаты металлографического исследования железных предметов из поселений киевской культуры Нижнего и Среднего Подесенья свидетельствуют о сходстве приемов кузнечного производства местного на-

селения, с одной стороны, с металлообработкой зарубинецкой культуры (особенно ее северных группировок) и, с другой — с раннесредневековой славянской желтообработкой, что предполагает генетические связи между ними.

Керамическое производство. Глиняная масса, приемы формовки и обжиг весьма однообразны, что указывает на четкие, отработанные навыки в изготовлении посуды.

В состав формовочной массы кроме глины и песка (чаще как естественной примеси) входил, как правило, шамот и значительно реже — дресва (зерна гранита или кровавика). Для получения шамота использовались не только черепки местной лепной керамики, но и, как отметил в нескольких случаях А. А. Бобринский, фрагменты гончарной черняховской посуды. При производстве кухонной керамики обычно использовались грубые формовочные массы с размером зерен шамота от 1—1,5 до 3—4 мм. В отдельных случаях заметны даже целые фрагменты венчиков сосудов размером до 10—15 мм. Концентрация неглинистых материалов в керамической массе весьма значительна: на одну часть шамота (иногда дресвы) приходится одна-две части глины. Примеси шамота, обладая острыми краями, значительно повышали механическую и термическую стойкость изделий. Применение в качестве отошающей примеси шамота нетипично для культур лесной зоны и более характерно для лесостепных групп древностей [Бобринский, 1978, с. 90].

Небольшие изделия (грузила, пряслица, тигли, льячки, некоторые миниатюрные сосуды) сделаны из одного куска глины. За исключением прясел они формовались прямо в руке или на неподвижной подставке. Правильная форма большинства прясел и горизонтальные бороздки, иногда заметные на их поверхности, заставляют предположить, что комок глины нанизывался на вер-

тено и при вращении срезался с двух сторон наискосок. После этого поверхность изделия обычно вылащивалась.

Корчаги, горшки, диски и миски выполнены налепным способом. Техника изготовления сосудов прослеживается на целом ряде выразительных обломков. Обычно вся керамика из памятников киевского типа рассматривается как лепная, то есть изготовленная с применением исключительно ручных навыков скульптурной лепки. На саком деле это не совсем так. Во всяком случае из памятников второй фазы происходят фрагменты, указывающие на применение гончарного круга в качестве поворотного столика, что облегчало ручную лепку и обработку сосуда — первый этап развития функций гончарного круга [Бобринский, 1978, с. 27]. При общей «лепной» внешности сосуда признаки РФК-1 фиксируются отпечатками на днищах в виде концентрических следов подсыпки (шамота, песка, чешуек проса) и наплывов глины по периметру днища, образующих бортик [Бобринский, 1978, с. 33—34]. Очевидно, в первом случае в какой-то момент формовки сосуд придерживался и подсыпка, вращаясь вместе с поверхностью круга, оставляла на днище кольцевые бороздки. Во втором случае днище плотно примазывалось к плоскости подставки и слабого сцепления между ними не возникало.

Степень распространения такой керамики трудно определима, так как признаки РФК-1 отчетливо определяются лишь в немногих случаях. Считается, что керамика с признаками РФК-1 (как, впрочем, и часть лепной посуды) могла изготавливаться специалистами-гончарами в рамках домашнего производства. При этом продукцией снабжалась значительная часть соплеменников внутри коллективов, составленных по признаку этнического или кровного родства [Бобринский, 1978, с. 33—34].

Создание сосуда обычно начиналось с изготовления донной части, а заканчивалось стенками [Бобринский, 1978, с. 114]. Признаки донно-емкостных начин, указывающие на использование глиняных жгутов для создания не только плоскости основания, но и стенок будущего сосуда, отмечены почти на каждом из рассматриваемых памятников. Одним из наиболее отчетливых является признак в виде канавки-зазора на участке перехода днища к стенкам с внутренней стороны, отмеченный на фрагменте из Форостовичей [Бобринский, 1978, с. 131—133]. Наиболее часто применялась следующая разновидность донно-емкостного начина: жгут навивался от центра будущего дна вплоть до возведения стенок на высоту нескольких сантиметров. Так получалась мелкая чашевидная заготовка. Выполнение такого технологического приема особенно характерно для зарубинецкой культуры [Бобринский, 1978, с. 141 — 152].

В единичных случаях, обычно при изготовлении небольших сосудов, днища изготавливали из одного куска глины, расплющивая его в лепешку, па что указывают пустоты неправильной формы в центре внешней стороны днища [Бобринский, 1978, с. 117—131]. Если в целом донно-емкостная программа практически непрерывно применялась в лесной полосе Восточной Европы, то донная получила значительно более узкое распространение. Для первой половины I тысячелетия н. э. случаи использования таких начин отмечены только для зарубинецкой и черняховской культур. Видимо, через посредство одной из них донные начин появляются в Подесенье.

После изготовления начина заканчивали формовку стенок, которые наращивались путем жгутового кольцевого, спирального или спирально-зонального налета, причем последний встречается значительно реже двух первых [Бобрин-

ский, 1978, с. 164—165]. В ряде случаев удалось определить диаметры жгутов, применявшихся при наращивании стенок: 1,5—2,5 см.

По влажной поверхности готовое изделие сглаживали пальцами или пучком травы — следы такой обработки часто хорошо заметны. Наличие закраин на днище связано со сглаживанием нижней части сосуда сверху вниз, в результате чего часть глины перемещалась ко дну.

Обжиг готовой продукции производился на открытом огне. Двух- или трехслойная цветовая структура черепка в изломе указывает на краткосрочную выдержку [Пачкова, 1974, с. 123]. Однако большая часть керамики в изломе однотонна, то есть обжиг был достаточно долговременным, обеспечивающим изделиям механическую и термическую стойкость.

Таким образом, население Подесенья во второй четверти I тысячелетия н. э. использовало при изготовлении глиняной посуды ряд технологических приемов (донный и доэлементный мелкий донно-емкостной начин, а также жгутовой спирально-зональный налет), распространение которых в Лесостепи и лесной полосе Восточной Европы связывается с зарубинецкой культурой. После середины I тысячелетия п. э. указанные особенности гончарной технологии, а также применение кольцевого налета отмечаются для таких культур, как колочинская, пеньковская и пражская [Бобринский, 1978, с. 163, 165].

Другие ремесла и промыслы. Обработка цветных металлов служила для производства деталей костюма и украшений. Следы литейного ремесла в виде обломков тиглей отмечены лишь на поселениях Роище (жилище 3) и Киселевка 2 (жилище 1). Видимо, немногочисленные бронзовые украшения изготавливались теми же кузнецами-универсалами.

Об обработке дерева можно судить по специальным инструментам (скобелям, долотам, сверлу или резцу). Ряд операций мог выполняться с помощью ножей и шильев. Отпечатки расколотых плах на глиняной обматке построек указывают на применение также клиньев или топоров. С помощью таких орудий изготавливались детали сельскохозяйственных инструментов, лодки, постройки и др. Вероятно, небогатый ассортимент глиняной посуды, состоящей преимущественно из горшков, косвенно говорит об определенном распространении сосудов из дерева, бересты, луба.

На пряжение указывают, главным образом, многочисленные находки пряслиц, которые служили для усиления момента вращения веретен [Лебедева, 1956, с. 482—483]. Судя по крупным отверстиям пряслиц, веретена были довольно массивными. Прясла закреплялись стержнем, продетым сквозь веретено, о чем в некоторых случаях свидетельствуют следы на глине. Различный вес пряслиц, возможно, указывает на некоторую их специализацию: легкие изделия могли использоваться для получения тонких нитей из менее прочных материалов, а массивные — для выделки толстых нитей. Кроме конопли, наличие которой у племен киевской культуры зафиксировано в археологическом материале, для приготовления пряжи могли применяться лен, крапива, а также шерсть.

Местное население выделывало ткани, пользуясь вертикальным ткацким станком, о чем свидетельствуют находки глиняных грузил на поселении Роище. Аналогичные изделия широко распространены на античных и черняховских памятниках [Рикман, 1975, с. 188—189]. Материалы для реконструкции представлены античными изображениями ткацких станков и этнографическими параллелями. Судя по всему, пучки ниток основы привязывались к грузилам не прямо, а через ре-

менную или веревочную петлю [Гайдукевич, 1952, с. 395—414]. Следы таких петель хорошо заметны на грузилах, употреблявшихся необожженными. Для разглаживания готовой ткани могли применяться костяные «коньки» [Семенов, 1957, с. 225-226].

Из кости изготавливались главным образом тупики, «коньки», крупные иглы, спицы, проколки, кочедыки, использовавшиеся при выделке шкур, вязке сетей, пошиве обуви, одежды и т. д.

Археологические указания на существование различных промыслов крайне немногочисленны, что, вероятно, в какой-то мере отражает вспомогательную роль охоты, рыболовства и собирательства по отношению к земледелию и животноводству.

Некоторое представление о соотношении животноводства и охоты можно получить путем анализа остатков диких и домашних млекопитающих. На указанных памятниках первые составляют 18,3 % особей, а костей — лишь 4,18 % (рис. 28). Очевидно, что потребности общества не только в мясо-молочных продуктах, но и коже, шерсти и кости для различных поделок удовлетворялись прежде всего за счет скотоводства. Главным объектом охотничьего промысла населения киевской культуры Подесенья являлись «мясные» виды (81,8 % особей диких млекопитающих принадлежат лосю, благородному оленю, зубру, туру, косуле и кабану). У более северных племен в костных остатках диких животных заметно преобладают пушные звери [Шмидт, 1975, с. 7; Дубынин, 1974, с. 244—245]. Находка медвежьего когтя-амулета (Выбли), видимо, указывает, что на это животное охотились исключительно редко. Не исключено, что медведь выступал в роли тотема и охота на него, регулируемая различными запретами, совершалась только в особых случаях [Цалкин, 1966, с. 134].

На существование рыболовства указывают кости сома и щуки, а также крупные костяные иглы, спицы, кочки для плетения сетей.

Племена киевской культуры, несомненно, широко собирали ягоды, грибы, орехи, желуди и др., которыми богаты широколиственные леса и пойменные луга Десны [Мулярчук, 1970].

В обычное время промыслы выполняли подсобные функции, служа средством пополнения пищевого рациона и источником сырья для домашнего ремесла. Роль их значительно возрастала в неурожайные годы.

Общественные отношения. Развитие любого общества определяется его внутренними закономерностями и внешними влияниями. При этом приоритет справедливо отдается внутренним процессам. Но также очевидно, что в определенных условиях внешние факторы являются весьма важными для общественного развития. При попытке реконструкции социально-экономических отношений деснинских племен необходимо принять во внимание сосуществование населения киевской культуры на втором этапе ее развития с червяховской культурой лесостепной и степной зон Восточной Европы, которая являлась мощным фактором воздействия на окружающие племена, распространяя достижения римской цивилизации. Экономическое воздействие прежде всего выражалось в установлении торговых связей, приведших к поступлению Черняховских изделий в Подесенье. Подобно тому, как это было отмечено Ф. Энгельсом при изучении истории древних германцев [Маркс, Энгельс, т. 19, с. 480], римские образцы послужили толчком для самостоятельного развития местного ремесла. Такое технологическое воздействие проявилось, например, в использовании деснинскими кузнецами ряда приемов при изготовлении изделий позднеримских типов и в переработке их на местной основе.

Основным источником социально-экономического развития киевской культуры первой фазы прежде всего явились имманентные процессы, так как к III в. н. э. окончательное оформление черняховской культуры еще не завершилось [Щукин, 1976а, с. 314—315], и она не могла оказать заметного воздействия на население своей северной периферии.

При одинаковой топографии поселения киевского типа Нижней и Средней Десны характеризуются значительно меньшими размерами по сравнению с синхронными памятниками Юго-Восточной Белоруссии — Абидней и Тайманово. Последние, вероятно, состоят не менее чем из ста построек. Столь же крупными размерами отличался в предшествующее время ряд позднезарубинецких памятников в северной части Среднего Поднепровья (Оболонь, исследовано около 60 жилищ I — II вв.) и Верхнего Подесенья (Почеп, исследовано около 20 жилищ на 1/10 общей площади поселения). Возможно, существование крупных и сравнительно долговременных селищ в лесной зоне указывает на патриархально-семейный характер общественных отношений их обитателей.

Если исходить из этого предположения, то можно прийти к выводу, что смена таких поселков на территории Подесенья, а также Среднего Поднепровья в первых веках нашей эры небольшими селищами была вызвана определенными сдвигами в социальной организации местного населения. Одновременно на северной окраине ареала киевской культуры, в глубине лесной зоны, племена продолжали селиться большими коллективами, что может быть объяснено их удаленностью от развитых обществ этого времени.

Как указывалось выше, активные контакты племен киевской культуры Подесенья с носителями черняховской культуры приходятся преимущественно на вторую половину IV — первую поло-

вину V в. Вероятно, в связи с экспансией гуннов в Северном Причерноморье часть черняховского населения была вынуждена обратить внимание на север. Близкое соседство с Подесеньем высококоразвитой черняховской культуры, стоявшей на пороге образования раннеклассового государства [Третьяков, 1970, с. 43—44; Рикман, 1975, с. 253—262], не могло не стимулировать дальнейший распад первобытно-общинных отношений у деснинских племен. Свидетельство тому — различия между планировкой поселений первого и второго этапов: если на ранних памятниках вся совокупность хозяйственных сооружений занимала отдельный от жилищ участок (Лаврцков Лес), то на поздних памятниках четкой локализации ям-погребов не наблюдается, а крупные хозяйственные постройки расположены, как правило, по одной возле дома (Роище). При этом укажем, что число обитателей поселений второй фазы осталось примерно прежним — рост площади произошел за счет более свободной планировки селищ. Во всех перечисленных случаях жилища площадью до 22 м² следует рассматривать как место обитания малой семьи, состоящей в среднем из пяти-шести человек [Приходнюк, 1975, с. 61].

Вероятно, отмеченные изменения в размерах и планировке поселений в определенной мере отражают процесс замены родовых отношений так называемой первобытной соседской общиной [Першиц, 1960, с. 151 — 172]. Одной из внутренних причин таких перемен на позднем этапе киевской культуры мог служить рост уровня пашенного земледелия, повысившего степень хозяйственной самостоятельности отдельных

семей. Тенденция к такому обособлению, отмеченная для второго этапа в виде соответствующих жилищных хозяйственных построек, видимо, указывает на наличие семейных коллективов, самостоятельно ведущих хозяйство и распоряжающихся произведенным продуктом.

Таким образом, род уступает соседской общине почти все экономические функции. Слагающие такую общину семьи могли быть родственными и неродственными — если они были обособлены в хозяйственном отношении, это не имело особого значения [Семенов, 1976, с. 7—10].

Небольшие размеры поселков, состоящих из десятка расположенных более или менее компактно жилищ, могут свидетельствовать об объединении малых семей в большую (или расширенную), существующую в рамках первобытной соседской общины прежде всего на экономической основе.

В заключение отметим, что общий уровень социально-экономического развития и этнографические особенности хозяйства киевской культуры Подесенья достаточно близки к облику раннесредневековой славянской культуры, зафиксированному письменными источниками и нашедшему определенное отражение в археологическом материале VI—VII вв. От них существенно отличается социально-экономическая модель культур позднеримского времени средней, а также лесостепной и степной зон Восточной Европы (в том числе черняховской культуры), характеризующаяся развитым ремесленным производством и товарообменом, а также далеко зашедшей общественной дифференциацией [Кропоткин, 1970, с. 146—160].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деснинские племена III—V вв. и раннесредневековые славяне Поднепровья. Наиболее поздние памятники киевского типа на всей территории их распространения сменяются древностями колочинской, пеньковской и пражской культур, самые архаические комплексы которых по единичным находкам позднеримских вещей и черняховской керамики датируются начиная с V в. н. э. [Горюнов, 1981, с. 79; Приходнюк, 1980, с. 71; Русанова, 1976, с. 24; Баран, 1978, с. 16—18].

Какова же роль киевской культуры в сложении этих групп раннесредневековых памятников Восточной Европы?

Отмечено, что, например, на Киевщине эволюция киевской керамики шла по пути вытеснения других форм сосуда с округлым плечом, расположенным в верхней трети высоты, и короткой вертикальной или слабо отогнутой шейкой. Поэтому вполне можно согласиться с Н. М. Кравченко, указывающей на существование определенных генетических связей между памятниками киевского типа Среднего Поднепровья и пражской культурой [Кравченко, 1979, с. 91—92].

Видимо, вопрос о связи киевской и пражской культур выходит за рамки настоящей работы, так как предварительное сопоставление материалов из памятников киевского типа Подесенья и раннесредневековых памятников Поднепровья показывает, что пражская культура, вероятно, сложилась на основе, некоторые элементы которой существенно отличаются от деснинских.

Материалы III—V вв. Подесенья более перспективны для рассмотрения генезиса колочинской группы памятников, что уже неоднократно отмечено в литературе [Третьяков, 1966, с. 254—255; Даниленко, 1976, с. 87—90; Баран, 1978, с. 29; Поболь, 1973, с. 221—230; Седов, 1970, с. 48—52]. В результате детального анализа керамического ма-

териала Подесенья Е. А. Горюнов убедительно продемонстрировал перерастание киевской культуры в колочинскую [Горюнов, 1981, с. 59—60]. Эти выводы можно несколько конкретизировать, если рассматривать материалы не первой, а второй фазы киевской культуры, ранее не известные.

Древности типа Колочина входят в культурную область, в составе которой называют также памятники типа верхнего слоя Банцеровского и Тушемлинского городищ. Эта группа охватывает Верхнее Поднепровье и Подвинье, а также Подесенье и Посеймье. Общими для этой культурной области являются прежде всего основные формы керамики, среди которой заметное место принадлежит тюльпановидным и слабопрофилированным сосудам.

Вместе с тем в пределах очерченного ареала наблюдаются следующие локальные различия: 1) городища характерны для банцеровской (северо-западная часть Верхнего Поднепровья) и тушемлинской групп (Подвинье и Смоленское Поднепровье), а для колочинской (юго-восточная часть Верхнего Поднепровья. Подесенье и Посеймье) они известны как исключения; 2) полуземляночный тип жилища известен в основном на колочинских поселениях, наряду с ними в северо-западной части Верхнего Поднепровья распространены небольшие наземные жилища столбовой конструкции. В Подвинье и Смоленском Поднепровье сооружались длинные наземные столбовые дома; 3) отопительные сооружения банцеровской группы представлены очагами и, вероятно, печами-каменками, для остальных групп типичны только очаги; 4) для керамического комплекса банцеровской группы характерны прежде всего тюльпановидные, слабопрофилированные и баночные сосуды, для тушемлинской — тюльпановидные и лощеные слабопрофилированные или, реже, ребристые горшки с оттянутым валиком на середи-

не высоты, а также миски, для колочинской — высокие баночные и цилиндро-конические горшки с четким или скругленным ребром и диски [Митрофанов, 1978, с. 98—105; Сымонович, 1963, с. 97-137; Шмидт, 1975, с. 13-14, 18—19]. Указанные особенности дают нам основание рассматривать колочинские древности в виде самостоятельной группы памятников, в определенной мере родственной банцеровской и тушемлинской.

Территория распространения колочинских памятников включает в себя преимущественно левый берег Днепра в верхнем его течении, Нижнее и Среднее Подесенье, а также частично междуречье Сейма и Псла, то есть южную часть лесной полосы и примыкающие районы лесостепного Левобережья. Таким образом, Подесенье является одним из южных регионов колочинской культуры, обладающим некоторыми локальными особенностями.

Их наиболее полно отражает набор посуды, где господствует керамика III—VII видов, то есть тюльпановидные, биконические, цилиндро-конические горшки, а также сосуды вытянутых пропорций с короткой вертикальной или слабо отогнутой наружу шейкой и горшки с загнутым внутрь краем и баночным корпусом.

Одним из наиболее архаических памятников Подесенья колочинского типа является поселение Заярье [Горюнов, 1974а, с. 121 — 125]. Подавляющее большинство фрагментов посуды здесь принадлежит цилиндро-коническим и биконическим сосудам, причем последних по количеству лишь немного меньше (рис. 30). Третье место занимают горшки с максимальным расширением корпуса на середине высоты, а четвертое — тюльпановидные сосуды. В качестве другого примера колочинского комплекса Подесенья может быть названо жилище 1 поселения Целиков Бу-гор [Горюнов, 1972, с. 42—46]. Облом-

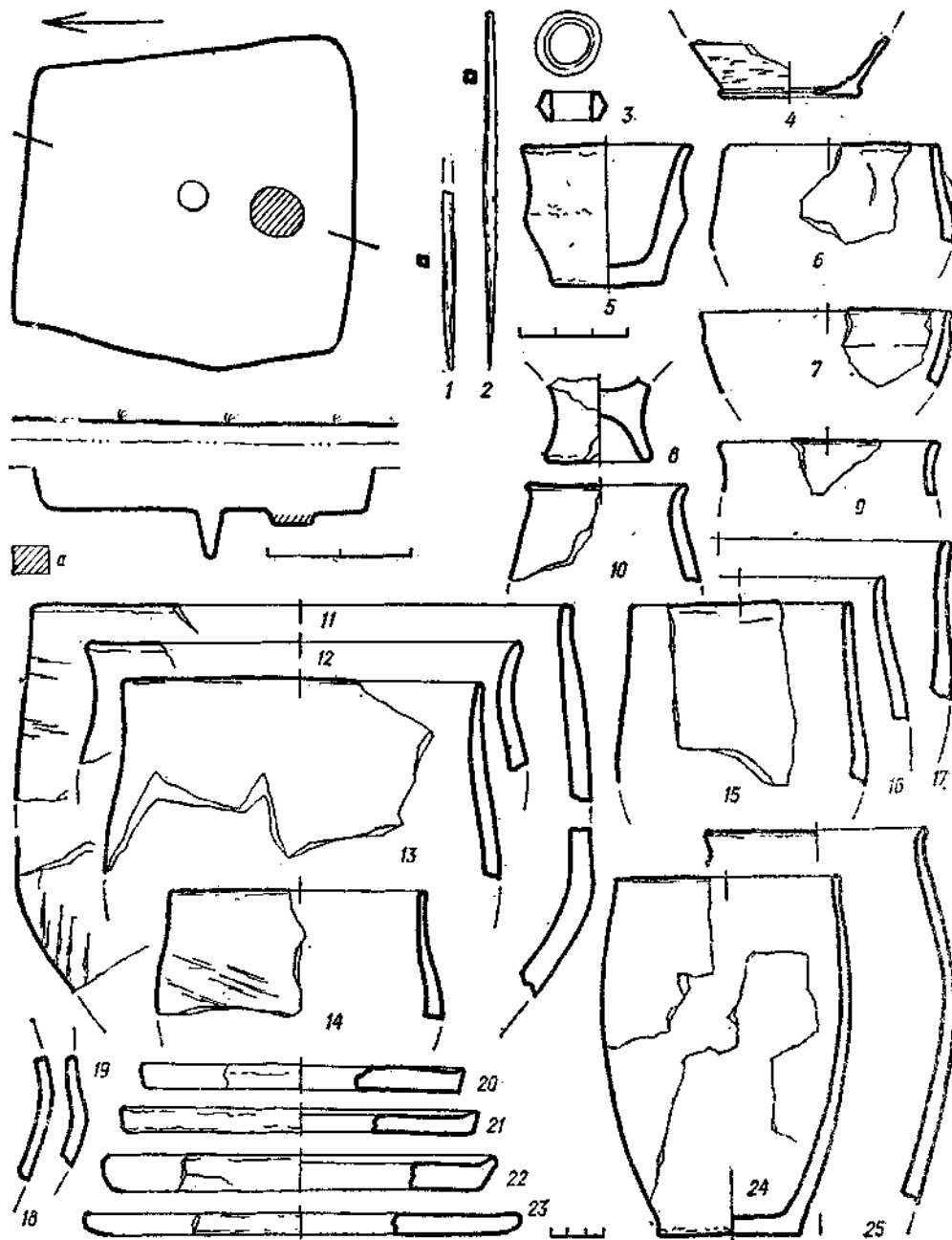

Рис. 30. Зярье. Комплекс жилища 1 (1, 2 — железо; 3 — глина; 4 — фрагмент черняховского гончарного сосуда; остальное — лепная керамика); а — очажная яма.

ки керамики принадлежат сосудам следующих видов в порядке убывания их количества: III, V, IV. Распределение видов посуды на поселениях Стрелица (жилище 2), Левкин Бугор [Третьяков, 1974, с. 110—111; Сымонович, 1969, с. 64—68], Роище (жилища 10 и 17) относительно близко к названным комплексам (рис. 18).

Сравним распределение видов на поселениях второго периода киевской культуры и на ранних колочинских памятниках Подесенья. Заметно, что обе группы посуды сближает наличие сосудов видов III, IV. Варианты 1, 3 вида I и вариант 1 вида II типичны только для киевской керамики, а виды VI—VII присутствуют только в колочинских комплексах [Горюнов, 1981, с. 18—22]. Иногда, как исключение, в киевских памятниках встречаются цилиндрико-конические формы, отличающиеся от колочинских выделенной, как правило, шейкой. Особое внимание следует обратить на появление в материалах Ульяновки биконических сосудов, ребристые переходы которых оформлены в виде оттянутого валика. Эта особенность позднее получила широкое распространение в керамике типа Колочина.

Обе группы сближают не только общие формы, но и размеры сосудов, среди которых преобладают (в отличие от деснинских комплексов первой фазы киевской культуры) изделия средних размеров с диаметром венчиков 11—24 см и днищ 9—12 см. Для днищ в обоих случаях характерны закраины. Вместе с тем подсчеты Е. А. Горюнова показывают, что в комплексах колочинского типа у трети сосудов шейки не выделены [Горюнов, 1981, с. 20].

Между колочинской и киевской культурами в Подесенья существует и хронологическая преемственность. Так, в жилище на поселении Заярье наряду с архаической колочинской посудой обнаружен обломок днища гончарного черняховского сосуда, а также несколь-

ко фрагментов туфовых ротационных жерновов. Таким образом, этот комплекс может быть датирован временем не позднее V в. н. э. В жилище 1 Целикова Бугра обнаружена бронзовая квадратная пряжка с округлыми выступами на концах, которую по аналогиям следует датировать V—VIII вв. [Бадаев, Виноградов, 1972, с. 80—86]. Не исключено, что с этим же жилищем связан могильник Смяч, располагавшийся на соседней дюне, откуда происходит железная пряжка с хоботовидным язычком и круглая бляшка со штырьком, характерные прежде всего для гуннского времени [Горюнов, 1974а, с. 120—121; Генинг, 1976а, рис. 29, 5].

Сравнительный анализ позднекиевской и колочинской посуды указывает, что в послечерняховское время начиная с середины V в. н. э. происходит некоторое огрубение местной керамики: основное место занимают сосуды цилиндрико-конических и вытянутых баночных форм небольших размеров с невыделенной шейкой. Биконические горшки, типичные для периода активного контакта с черняховской культурой, постепенно сменяются цилиндрико-коническими, которые до некоторой степени подражают им в оформлении деталей. Миски, вообще не характерные для археологических культур лесной зоны, не получили распространения и среди колочинских древностей.

Отметим, что, кроме керамики, киевские и колочинские памятники Подесенья сближают такие элементы культуры, как топография поселений, тип жилища, погребальный обряд, тип прялиц и т. д. Указанные черты все же не вполне идентичны. Так, колочинские жилища отличаются от киевских несколько более крупными размерами и четкой квадратной формой, среди колочинских погребений имеются также урновые трупосожжения, неизвестные в киевских древностях, колочинские прялица сохраняют четкую биконическую

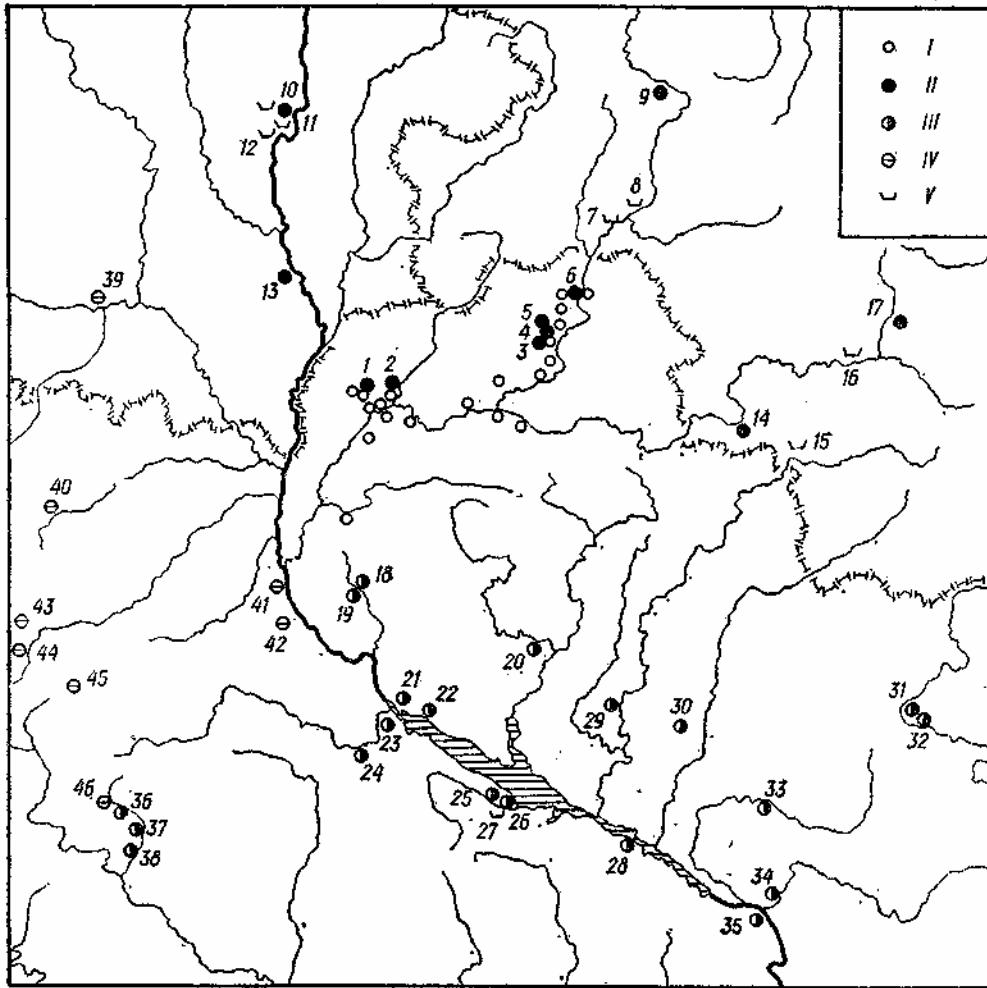

Рис. 31. Основные памятники Верхнего и Среднего Подненьровья V—VII вв.:

I — основные памятники III—V вв. Подесенья; II — поселения колочинского типа; III — поселения пеньковской культуры; IV — поселения пражского типа; V — могильники.
 1 — РОИЩЕ(жилище 10, 17); 2 — Ровчак; 3 — Заярье; 4 — Левкин Бугор; 5 — Стрелица (жилище 2); 6 — Целиков Бугор (жилище 1); 7 — Кветунь; 8 — Усох; 9 — Смольянь; 10 — Тайманово; 11 — Новый Выхов; 12 — Нижняя Гощина; 13 — Колочин I; 14 — Комаровка; 15 — Княжий; 16 — Лебяжье; 17 — Воробьевка 2; 18 — Хлопков; 19 — Волошиновка; 20 — Хитцы; 21 — Доманово; 22 — Коробковка; 23 — Крещатик; 24 — Вильховчик; 25 — Стецовка; 26 — Пеньковка; 27 — Большая Андрусовка; 28 — Деревка; 29 — Писаревщина; 30 — Полтавцы; 31 — Задонецкое; 32 — Занки; 33 — Осиповка; 34 — Игрень; 35 — Волощеское; 36 — Голики; 37 — Кисляк; 38 — Куня; 39 — Петриков; 40 — Рудня; 41 — Оболонь; 42 — Обухов II; 43 — Корчак; 44 — Тетеревка; 45 — Райки; 46 — Пархомовка.

форму, однако они выше пряслиц киевской культуры.

Таким образом, на основе киевской культуры Подесенья около середины

I тысячелетия и. э. складывается новая группа древностей этой территории — колочинская. Аналогичными процессами были, вероятно, охвачены также со-

седние районы, где в III—V вв. располагались верхнеднепровские и сейминские памятники киевского типа (рис. 31). Во всяком случае, в этих регионах киевские древности повсеместно около середины I тысячелетия н. э. сменяются колочинскими: это поселения и могильники Тайманово, Новый Быхов, городище Колочин I в Юго-Восточной Белоруссии, поселения Воробьевка 2, Комаровка и могильники Лебяжье и Княжий в бассейнах Сейма и Псла [Сымонович, 1975, с. 17—20]. Ряд колочинских памятников известен также в южной части Верхнего Подесенья, к северу от рассматриваемой территории: поселения Смольянь, Макча, могильник Усох и др. [Третьяков, 1974, с. 44—47].

Таким образом, ареал колочинских древностей почти полностью совпадает с территорией распространения памятников киевского типа, причем некоторое расширение первого произошло прежде всего за счет включения сюда северных районов Днепровской Левобережной Лесостепи. В отличие от колочинских, банцеровские и тушемлинские древности возникают на территории, где в предыдущее время были известны памятники культур штрихованной керамики и днепро-двинской. Несмотря на то что субстратные явления названных культур оказали определенное влияние на облик этих групп памятников, значительная роль в их сложении, вероятно, принадлежала киевской культуре. Так, А. Г. Митрофанов отмечает, что культура типа верхнего слоя Банцеровщины сложилась при активном участии памятников типа Абидни (Адаменки) [Митрофанов, 1978, с. 117—118], на что указывают полужемлячные жилища, характерный погребальный обряд, ряд форм посуды, в том числе тюльпановидные, биконические и цилиндрико-конические горшки, уплощенные биконические пряслица и др. Подобная картина наблюдается и для ту-

шемлинской культуры, где кроме элементов днепро-двинской культуры заметны также киевские [Шмидт, 1975, с. 17-18].

Итак, сравнительный анализ киевской и колочинской керамики Нижнего и Среднего Подесенья свидетельствует об их генетической связи. Определенные черты колочинского керамического комплекса уже достаточно рельефно выступают на поселениях, относящихся ко второй фазе киевской культуры Подесенья. Окончательное оформление колочинских древностей, вероятно, произошло около середины I тысячелетия н. э., скорее всего в V в. н. э. Вместе с тем следует учитывать специфику Черниговского Подесенья, являющегося одним из наиболее южных районов распространения памятников колочинского типа (рис. 31). В силу окраинного положения последние обладают здесь целым рядом признаков, сближающих их с пограничными пеньковскими древностями. Это обстоятельство заставляет внимательно сопоставить также киевские и пеньковские памятники.

Мнения о происхождении пеньковской культуры довольно разноречивы. Ряд исследователей ее основу видит в черняховской культуре [Седов, 1978, с. 171—173; Русанова, 1976, с. 85—112; Сміленко, 1975, с. 58—68]. М. И. Артамонов допускал генетическую связь пеньковских и кочевнических древностей [Артамонов, 1970, с. 3—37]. С выделением деснинских памятников середины I тысячелетия н. э. П. Н. Третьяков (а позднее и другие исследователи) обратил внимание на значительное сходство ряда элементов киевской и пеньковской культур [Третьяков, 1966, с. 274; Третьяков, 1970, с. 92—99; Хавлюк, 1974, с. 187—188; Горюнов, 1981, с. 59—60; Приходнюк, 1980, с. 117—121]. Несколько отличается точка зрения В. Н. Даниленко, который считает, что непосредственно на киевском субстрате возникает колочинская

культура, а затем уже на этой основе формируются пеньковские древности [Даниленко, 1976, с. 89—90],

Хотя вопрос о родстве деснинских памятников середины I тысячелетия н. э. и пеньковских древностей был поставлен давно, возможность детального сопоставления их компонентов открылась лишь в последние годы с выделением поздней фазы киевской культуры и пересмотром прежних взглядов на содержание пеньковской культуры. Кроме того, для успешного разрешения этой задачи необходимо сравнивать между собой древности, максимально близкие территориально и хронологически, поэтому раскопки Е. А. Горюнова на поселении Хитцы в Днепровском лесостепном Левобережье [Горюнов, 1981, с. 111—127] приобретают особое значение. Весьма важна также работа О. М. Приходнюка по выделению пеньковского керамического комплекса на материалах Среднего Поднепровья, добытых в свое время Д. Т. Березовцом и др. [Приходнюк, 1980, с. 31—46].

Для сравнения с киевской посудой возьмем керамику таких поселений, как Хитцы на р. Удае и Луг I на р. Тясмине, пеньковские комплексы которых отчетливо отделяются от более поздних материалов [Горюнов, 1981, с. 75—81; Приходнюк, 1980, с. 15]. По ассортименту основных категорий посуды Хитцы и Луг I (жилища 2, 12, 13, 18, 19) близки между собой (их количество указано лишь для Хитцов): горшки составляют 65 %, миски — 6, диски-крышки и сковородки с низким бортиком — 29 %.

При сопоставлении набора посуды из поздних памятников киевского типа Подесенья (Роище, Ульяновка и др.) с керамикой Хитцов и Луга I можно отметить ряд общих черт. Так, основное место в обоих случаях принадлежит горшковидным сосудам. Диски и сковородки с низким бортиком, хотя и присутствуют в Роище и Ульяновке, все же

более характерны для Хитцов и Луга I. Это замечание полностью относится и к лепным мискам, формы которых зачастую близки к черняховским гончарным образцам. И в поздних киевских, и в пеньковских комплексах резко доминируют биконические горшки с реберчатым переломом стенок на середине высоты сосуда (Ульяновка и Роище — 47,1 и 50,3, Хитцы — 44,7 %). В Луге I они присутствуют в трех из пяти пеньковских жилищ. Пропорции, оформление реберчатого бочка и днища деснинских сосудов особенно близки керамике Хитцов (рис. 32, б).

Доля округлобоких горшков с максимальным расширением корпуса на середине высоты также близка в названных памятниках: Ульяновка и Роище — 26,5 и 16, Хитцы — 22,3 %. Они представлены в трех жилищах Луга I. Далее по степени распространенности следуют тюльпановидные горшки с плавным изгибом стенок на середине высоты и раскрытой горловиной (Ульяновка и Роище — 6,7 и 17,4 %, Хитцы — 15 %). В Луге I они встречены только в одном жилище. Если названные виды керамики типичны для всех пеньковских памятников V—VII вв., то среди материалов ранней фазы Хитцов (жилища II, V, VI, IX) можно отметить некоторые архаические формы, характерные прежде всего для данного памятника и сближающие его с древностями Подесенья. К таким индивидуальным формам, ассоциирующимся с киевской посудой, необходимо отнести горшки с профилем, близким к цилиндро-коническому, а также корчаги с высокой шейкой и широкой горловиной [Горюнов, 1981, с. 72—75].

Вместе с тем определенное место среди пеньковских горшков занимают сосуды, близкие к керамике пражского типа (Хитцы — 9 %, в Луге I они присутствуют в трех из пяти пеньковских жилищ), которых нет в киевской культуре Подесенья.

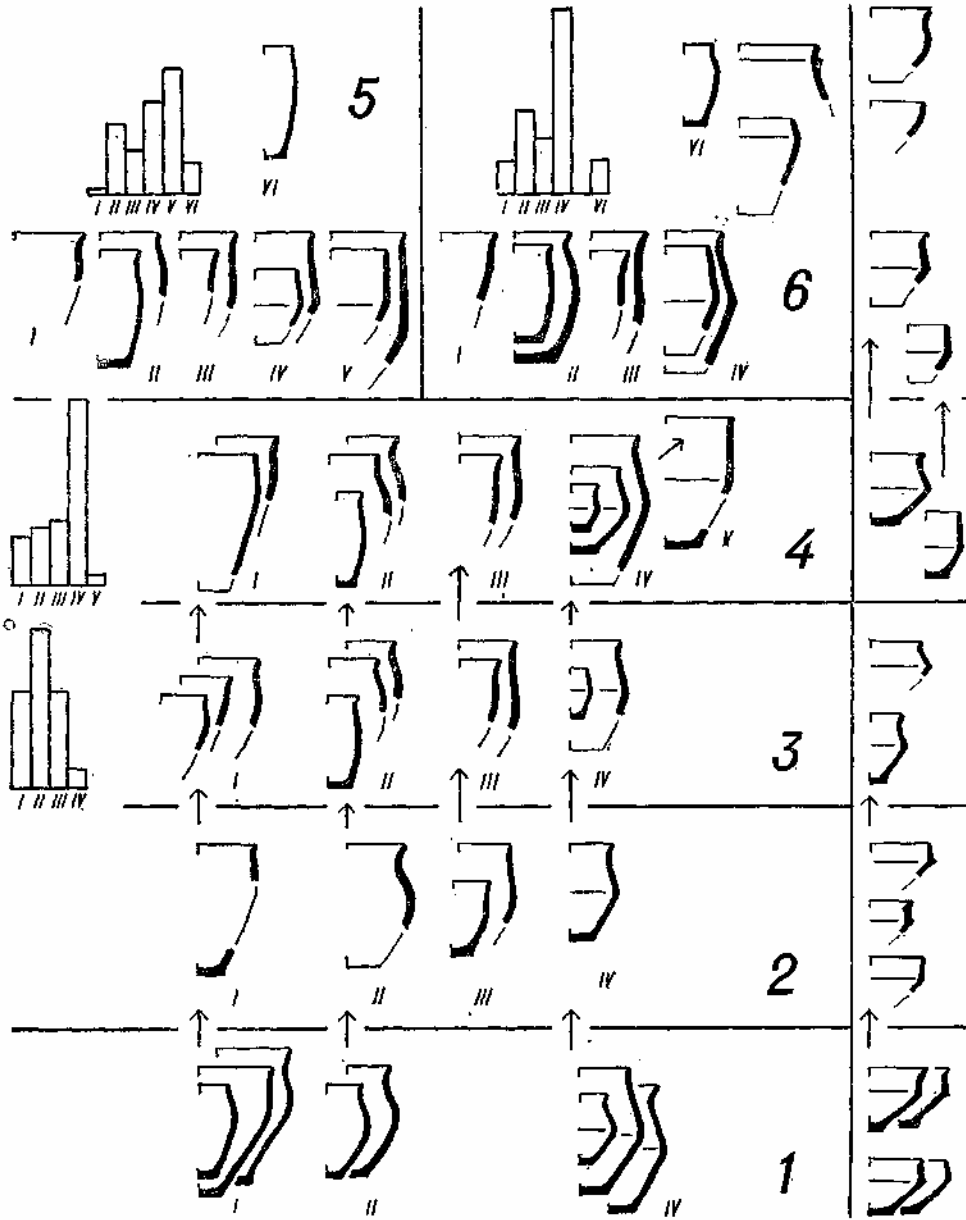

Рис. 32. Происхождение и дальнейшее развитие керамических форм киевской культуры Нижнего и Среднего Подесенья:

1 — зарубинецкая культура; 2 — позднезарубинецкие памятники I — II вв. Подесенья; 3 — первый период киевской культуры Подесенья (гистограмма — соотношение основных видов горшков поселения Лавриков Лес); 4 — второй период (гистограмма — Ронце); 5 — колочинские памятники Подесенья (гистограмма — Заярье); 6 — пеньковская культура Днепровского Левобережья (гистограмма — Хитцы).

Абсолютную датировку ранних комплексов Хитцов автор раскопок устанавливает на основании нескольких фрагментов черняховской гончарной посуды из построек VI (один обломок) и IX (три). Из жилища IX происходит также обломок одностороннего трехслойного костяного гребня. Эти находки позволили Е. А. Горюнову отнести нижнюю границу существования Хитцов ко времени не позднее V в. н. э. [Горюнов, 1981, с. 79]. В тех же рамках определяется нижний хронологический рубеж всей пеньковской культуры. Так, V в. н. э. датируется бронзовая пряжка из погребения могильника Большая Андрусовка в Среднем Поднепровье [Böhme, 1974, s. 81, taf. 79, 13; 86, 6, 13] и крупная железная двучленная фибула из Куни в Южном Побужье [Хавлюк, 1974, с. 188].

Выделяются и такие элементы культуры, роднящие киевские и пеньковские древности, как топография поселений и особенности домостроительства. Как известно, в пеньковской культуре присутствуют также полуземлянки с печами в одном из углов. Пока трудно ответить на вопрос: насколько такие сооружения типичны и для ранней стадии культуры? Во всяком случае ранние постройки таких поселений, как Хитцы и Голики, представлены исключительно жилищами с открытыми очагами. Не менее широко распространена такая специфически деснинская (для более раннего периода) деталь домостроительства, как центральный опорный столб. Этот признак спорадически присутствует в лесостепной полосе от Левобережной Украины до Молдавии [Дьяченко, 1977, с. 291—292; Рафалович, Лапушнян, 1974, с. 130—132, 134].

Пока немногочисленные данные по киевскому и пеньковскому погребальному обряду также демонстрируют их единство: в обоих случаях могильники бескурганые, расположенные на невысоких террасах и дюнах, захороне-

ния представлены трупосожжениями на стороне с помещением остатков кремации в округлую ямку. Иногда кальцинированные кости накрывались перевернутым сосудом [Березовец, 1970, с. 15—17]. Как в киевских, так и в пеньковских погребениях изредка встречаются пережженные предметы личного убора.

Следует отметить, что такие памятники, как Роище и Ульяновка, по основным своим признакам стоят ближе к Хитцам, чем поселения лесостепного Левобережья типа Сенча — Курган-Азак, отличные от черняховской культуры, хотя и синхронные ей. Керамика последних приближается скорее к древностям типа Колочина, чем Пеньковки [Горюнов, 1981, с. 58]. Можно допустить, что возникновение пеньковской культуры в Днепровском лесостепном Левобережье связано с продвижением в середине I тысячелетия н. э., скорее всего около V в. н. э., на юг части деснинских племен. При этом напомним, что лесостепная полоса Левобережья по своим физико-географическим условиям мало отличается от Черниговского Полесья.

Вместе с тем некоторые черты пеньковской культуры свидетельствуют об участии в ее сложении черняховской культуры, с которой, например, может быть связано широкое распространение лепных мисок, подражающих гончарным прототипам, а также единичных приземистых сосудов с загнутыми внутрь краями и более выразительных, чем в киевской культуре, округлобоких форм горшков.

Гипотеза о возникновении пеньковской культуры в результате инфильтрации групп северного населения в лесостепную среду в послечерняховское время находит свое подтверждение в наблюдениях, сделанных П. И. Хавлюком на материалах Южного Побужья. Здесь, как и в Днепровском Левобережье, фиксируется прочная связь с памятниками

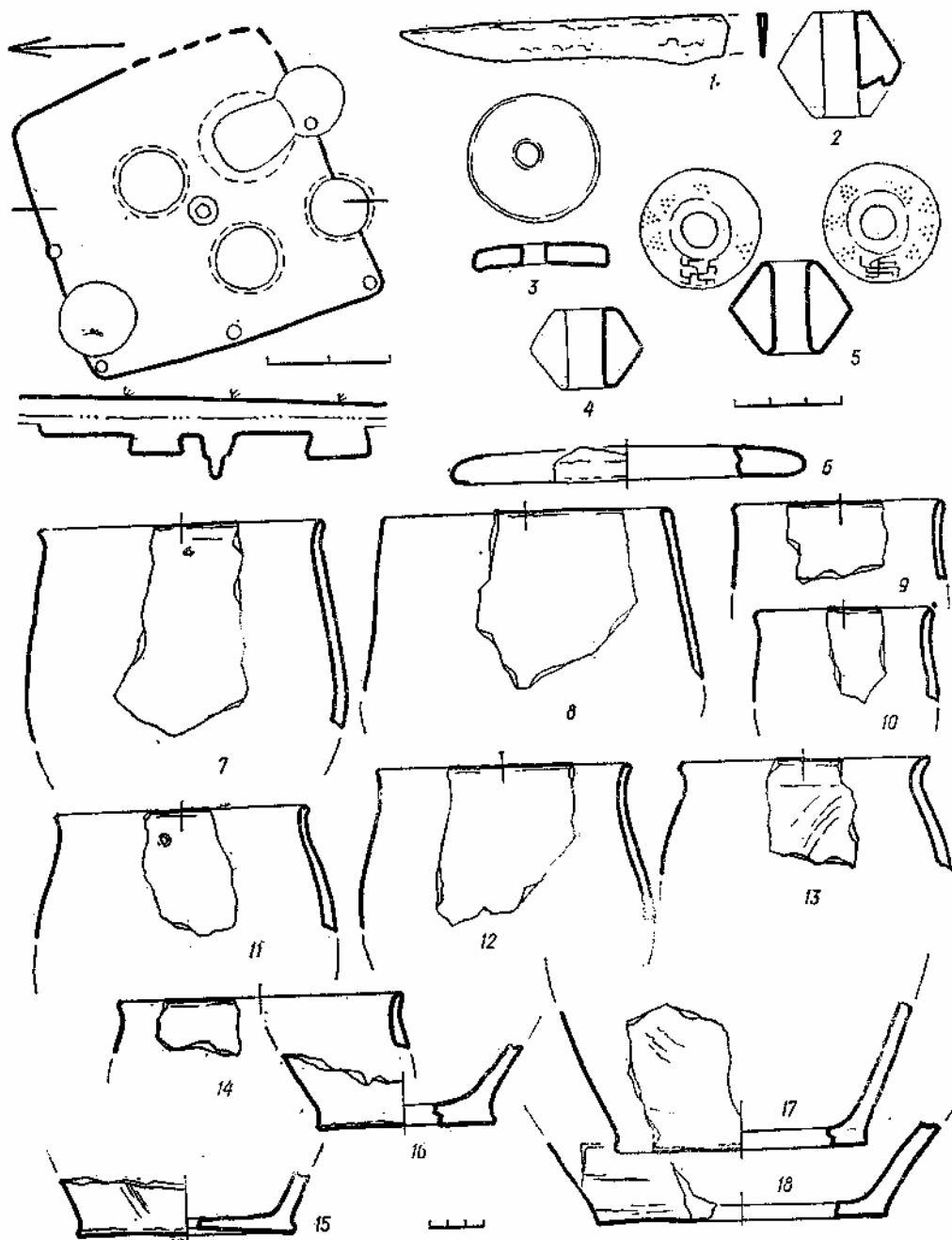

Рис. 33. Рише. Комплекс жилища 10 (1 — железо; остальное — глина).

более северных территорий на примере материалов поселений Голики, Куня, Кисляк и др. [Хавлюк, 1974, с. 187—188].

Общая подоснова в виде киевской культуры объясняет взаимопроникновение колочинских и пеньковских элементов [Максимов, Терпиловский, 1978, с. 107—108]. Иногда вообще невозможно точно расчленить признаки обеих культур. Граница между пеньковскими и колочинскими древностями в Днепро-Левобережье весьма условна, что связано, видимо, не только с невысокой степенью исследованности, но и с нерасчлененностью этих древностей в широкой контактной зоне (рис. 31). Специально изучавший этот вопрос Е. А. Горюнов провел такую границу примерно через среднее течение левых притоков Днепра: Сулы, Псла, Ворсклы [Горюнов, 1981, с. 63]. Нам представляется, что таким образом можно определить только южную границу более широкой зоны, занимавшей всю северную половину левобережной Лесостепи. Появились первые материалы, указывающие, что северное пограничье этой маргинальной зоны в V—VII вв. достигало и Подесенья. Например, материалы поселений Роище (жилища 10, 17) и Левкин Бугор, относящихся к этому периоду, демонстрируют тесное переплетение колочинских и пеньковских черт (рис. 33, 34). Учитывая, что топография поселений и тип жилищ этих культур для Левобережья едины, сопоставим керамику этих комплексов. Во всех случаях фрагменты ребристой посуды, в той или иной мере типичной для колочинского керамического комплекса, единичны. Заметное место принадлежит приземистым округлобким горшкам с максимальным расширением корпуса на середине высоты с выразительной отогнутой наружу шейкой. Как отмечалось выше, некоторое количество тюльпановидных и цилиндрико-конических форм характерно для такого опор-

ного пеньковского памятника Левобережья, как Хитцы. Такие сосуды присутствуют и в указанных комплексах. Все это дает основание включать южную часть Десны в маргинальную зону между пеньковской и колочинской культурами.

Необходимо отметить, что черты, роднящие обе эти культуры, наиболее четко выражены именно на ранних памятниках (рис. 32). Это обстоятельство, на наш взгляд, также свидетельствует об общности их происхождения, а не об «обмене» этими чертами в результате продолжительных контактов. Напротив, со временем преобладающее развитие получают черты различия, а не сходства. Второй период пеньковской культуры, в отличие от первого, «северного», характеризуется активными контактами с этнически неоднородной средой Северного Причерноморья [Горюнов, 1981, с. 81—82].

Таким образом, ход исторического процесса в середине I тысячелетия н. э. на Новгород-Северщине и Черниговщине был не во всем одинаков: памятники киевского типа в первом случае послужили основой для сложения колочинских древностей, а во втором — памятников со смешанными колочинскими и пеньковскими чертами. Кроме того, очевидно, именно население Черниговщины приняло участие в формировании пеньковской культуры в лесостепном Днепро-Левобережье.

Какова же этническая принадлежность населения рассматриваемых групп памятников? Наиболее четко и единодушно исследователями определяется этнос носителей пеньковской культуры, которые идентифицируются с антами письменных источников VI в. н. э., то есть племенами, родственными по языку и обычаям со с[к]лавенами [Седов, 1978, с. 164-173; Седов, 1979, с. 119-133].

В то же время нельзя не отметить, что мнение о восточно-балтской

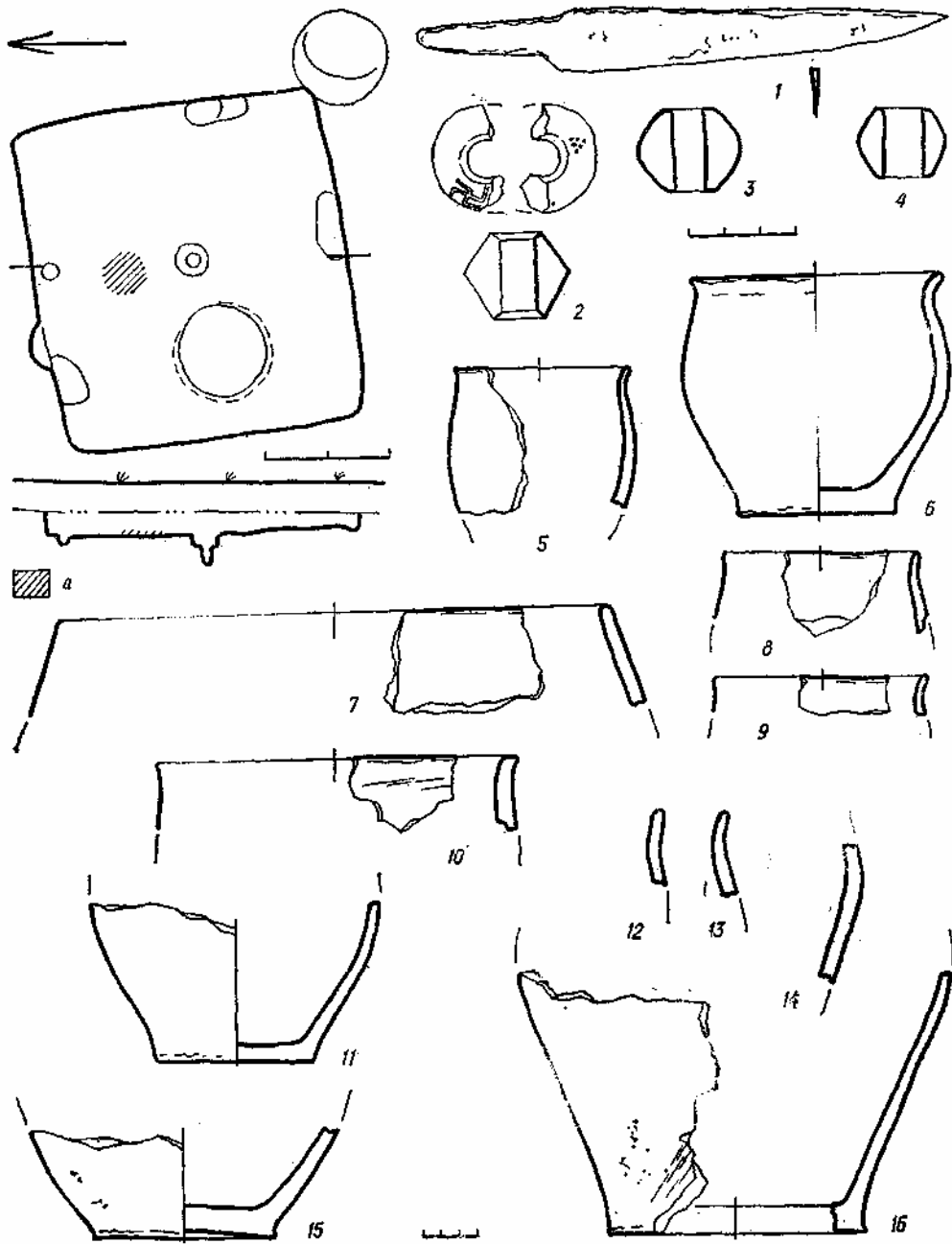

Рис. 34. Роище. Комплекс жилища 17 (*l* — железо; остальное — глина); *a* — обожженный участок пола (место очага).

принадлежности племен Юго-Восточной Белоруссии и Подесенья вплоть до последней четверти I тысячелетия н. э. [Седов, 1970, с. 48—52; Русанова, 1976, с. 56—84] базируется преимущественно на ряде лингвистических данных, которые в целом не поддаются однозначной трактовке. Кроме концепции о балтском характере гидронимов южной части Верхнего Поднепровья [Топоров, Трубачев, 1962, с. 232] в литературе (в том числе самых последних лет) появляются высказывания об их общеиндоевропейской или балто-славянской принадлежности [Петров, 1972, с. 105—108; Жучкевич, 1974, с. 122—126; Непокупный, 1976, с. 18, 50]. Здесь же необходимо напомнить, что слои гидронимии различного происхождения вообще с трудом поддаются датировке.

При приведении археологических доказательств неславянского облика культуры населения Верхнего Поднепровья в середине — третьей четверти I тысячелетия н. э. памятники этого региона, как правило, рассматриваются весьма суммарно, без должного учета их территориальных и хронологических особенностей. Внимание заостряется на взятых изолированно археологических признаках, не дающих представления о явлении в целом. Между тем, было высказано предположение [Вернер, 1972, с. 113], согласно которому достоверно славянская культура VI—VII вв. могла сложиться в лесостепной полосе в ходе продвижения славян к границам Византии, вне мест их первоначального обитания. В таком случае общий уровень социально-экономических отношений и структура этой культуры могут оказаться более существенными при изучении ее генезиса, чем чисто внешнее типологическое сходство. Однородность определенного типа социально-экономических отношений, обычаев и верований, выражающаяся в единообразии археологического комплекса, под-

тверждается также сохранившейся по крайней мере до конца I тысячелетия н. э. удивительно компактной славянской языковой общностью [Филин, 1962, с. 181; Горнунг, 1963, с. 4]. Этот тип славянской культуры коренным образом отличается от общего уровня культур римского периода Средней Европы, а также лесостепной и степной зон Восточной Европы. Таким образом, даже если учитывать присутствие групп славянского населения в черняховской среде [Седов, 1979, с. 78—100; Баран, 1978, с. 5—39; Рыбаков, 1978, с. 185], то и тогда ясно, что не они формировали облик раннесредневековой славянской культуры. Между тем общая структура последней и ее некоторые элементы отчетливо увязываются с более ранними культурами южной части лесной зоны и северных окраин Лесостепи Восточной Европы.

При комплексном анализе материалов Подесенья нетрудно убедиться, что применительно к этой конкретной территории наблюдается сходство не только уровней социально-экономического развития племен позднего римского и раннесредневекового периода, но и совпадение основных черт материальной культуры: деталей домостроительства, погребального обряда, ассортимента и оформления неорнаментированной лепной посуды и др.

Участие киевского субстрата в сложении главных черт колочинской и пеньковской культур, на наш взгляд, не позволяет разделять этнос их носителей. Учитывая идентификацию племен пеньковской культуры с антами, мы присоединяемся к точке зрения основоположников изучения памятников второй четверти I тысячелетия н. э. северной части Среднего Поднепровья и Подесенья — В. Н. Даниленко и П. Н. Третьякова, рассматривавших эти древности, а также памятники типа Колочина как славянские.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список памятников III—V вв. Нижнего и Среднего Подесенья содержит 89 пунктов, причем хорошо диагностируются 32 из них. Раскопки производились на 13 поселениях и одном могильнике. Остальные местонахождения диагностируются слабее, и их культурно-хронологическая принадлежность требует уточнения путем проведения более детальных исследований.

Нумерация памятников соответствует номерам на карте древностей второй четверти I тысячелетия п. э. Нижнего и Среднего Подесенья (рис. 1). Пункты 1—63 расположены на правом берегу Десны, 64—89 — на левом. Все памятники расположены на территории Черниговской обл. (за исключением пунктов 65—67, находящихся на территории Сумской обл.), поэтому в списке указан, как правило, только район. На первом месте ставится название населенного пункта, около которого обнаружен памятник. В скобках указывается название реки, на которой расположен памятник, через тире — название реки, в которую первая впадает и т. д.

Так как большинство памятников описано в литературе, то здесь даются самые общие сведения о них с ссылкой на наиболее полные публикации. При отсутствии публикаций ссылки даны на отчеты о полевых исследованиях, хранящиеся в Научном архиве ИА АН УССР.

Материалы памятников, исследованных в районе Новгород-Северского, хранятся главным образом в Ленинградском отделении ИА АН СССР. Материалы, обнаруженные автором и другими исследователями вблизи Чернигова, хранятся в фондах ИА АН УССР.

1. с. Моровск, Козелецкий р-п (Десна). На городище, расположенном в центральной части села на мысовом выступе террасы, встречена керамика первой половины I тысячелетия п. з. [Попко, 1971, с. 137].

2. с. Смолипо, Черниговский р-н (Десна). На городище, расположенном в южной части села на мысообразном выступе террасы, встречена керамика первой половины I тысячелетия п. э. [Попко, 1971, с. 135—136].

3. с. Козероги, Черниговский р-н (Десна). Поселение в уроч. Бобер (Песчаная горка) в 0,6 км к юго-западу от села на засаженной лесом террасе [Юркова, Коваленко, 1975, с. 74].

4. с. Слабин, Черниговский р-н (Десна). Поселение в уроч. Баштан (1,5 км к северо-востоку от села) на дюне в пойме [Юркова, Коваленко, 1975, с. 73—74].

5. с. Шестовица, Черниговский р-н (Десна). На городище в уроч. Коровель (1 км к юго-западу от села) встречены материалы II—IV вв. [Попко, 1971, с. 132].

6. с. Сельская Слобода, Черниговский р-н (Руда — Белоус — Десна). Поселение на

восточной окраине села, расположенное вдоль пологого левого берега реки. Размер 150 X 70 м. [Шекун. Отчет 1976, с. 8].

7. с. Красковское, Репкинский р-н (Белоус — Десна). Поселение в уроч. Каменка на левом берегу реки в месте впадения в нее безымянного ручья. Площадь около 1,5 га [Шекун. Отчет 1976, с. 26].

8. с. Сибереж, Репкинский район (Стрижень — Десна). Поселение в уроч. Кургайзе (1,8 км к югу от села), расположенное на южном склоне донной гряды, огибающей заболоченную впадину. Размер 140 X 50 м [Шекун. Отчет 1976, с. 11].

9. с. Сибереж, Репкинский р-н (Стрижень — Десна). Поселение «Верхнестрижеское» в 0,2 км к югу от оз. Купнистое, лежащего в истоках реки. Материал встречен на обоих берегах реки [Шекун. Отчет 1976, с. 13].

10. ст. Большие Осяки, Репкинский р-н (Стрижень — Десна). Поселение в 0,4 км к востоку от станции по обоим берегам пересохшего русла реки [Шекун. Отчет 1976, с. 12].

11. с. Сибереж, Репкинский р-н (Хмельнина — Стрижень — Десна). Поселение «Сибереж 2» на мысу левого берега реки в 1,2 км к юго-востоку от окраины села. Площадь около 2 га [Шекун. Отчет 1976, с. 9—10].

12. с. Халявин, Черниговский р-н (Стрижень — Десна). Поселение «Подсобное» на первой надпойменной террасе правого берега реки в 1,5 км к северо-западу от окраины села [Кузнецов, 1977, с. 107—109].

13. с. Рябцы, Черниговский р-н (Белоус — Десна). На многослойном поселении «Рябцы 2» встречена керамика киевского типа [Кузнецов, 1977, с. 107—109].

14. ст. Шумлай, Черниговский р-н (Белоус — Десна). На многослойном поселении «Юрковщина I» встречена керамика киевского типа [Кузнецов, 1977, с. 107—109].

15. ст. Шумлай, Черниговский р-н (Белоус — Десна). Керамика киевского типа встречена к западу от шоссе Чернигов — Гомель [Кузнецов, 1977, с. 107—109].

16. с. Деснянка, Черниговский р-н (Белоус — Десна). Поселение «Выгоры 2» в 0,6 км к востоку от окраины села на пологом берегу заболоченной низины [Шекун. Отчет 1976, с. 5].

17. с. Старый Белоус, Черниговский р-н (Белоус — Десна). На дюнах в уроч. Белый (Высокий) Груд (правый берег рекп, напротив села) встречены материалы киевского типа [Максимов, Петровская, Попудренко и др. Отчет 1975, с. 3—4].

18. с. Роище, Черниговский р-н (Стрижень — Десна). Поселение на краю первой надпойменной террасы левого берега реки

в центре села около моста [Максимов, Петровская, Попудренко и др. Отчет 1975, с. 29—30].

19. с. Роище, Черниговский р-н (Стрижень — Десна). Поселение в уроч. Логи (1,5 км к северу от села) расположено на распаханном краю террасы над безымянным ручьем — левым притоком реки. Площадь около 2 га. Раскопками 1975—1978 гг. исследована центральная часть поселения (два раскопа — 2170 м²). [Терпиловский, 1977, с. 134—136; Максимов, Терпиловский, 1978, с. 96—98]. Обнаружено пять жилищ, шесть хозяйственных построек и около 230 ям-погребов киевской культуры, два жилища V—VII вв. (табл. 14—22, рис. 33, 34), а также пять жилищ и несколько хозяйственных ям вольщевской культуры. Объекты V—VIII вв. иногда перекрывают хозяйственные ямы раннего периода. Мощность культурного слоя 0,4 м (его верхняя часть распахана). В культурном слое встречены почти исключительно материалы киевского типа и лишь единичные находки эпохи бронзы и милоградской культуры.

Жилища киевской культуры. Жилище 2 расположено в юго-западной части раскопа I—II. Прямоугольная в плане полуземлянка (2,6 X 3,2 м), пол углублен на 0,95—1,2 м от современной поверхности. В центре южной и западной стен — полукруглые ниши, видимо, предназначенные для установки вертикальных столбов, поддерживавших крышу. В заполнении встречены завалы материковой подсыпки кровли (табл. 15). Место очага определить не удалось. С севера к жилищу примыкают круглая и удлиненная хозяйственные ямы. Заполнение жилища: несколько развалов лентных горшков, фрагменты черняховской гончарной посуды, обломки жерновов, пряслице, кочедык.

Жилище 3 расположено в раскопе III. Квадратная в плане полуземлянка (4,1 X 3,9 м), пол углублен на 0,55—0,65 м. В центре жилища — столбовая яма. Кроме нее в северной части жилища отмечены две небольшие столбовые ямки. Яма очага (0,5 X 0,3 м) зафиксирована к юго-западу от ямы центрального столба. Конструкция постройки, видимо, была срубной, так как сохранилась подсыпка грунта по периметру постройки (табл. 16). Выступ у одного из углов, вероятно, указывает на место входа. В южную часть жилища частично врезана прямоугольная хозяйственная яма (2,4 X 0,9 м) глубиной 0,98 м. Заполнение жилища: фрагменты лентных горшков и подлощепного биконического сосуда, два обломка черняховской гончарной керамики, десять тупиков, один «конек», восемь прясел (целых и в обломках), фрагменты тиглей, синяя стеклянная бусина, обло-

мок сереоряного браслета, железные нож и бритва, фрагмент скобы железной пряжки, обломки жерновов и оселка.

Жилище 4 расположено в южной части раскопа I—II (в 22 м от жилища 2). Прямоугольная в плане полуземлянка (3,8 X 3,4 м), пол углублен на 0,8—0,85 м. В центре жилища — столбовая яма. В южной части восточной стены — небольшая ниша (табл. 17). Место очага определить не удалось. К тому же комплексу, видимо, принадлежала яма-погреб 13. Заполнение: фрагменты лепных горшков и диска, три обломка черняховских гончарных сосудов, два тупика, два пряслица, черенок железного ножа и фрагментированная бронзовая трапециевидная подвеска.

Жилище 12 расположено в западной части раскопа I—II (в 13 м от жилища 4). Прямоугольная в плане полуземлянка (4,1 X 3,7 м) с закругленными углами, пол углублен на 0,6—0,7 м. В центре жилища столбовая яма. Еще две ямы расположены по длинной оси жилища у западной и восточной стен. Такая же ямка отмечена у северной стены. Еще две узкие ямки обнаружены в южной части жилища (табл. 18, I—8). Следы очага обнаружить не удалось. Почти в середине восточной стены имеется небольшой выступ, возможно, место входа. Заполнение: фрагменты лепных горшков, четыре тупика, два пряслица.

Жилище 14 расположено в восточной части раскопа I—II (в 30 м от жилища 12 и в 24 м от жилища 4). Почти квадратная в плане полуземлянка (3,4 X 3,3 м) с закругленными углами, пол углублен на 0,65—0,8 м. В центре — яма опорного столба. Еще три ямы прослежены около северной стены, в юго-восточном углу и около ямы центрального столба. У западной стены отмечен ряд углублений неправильной формы (следы пристройки?). Почти по всей площади котлован был перекрыт на уровне материка тонким слоем глиняной обмазки кровли (табл. 19). В северную стену врезан под печи двуслойной вымост-

кой черенками лепной киевской и гончарной черняховской посуды (рис. 7). Кроме этой керамики в заполнении встречены фрагменты амфоры с рифленой поверхностью типа Е (по Д. Б. Шелову), костяные спица и тупики. В яме 133, примыкавшей к постройке 14 с востока, обнаружен костяной трехслойный гребень с полукруглой спинкой и прямыми плечиками.

Между жилыми постройками располагались хозяйственные ямы, среди которых преобладали округлые в плане (170 из 230) с диаметром верхней части 1—1,4 м и глубиной 0,6—1,2 м (табл. 18, 9). Степки обычно расширяются к ровному дну. Более крупные хозяйственные сооружения (постройки 1, 5, 7,

11, 15, 18) состояли из нескольких ям-погребов, перекрытых каркасными с глиняной обмазкой наземными постройками.

Лепная керамика представлена кухонными горшками и корчагами, среди которых преобладают биконические формы, а также несколькими фрагментами дисков-крышек и столовыми сосудами — мисками, подражающими Черняховским прототипам (табл. 20). В ямах-погребках и культурном слое встречены также уплощенно-биконические пряслица с крупным отверстием, железные ножи, шилья, сверло, долота (табл. 21) и костяные проколки, кощедыки, тупики, «коньки» (рис. 16) орудия. Вместе с находками киевской культуры обнаружено значительное количество черняховского импорта: фрагментов гончарной посуды (кухонной и столовой), а также обломков позднеримских амфор с рифленой поверхностью (табл. 22, 12—19), фрагментированный трехслойный костяной гребень, пряжка, бусина (табл. 22, 20) и обломки жерновов.

Аналогии в черняховской среде имеют некоторые типы железных орудий (скобель, серп) и украшений (серебряные подвески-лунницы) (табл. 22, 3), а также отдельные типы прясел (табл. 22, 4, 6) и оттяжек для ткацкого станка (рис. 15). Материалы киевского типа из Роища датируются IV — первой половиной V в.

20. с. Звеничев, Репнинский р-н (Замглай — Десна). Поселение в уроч. Южный Замглай на всхолмлениях правого берега реки (северо-восточная окраина села). Площадь 2 га [Шекуп. Отчет 1976, с. 21—22].

21. с. Новоселовка, Черниговский р-н (Десна). На многослойном поселении, расположенном на краю высокой надпойменной террасы, встречена керамика киевского типа [Юркова. Коваленко, 1975, с. 72—73].

22. с. Ульяновка, Черниговский р-н (Десна). Поселение «Ульяновка 1» (2 км к западу от села) на краю надпойменной террасы. В 1974 и 1975 гг. четыремя небольшими раскопами площадью 350 м² исследованы три жилища, две хозяйственные постройки и пять ям-погребов. Расстояние между крайними постройками, расположенными вдоль края террасы, свыше 400 м [Юркова, Коваленко, 1975, с. 72; Максимов, Терпиловский, 1979, с. 21—37]. Культурный слой почти полностью распахан, сохранился лишь около некоторых построек. Кроме материалов киевской культуры в заполнении объектов встречено несколько изделий скифского времени (к тому же периоду относится одна яма). В культурном слое встречен развал древнерусского гончарного горшка.

Жилище I расположено в 12 км от края террасы. Почти квадратная в плане полузем-

лянка (4,25X3,9 м), пол углублен на 1—1,1 м. Почти в центре — яма опорного столба. К западу от нее выявлен очаг в ямке; три хозяйственные ямы располагались у восточной и западной стен, а также в северо-западном углу (табл. 10). Заполнение: фрагменты лепной киевской (горшки, диски) (табл. 11) и гончарной черняховской (горшки, миски) керамики, обломки жерновов, 12 прясел (целых и в обломках), около 20 тушиков, два железных ножа, оселок, ушки костяных иголок, бронзовый браслет с утолщенными концами, обломок зеркала с нетлей в центре.

Жилище 3 расположено в 220 м к западу от жилища 1. Значительно разрушено устьем недавно образовавшегося оврага. Пол углублен на 0,8—1,2 м. Рядом обнаружены две круглые в плане ямы того же времени. Заполнение: фрагменты лепных горшков и черняховской гончарной посуды, куски жерновов, три пряслица, обломок льячки, стеклянные бусы, фрагменты железных изделий, бронзовых проволочного браслета и трапециевидной подвески, а также фрагментированный трехслойный костяной гребень с полукруглой спинкой и прямыми плечиками (табл. 12, 1-19).

Жилище 4 расположено в 160 м к востоку от жилища 1. Прямоугольная в плане полуземлянка (4X4,5 м), пол углублен на 0,6—0,9 м. В центре — яма опорного столба. Несколько столбовых ям меньшего размера зафиксированы вдоль стен. К югу от ямы центрального столба размещался очаг, ограниченный невысокими глиняными бортиками. В юго-восточный угол жилища врезана округлая яма-погреб глубиной 0,4 м от уровня пола (табл. 12, 20—39). Заполнение: обломки лепных горшков, восемь прясел, глиняная и стеклянная черняховская бусины, костяные тушик, кочедык и поделка из птичьей кости, обломки жерновов, железное долото.

Хозяйственные постройки представлены группой ям-погребов, перекрытых каркасными с глиняной обмазкой наземными сооружениями. Постройка 2 расположена в 4 м к северу от жилища 1 и, вероятно, составляла с ним единый хозяйственный комплекс (табл. 10). Постройка 5 размещалась в 60 м к западу от жилища 1. Семь крупных и 13 небольших ям вписывались в прямоугольник 6 X 7 м, пол углублен до 0,4 м (табл. 13). Вне постройки там же встречены еще три хозяйственные ямы. Заполнение: фрагменты лепных горшков и Черняховских гончарных сосудов, три пряслица, тушик, оселок, куски жерновов, три железных ножа, рукоять скобеля, обломок иглы, фрагмент наральника, ботало, наконечник стрелы, обломок кинжала,

железная и бронзовая пряжки, три стеклянные бусины.

Поселение следует датировать IV — первой половиной V в.

23. с. Ульяновка, Черниговский р-н (Десна). На поселении «Ульяновка 3», расположенном на дуне в пойме реки, встречены фрагменты керамики киевского типа [Максимов, Терпиловский, Цыдровская. Отчет 1976, с. 3].

24. с. Ульяновка, Черниговский р-н (Десна). Поселение «Ульяновка 2» (0,3 км к северо-востоку от села) на краю надпойменной террасы [Юркова, Коваленко, 1975, с. 72].

25. с. Киселевка, Черниговский р-н (Замглай — Десна). Поселение «Киселевка 1» (за восточной околицей села). Площадь около 0,5 га. Занимает мысообразный выступ правого берега реки. Разведочными раскопками в 1975 г. исследованы четыре хозяйственные ямы (диаметр до 1,9 м, глубина до 0,9 м). Заполнение: керамика киевского типа. Вне объектов встречена черняховская бусина синего стекла [Юркова, Коваленко, 1975, с. 72; Терпиловский, 1977, с. 131—132].

26. с. Киселевка, Черниговский р-н (Замглай — Десна). Поселение «Киселевка 2» (1 км к востоку от села). Длина поселения свыше 200 м. Занимает мысообразный выступ невысокой надпойменной террасы левого берега реки. В 1975 г. небольшими раскопами и траншеями исследованы два жилища и 12 хозяйственных ям киевской культуры, а также вольщевское жилище.

Жилище 1 расположено в центральной части поселения. Квадратная в плане полуземлянка (4,4 X 4,3 м, пол углублен на 0,55 м) с центральной ямой опорного столба. Еще две столбовые ямки расположены у середины восточной и западной стен. Очаг, вероятно, располагался в небольшом углублении к северо-западу от ямы центрального столба. Рядом с ним — хозяйственная яма (табл. 8). Заполнение: фрагменты лепных горшков и диска, 14 пряслиц (целых и в обломках), обломки двух тиглей, фрагмент черняховского гончарного сосуда, стеклянная бусина, бронзовые пронизь и язычок пряжки, 18 тушиков и заклепка от гребня. К северу от жилища 1 обнаружены три ямы-погребов.

Жилище 3 расположено в 70 м к западу от жилища 1. Почти квадратная (4 X 3,0 м) полуземлянка (пол углублен на 0,6 м) с центральной ямой опорного столба, шесть столбовых ямок меньших размеров расположены вдоль стен и к югу от ямы центрального столба (табл. 9). В южной части восточной стены имеется выступ (место входа?). Место очага не установлено. Заполнение: фрагменты лепной керамики, обломок гончарного черпяховского сосуда, три стеклянные бусины,

пряслица, крупный оселок, шесть тупиков [Терпиловский, 1977, с. 132—133]. Поселение следует датировать IV в. п. э.

27. с. Ключков, Черниговский р-н (Снов — Десна). Поселение на восточной окраине села, на краю первой надпойменной террасы правого берега реки. Культурный слой мощностью 0,4—0,5 м сильно распахан. Исследованы две хозяйственные ямы (диаметр 1,2 и 1,5 м, глубина 0,9 и 0,62 м). Заполнение ям: фрагменты керамики киевского типа. Вне объектов встречены фрагмент гончарного черпачовского сосуда [Горюнов, 1974, с. 69—70].

28. пос. Седнев, Черниговский р-н (Снов — Десна). Поселение в 0,2 км к юго-востоку от окраины поселка на мысу правого коренного берега реки [Горюнов. Отчет 1970, с. 5].

29. с. Макишин, Городнянский р-н (Снов — Десна). На многослойном поселении в уроч. Журавлево Поле (1,5 км к югу от села) на сниженном участке правого берега реки собрана керамика киевского типа. Размер поселения 120 X 60—80 м [Горюнов. Отчет 1970, с. 5-7].

30. с. Макишин, Городнянский р-н (Снов — Десна). На дюнах в уроч. Шуликова Головка и Красные Лозы в пойме левого берега реки напротив села встречена керамика киевского типа, а также железная пряжка [Максимов, Петровская, Попудренко и др. Отчет 1975, с. 6-7].

31. с. Сновянка, Черниговский р-н (Снов — Десна). На краю мысообразного выступа надпойменной террасы левого берега реки между селами Сновянка и Боромыки встречена керамика киевского типа [Максимов, Терпиловский, Цыдровская. Отчет 1976, с. 4].

32. с. Боромыки, Черниговский р-н (Десна). На многослойном поселении в уроч. Сахпиха, расположенном на пологом участке террасы, встречена керамика киевского типа [Максимов, Терпиловский, Цыдровская. Отчет 1976, с. 4].

33. с. Горица, Менский р-н (Десна). В восточной части многослойного поселения, в уроч. Дворище, расположенном к востоку от села на краю первой надпойменной террасы, встречена лепная керамика и фрагмент гончарного Черняховского сосуда [Ляпушкин, 1961, с. 327].

34. с. Феськовка, Менский р-н (Мена — Десна). Поселение с распаханным культурным слоем на левом коренном берегу реки [Третьяков. Отчет 1966, с. 9].

35. с. Макасики, Менский р-н (Десна). В культурном слое мощностью до 0,85 м многослойного поселения, расположенного на краю первой террасы в южной части села в уроч. Грудок, встречена керамика киевского типа [Непріна, 1974, с. 49—56].

36. г. Сосница, Сосницкий р-н (Убедь — Десна). Поселение на правом берегу реки

в 4—4,5 км к северу от города. В значительной мере разрушено песчаным карьером [Третьяков, 1974, с. 112].

37. с. Киреевка, Сосницкий р-н (Убедь — Десна). Поселение и могильник на правом берегу реки в 1 км к северу от села в уроч. Маслов («Киреевка 1»). На поселении исследована квадратная в плане полуземлянка размером 4 X 3,9 м с центральным столбом и до десятка хозяйственных ям (табл. 5, 1—12). На могильнике (рис. 10) раскопаны две группы (из двух и трех погребений) ямных трупосожжений [Третьяков, 1974, с. 113—116]. Поселение и могильник датируются III—IV вв.

38. с. Киреевка, Сосницкий р-н (Убедь — Десна). Поселение «Киреевка 2» на правом берегу реки в 0,3 км к северо-западу от предыдущего (рис. 3, 1). В обрыве берега на протяжении 60—70 м виден культурный слон мощностью до 0,35 м [Третьяков. Отчет 1970, с. 8]. В 1977 г. раскопаны остатки разрушенной обрывом берега полуземлянки (табл. 5, 13—25), судя по керамике, синхронной Киреевке 1 [Максимов, Терпиловский. Отчет 1977, с. 2—3].

39. с. Новоселки, Сосницкий р-н (Убедь — Десна). Поселение с распаханным культурным слоем на левом берегу реки за северной окраиной села [Третьяков, 1974, с. 112].

40. г. Сосница, Сосницкий р-н (Убедь — Десна). Поселение на левом берегу реки ниже города, за мостом в заречной части поселка Выюнище [Третьяков, 1974, с. 112].

41. с. Конятин, Сосницкий р-н (Десна). Поселение на сниженном участке коренного берега на северо-западной окраине села [Третьяков, 1974, с. 112].

42. с. Конятин, Сосницкий р-н (Десна). На многослойном поселении, расположенном на краю террасы рядом с предыдущим, встречена керамика киевского типа [Третьяков, 1974, с. 112].

43. с. Чершенки, Корейский р-н (Десна). Поселение на отроге коренного берега в 0,5 км к северо-востоку от села при устье ручья [Третьяков, 1974, с. 112].

44. с. Вишенки, Коропский р-н (Десна). Поселение на южной окраине села на краю коренного берега при устье ручья [Третьяков, 1974, с. 112].

45. с. Вишенки, Коропский р-н (Десна). Поселение за северной окраиной села на сниженном участке террасы. Сохранилась северная часть поселения, не разрушенная обрывом берега [Третьяков, 1974, с. 112, 116—118]. В пределах раскопа площадью 125 м² обнаружено 14 ям-погребов диаметром 0,6—1,5 м и глубиной до 0,9 м. В их заполнении обнаружены фрагменты керамики киевского типа и биконические пряслица (табл. 6, 1—14).

46. с. Раздеты, Коропский р-н (Десна).

Поселение на краю коренного берега в 2,5 км к северо-западу от села. Сохранился культурный слой мощностью до 0,4 м [Третьяков, Отчет 1967, с. 18].

47. с. Радичев, Коропский р-н (Десна). Поселение на краю мысообразного выступа коренного берега в 1 км к юго-востоку от села [Третьяков, Отчет 1967, с. 18—19].

48. с. Мезин, Коропский р-н (Десна). Поселение на краю высокого коренного берега в уроч. Хоромки (1 км к югу от центра села) (рис. 3, 3). Ограничено с севера и запада оврагами, значительно разрушено лесопосадками, открыто В. Е. Куриленко. На краю поселения исследована хозяйственная яма (диаметр 1,5 м, глубина 0,65 м от уровня материка) [Максимов, Терпиловский. Отчет 1977, с. 4—5]. Заполнение ямы: развал ребристого горшка, черенок железного ножа, обломок пряслица и фрагмент Черняховского гончарного сосуда (табл. 6, 17—20).

49. с. Мезин, Коропский р-н (Десна). Поселение на краю высокого коренного берега в уроч. Забродки (2 км к северу от центра села). Сильно разрушено оврагами и лесопосадками. Открыто В. Е. Куриленко. В культурном слое мощностью до 0,2—0,3 м встречен развал подтащенного би конического горшка (табл. 6, 21—25), а также обломки слабопрофилированных сосудов киевского типа [Максимов, Терпиловский. Отчет 1977, с. 4].

50. с. Куриловка, Коропский р-н (Десна). Многослойное разрушенное поселение «Куриловская стоянка» на сниженном участке первой надпойменной террасы в 1 км к востоку от села [Максимов, Терпиловский. Отчет 1977, с. 3—4]. В. Е. Куриленко здесь обнаружена лепная керамика киевского типа, фрагмент Черняховского гончарного сосуда, спинка бронзовой фибулы и обломок пряслица (табл. 6, 15, 16).

51. с. Кудлаевка, Новгород-Северский р-н (Малотечка — Десна). Поселение на краю длинного мысообразного выступа первой надпойменной террасы в 0,5 км к востоку от села [Третьяков, 1974, с. 91].

52. с. Кудлаевка, Новгород-Северский р-н (Малотечка — Десна). Поселение на краю левого берега реки в уроч. Хутор Самоквасова к западу от села [Третьяков, 1974, с. 91].

53. с. Дегтяревка, Новгород-Северский р-н (Малотечка — Десна). Поселение на краю надпойменной террасы левого берега в уроч. Лавриков Лес (1,5 км к северо-востоку от села). Площадь 0,3 га, мощность культурного слоя до 0,4 м (его верхний горизонт распахан). В 1969 и 1970 гг. четырьмя небольшими раскопами и шурфами общей площадью около 300 м² исследовано пять квадратных полуземлянок площадью 6,2—16,5 м² и глубиной 0,5—0,75 м от уровня материка с ямами цент-

ральных столбов и открытыми очагами возле них, а также 24 хозяйственные ямы (табл. 1—3). В заполнении объектов встречена кухонная (горшки, диски) и столовая (миски) керамика киевского типа, около 20 пряслиц (целых и в обломках), железные фибулы и булавка, два ножа, шило, костяные иглы и тупик, оселки [Третьяков, 1974, с. 102—110]. Поселение датируется III — первой половиной IV в.

54. с. Форостовичи, Новгород-Северский р-н (Рома — Десна). Поселение на обрывистом мысу правого берега в уроч. Селище (0,3 км к северу от села). Площадь 1,3 га, мощность культурного слоя до 0,6 м (его верхний слой распахан). Разведочными раскопками 1966, 1967, 1969 гг. исследованы три полуземляночных жилища глубиной до 0,5 м от уровня материка с ямами центральных столбов и открытыми очагами (табл. 4). В их заполнении встречена лепная кухонная (горшки, диски) посуда, а также единичные фрагменты лощеных мисок, пряслица [Сымонович, 1969, с. 64—68; Третьяков, 1974, с. 99—101]. Синхронно предыдущему.

55. с. Мамекино, Новгород-Северский р-н (Смяч — Десна). Поселение на склоне надпойменной террасы в 2 км к востоку от села [Третьяков, 1974, с. 90].

56. с. Мамекино, Новгород-Северский р-н (Смяч — Десна). Поселение в пределах восточной окраины села [Третьяков, 1974, с. 90].

57. с. Смяч, Новгород-Северский р-п (Смяч — Десна). Поселение на правом берегу реки напротив села. Мощность культурного слоя до 0,3 м. Частично разрушено лесопосадками [Третьяков, 1974, с. 89—90].

58. с. Смяч, Новгород-Северский р-н (Смяч — Десна). Поселение в уроч. Загребелье (правобережная часть села, у моста). Из культурного слоя мощностью 0,25—0,3 м, разрушенного на протяжении 100—120 м обрывом, происходит лепная керамика и пряслица киевского типа [Третьяков, 1974, с. 89].

59. с. Пушкари, Новгород-Северский р-н (Десна). Керамика киевского типа встречена на многослойном поселении на краю коренного берега [Третьяков, 1974, с. 86].

60. с. Камень, Новгород-Северский р-н (Десна). Керамика киевского типа встречена на многослойном поселении, расположенном в 0,2—0,3 км ниже устья р. Рожжпы [Третьяков, 1974, с. 86].

61—63. с. Гремяч, Новгород-Северский р-н (Судость — Десна). Три поселения в излучине левого берега реки, напротив села [Третьяков, 1974, с. 86].

64. с. Бирин, Новгород-Северский р-н (Десна). Поселение с разрушенным культурным слоем к западу от села. Отсюда происходит

лепная керамика, железная фибула и уплощенное биконическое пряслице [Третьяков, 1974, с. 91].

65. с. Пироговка, Шосткинский р-н, Сумская обл. (Шостка — Десна). Поселение на левом берегу реки на окраине села [Третьяков, 1974, с. 91].

66. с. Собич, Шосткинский р-н, Сумская обл. (Десна). Поселение на краю надпойменной террасы в устье ручья [Третьяков, 1974, с. 91].

67. с. Чаплиевка, Шосткинский р-н, Сумская обл. (Десна). Поселение на краю надпойменной террасы около устья р. Реть в уроч. Церковное [Третьяков, 1974, с. 91].

68. с. Обирок, Бахмачский р-н (Сейм — Десна). Керамика киевского типа встречена на многослойном поселении около старого русла реки в уроч. Новохатская Гора [Непріна, Корпусова, 1972, с. 351].

69. с. Обирок, Бахмачский р-н (Сейм — Десна). Керамика киевского типа встречена на многослойном поселении, расположенном на краю надпойменной террасы в западной части села в уроч. Титовчивщина [Непріна, Корпусова, 1972, с. 351—352].

70. с. Долинское, Сосницкий р-н (Десна). Многослойное поселение, значительно разрушенное карьером, расположено на краю надпойменной террасы (0,6 км к востоку от села). Исследованы остатки жилища, частично разрушенного обрывом (ширина 2,6 м, пол углублен на 0,5—0,6 м). Заполнение: фрагменты лепных горшков и корчаг, диски-крышки, миска и пряслице [Мельниковська, 1977, с. 60—68].

71. с. Большое Устье, Сосницкий р-н (Десна). Керамика киевского типа встречена на многослойном поселении, расположенном на краю надпойменной террасы к северо-востоку от села [Непріна, Корпусова, 1972, с. 351].

72. с. Салтыкова Девица, Куликовский р-н (Десна). Поселение на краю надпойменной террасы в уроч. Оболонье, разрушается обрывом. В культурном слое мощностью до 0,8 м встречена керамика и пряслице киевского типа [Непріна, Корпусова, 1972, с. 351].

73. с. Салтыкова Девица, Куликовский р-н (Десна). Поселение «Салтыкова Девица 2» расположено на краю первой надпойменной террасы в 2,5 км к западу от села. На площади 200 X 70—80 м собраны фрагменты лепной керамики киевского типа, пять обломков черняховских гончарных сосудов, три стеклянные бусины, бронзовая черняховская пряжка и четыре пряслица [Коваленко. Отчет 1976, с. 12—13].

74. с. Ковчин, Куликовский р-н (Десна). Поселение в 1 км к востоку от села. Подъем-

ный материал (лепная керамика киевского типа, фрагмент Черняховского гончарного горшка) сосредоточен на площади 100 X 25 м [Максимов, Терпиловский. Отчет 1977, с. 5—6].

75. с. Горбово, Куликовский р-н (Десна). На многослойном поселении, расположенном на мысообразном выступе террасы у бывшей птицефермы (0,3 км к западу от окраины села), встречена керамика киевского типа [Максимов, Терпиловский, Цыдровская. Отчет 1976, с. 7].

76. с. Выбли, Куликовский р-н (Десна). В западной части села на краю высокой террасы над старицей встречена керамика киевского типа [Максимов, Терпиловский, Цыдровская. Отчет 1976, с. 7].

77. с. Выбли, Куликовский р-н (Десна). Поселение «Выбли 1» расположено на краю надпойменной террасы в 1 км к западу от окраины села [Юркова, Коваленко, 1975, с. 74]. Размер поселения 170 X 50 м, мощность культурного слоя до 0,5 м (его верхний горизонт распахан). В 1975 г. здесь исследовано жилище и несколько хозяйственных ям (табл. 7). В заполнении небольшой квадратной в плане (3 X 3 м) полуземлянки (пол углублен на 0,5 м) встречена лепная керамика киевского типа, фрагменты Черняховского гончарного горшка, куски жерновов, два пряслица, амулет из когтя медведя, бронзовые игла, подвеска и часть цепочки [Терпиловский, 1977, с. 133—134].

78. с. Пески, Черниговский р-н (Десна). Поселение расположено на выступе первой надпойменной террасы в 0,5 км к юго-западу от села [Юркова, Коваленко, 1975, с. 74].

79. с. Подгорное, Черниговский р-н (Десна). На многослойном поселении в уроч. Круча (юго-западная окраина села), сильно разрушенном обрывом берега, встречена керамика киевского типа [Юркова, Коваленко, 1975, с. 74].

80. с. Анисов, Черниговский р-н (Десна). Сильно разрушенное многослойное поселение расположено в уроч. Татарщина (Татарская Горка) на участке от северо-западной околицы села до с. Подгорное. Отсюда происходит керамика киевского типа, пряслица, стеклянные бусы, бронзовые украшения [Шугаевский, 1911, с. 244—258; Даниленко, 1976, с. 67].

81. с. Анисов, Черниговский р-н (Десна). На многослойном поселении в уроч. Хвойки (1 км к юго-востоку от села), расположенном на засаженной лесом доне в пойме реки, встречена керамика киевского типа [Максимов, Терпиловский, Цыдровская. Отчет 1976, с. 6].

82. с. Количевка, Черниговский р-н (Десна). На многослойном поселении в уроч. Лесковое (3 км к югу от села), расположенном

на мысообразном выступе надпойменной террасы, встречена керамика первых веков нашей эры. Размер поселения 150 X 80 м [Попко, 1971, с. 139].

83. с. Ивановка, Черниговский р-н (Вздвиг — Десна). На многослойном поселении в уроч. Оборок (0,5 км к западу от села), расположенном на дюне в пойме, керамика киевского типа встречена на площади 150 X 50 м [Юркова, Коваленко, 1975, с. 74-75].

84. с. Золотинка, Черниговский р-н (Десна). На поселении в уроч. Бугры (0,5 км к северо-востоку от села) встречена керамика киевского типа (обломки горшков, дисков), несколько фрагментов черняховской гончарной посуды и пряслице [Юркова, Коваленко, 1975, с. 75].

85. с. Золотинка, Черниговский р-н (Десна). На территории разрушенного поселения, расположенного в 0,5 км к юго-западу от

предыдущего, встречена керамика киевского типа [Юркова, Коваленко, 1975, с. 75].

86. с. Ладинка, Черниговский р-н (Десна). На песчаной дюне в пойме, расположенной к северо-востоку от села, встречена керамика первых веков нашей эры [Попко, 1971, с. 139].

87. с. Ладинка, Черниговский р-н (Десна). На песчаной дюне (уроч. Печище, к северо-востоку от села, в 0,1 км от предыдущего) встречена керамика первых веков нашей эры [Попко, 1971, с. 139—140].

88. с. Вовчок, Козелецкий р-н (Десна). На многослойном поселении в уроч. Подол (к юго-западу от села), расположенном на мысообразном выступе надпойменной террасы, встречена керамика первых веков нашей эры [Попко, 1971, с. 140].

89. с. Любечанов, Козелецкий р-н (Остер — Десна). Поселение на левом берегу реки, в северной части села, разрушаемое песчаным карьером [Третьяков. Отчет 1973, с. 6].

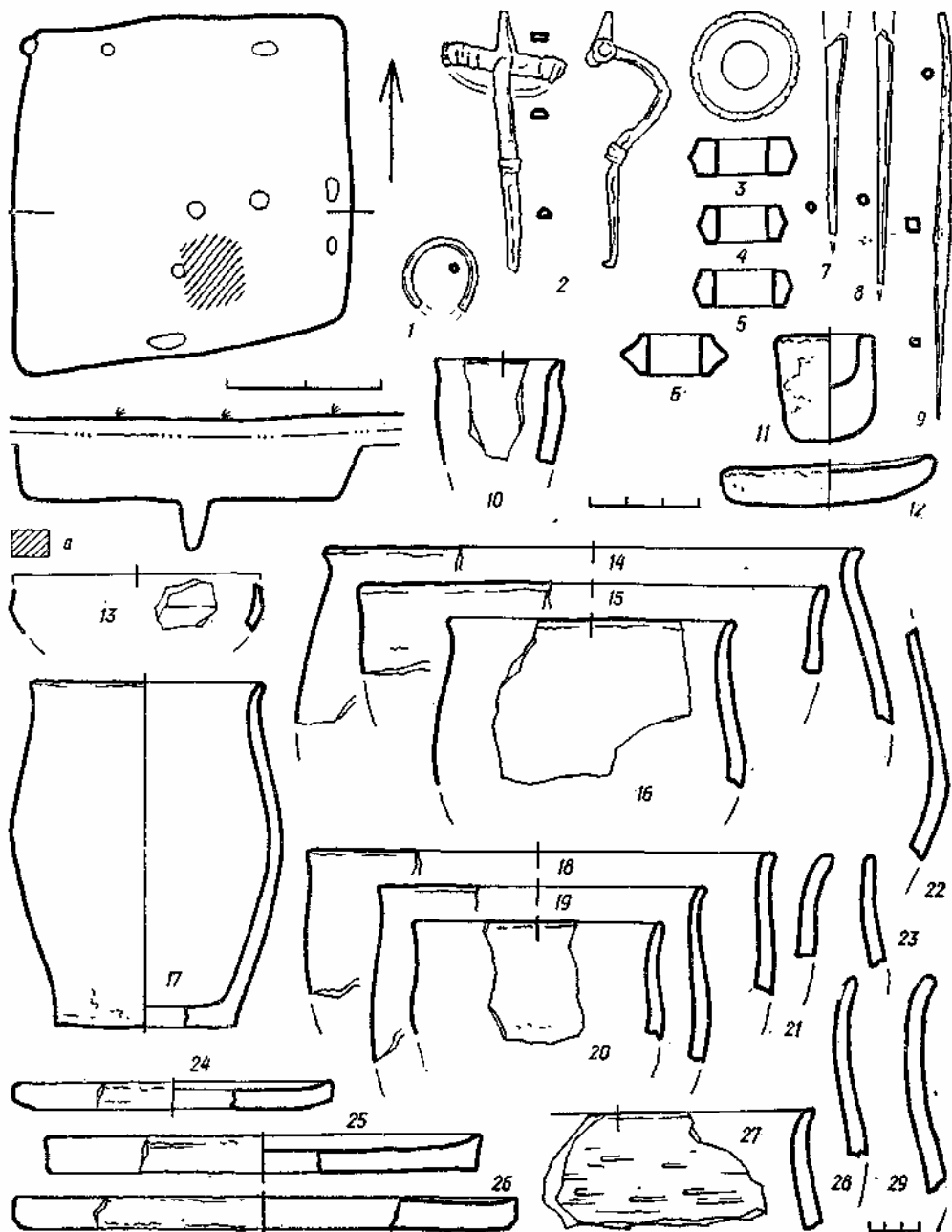

Табл. 1. Лавриков Лес. Комплексе жилища 1 (1 — бронза; 2, 9 — железо; 5 — камень; 7, 8 — кость; остальное — глина); a — место очага.

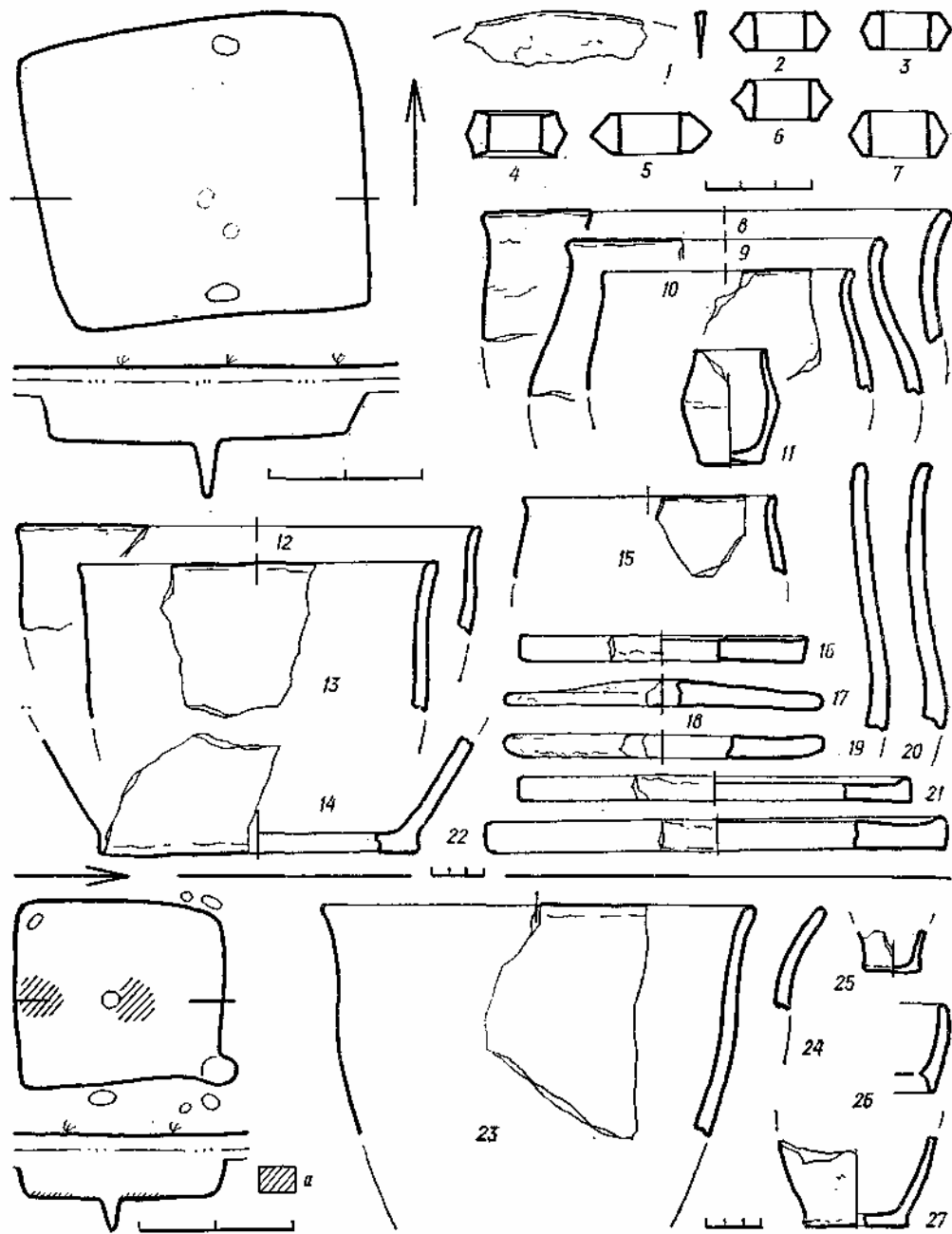

Табл. 2. 1—22 — комплекс жилища 2; 23—27 — комплекс жилища 5 (1 — железо; остальное — глина); а — место очага.

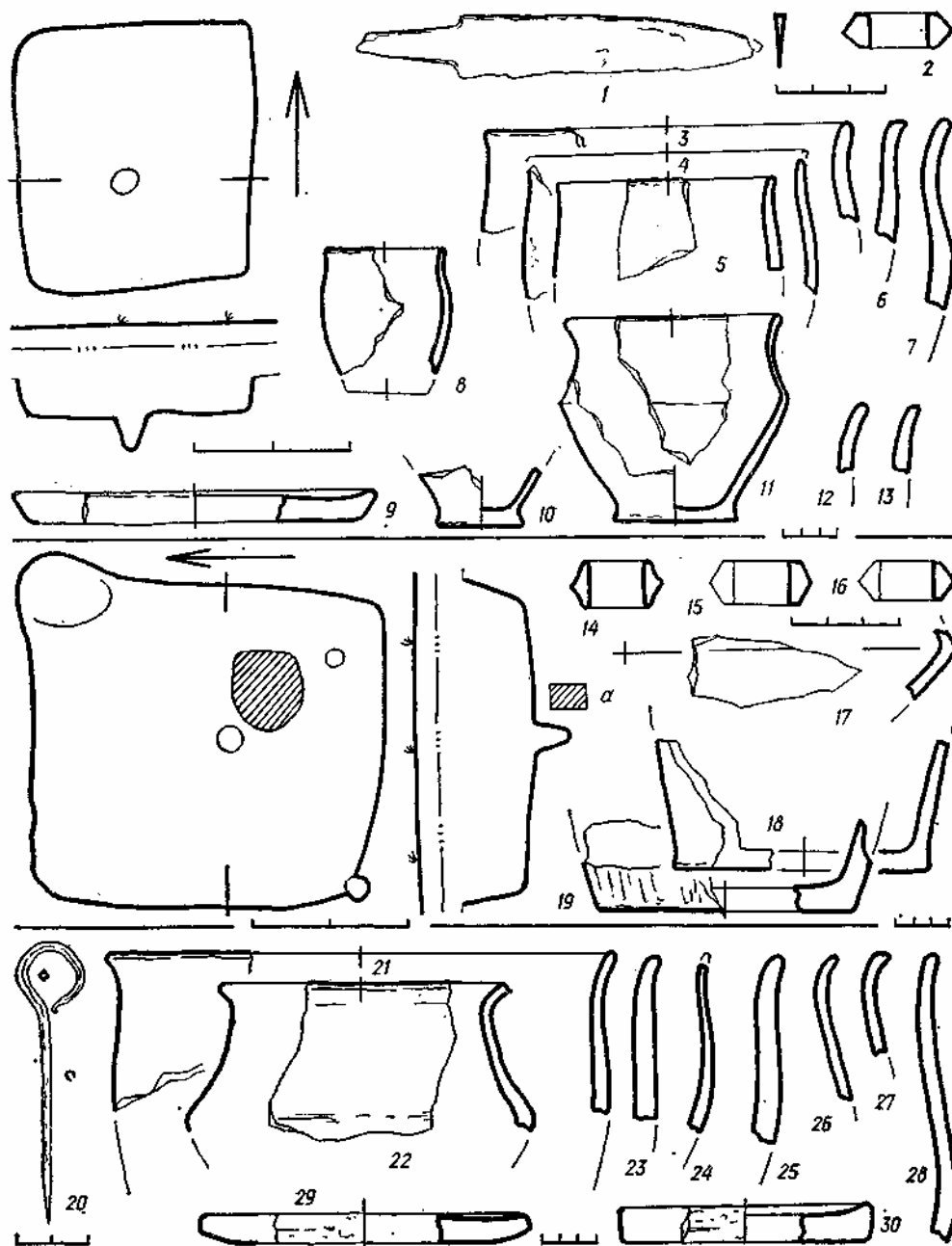

Табл. 3. Лавриков Лес: 1—13 — комплекс жилища 4; 14—19 — комплекс жилища 3; 20—30 — находки из хозяйственных ям (1, 20 — железо, остальное — глина); а — очажная яма.

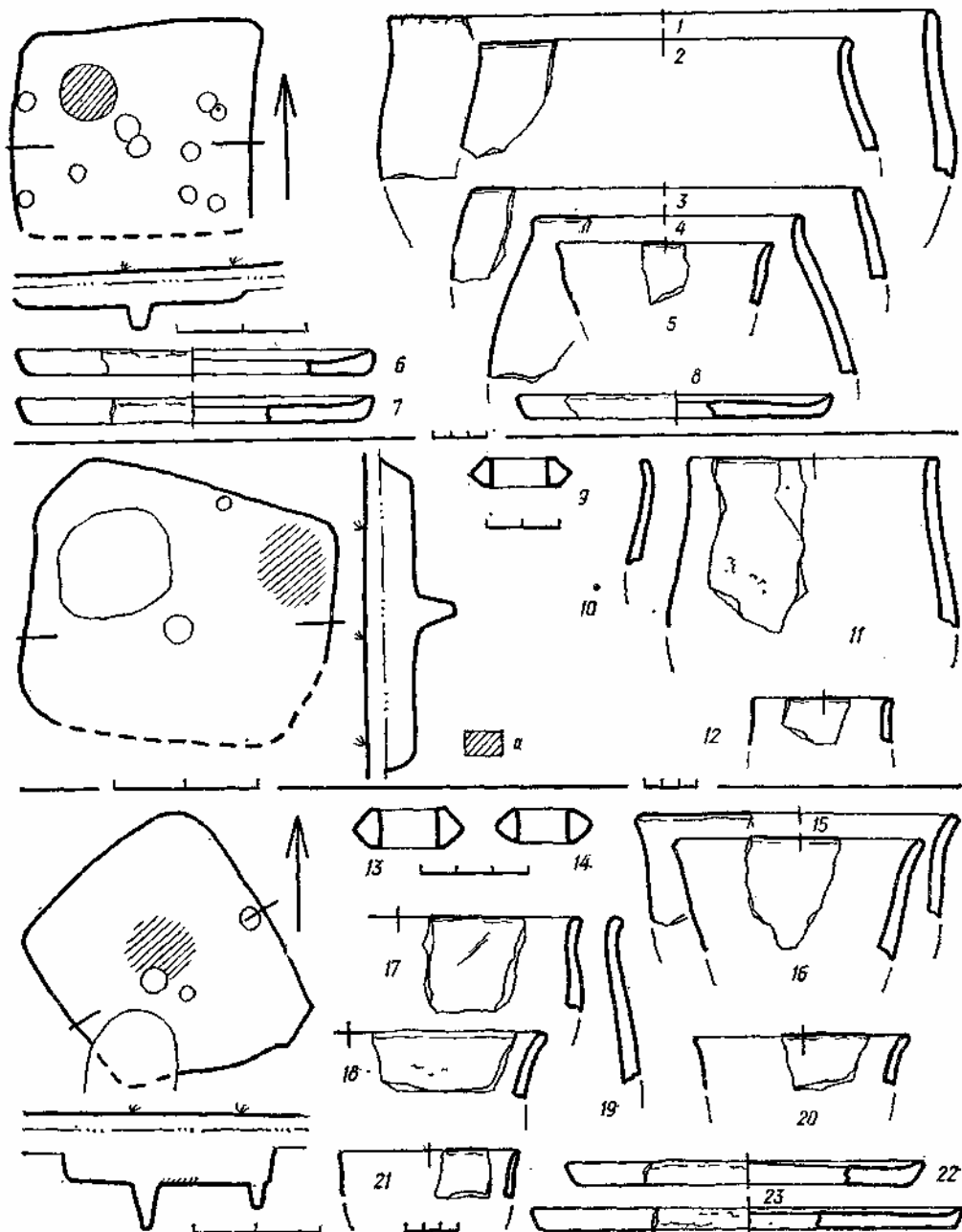

Табл. 4. Форостовичи: 1—18 — комплекс жилища 1; 9—12 — комплекс жилища 2; 18—23 — комплекс жилища 3 (глина); а — место очага.

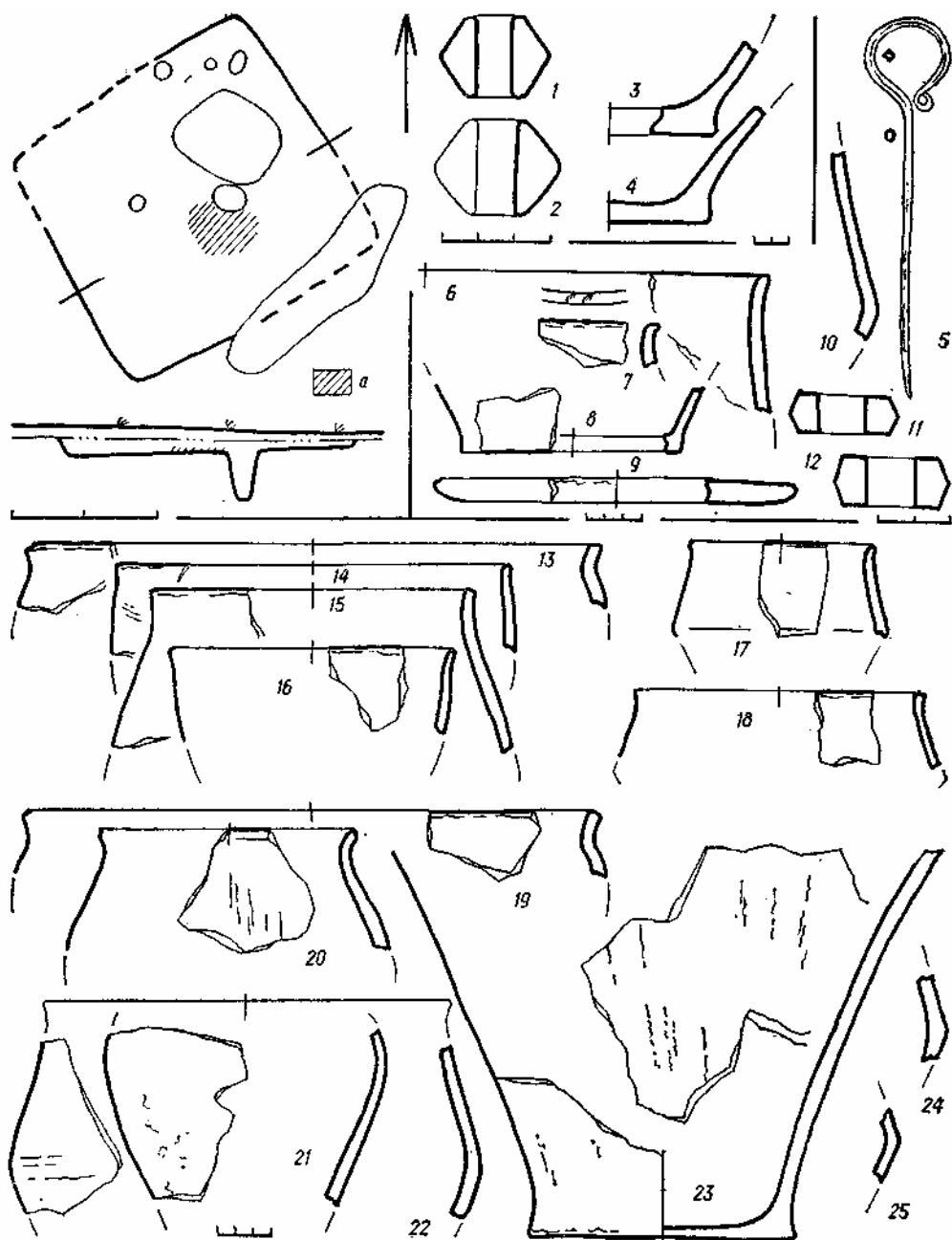

Табл. 5. 1—12 — Киреевка 1 (1—4 — комплекс жилища 1; 5—12 — находки из хозяйственных ям), 13—25 — Киреевка 2, комплекс жилища 1 (5 — железо; остальное — глина); а — место очага.

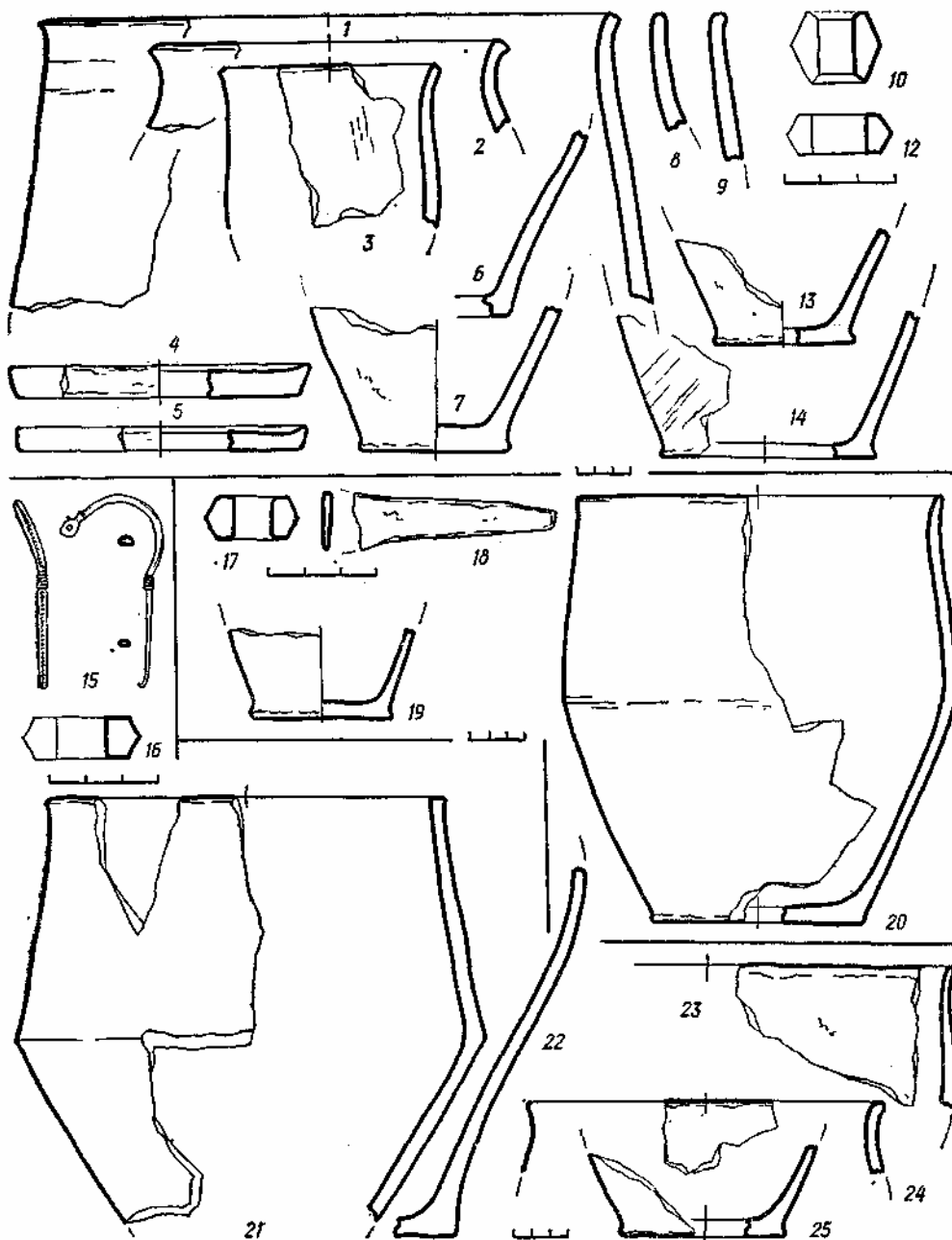

Табл. 6. 1—14 — Вишенки, находки из ям и культурного слоя; 15, 16 — Куриловка, подъемный материал; 17—20 — Мезин (уроч. Хоромки), комплекс ямы 1; 21—25 — Мезин (уроч. Забродки), находки из культурного слоя (15 — бронза; 18 — железо; остальное — глина).

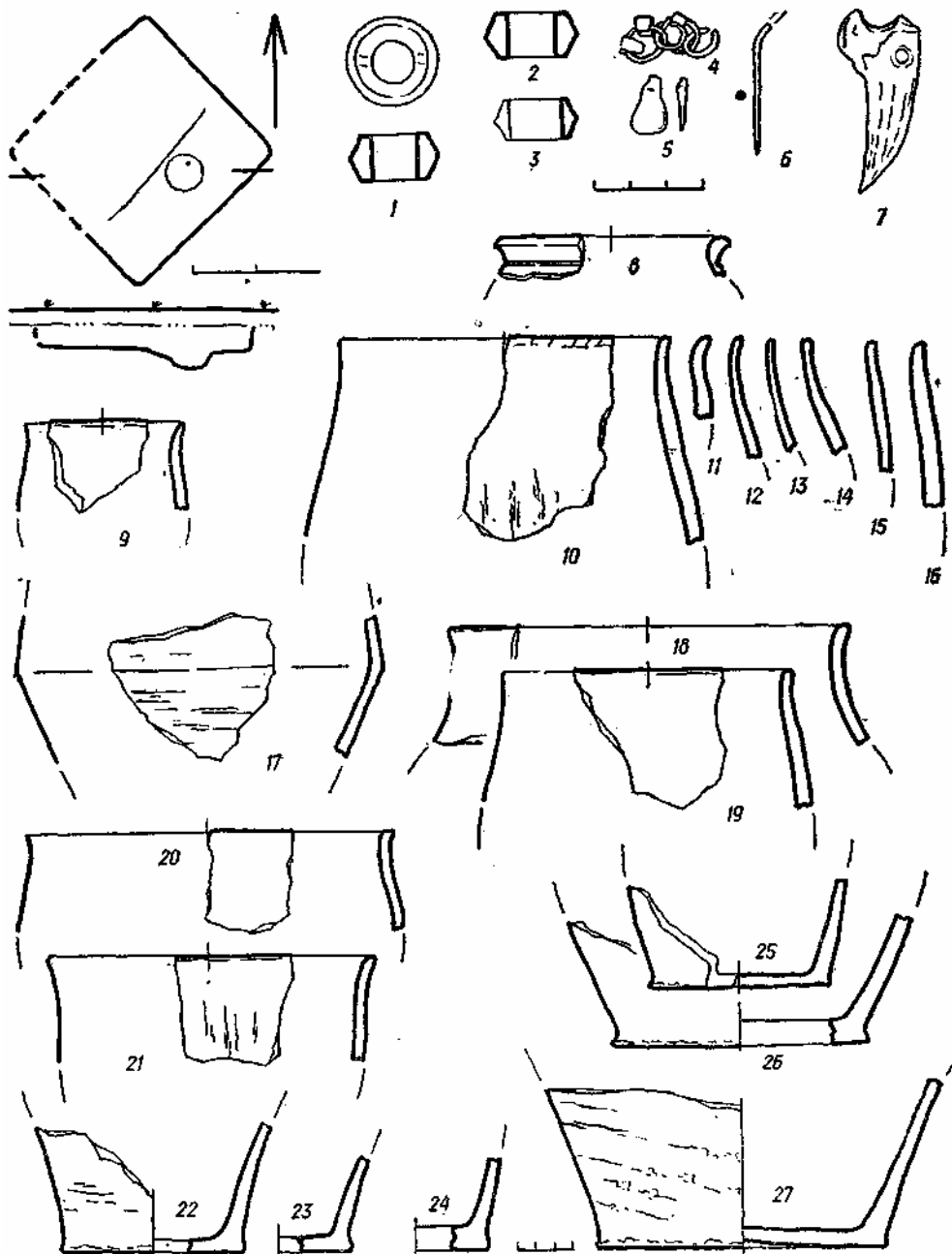

Табл. 7. Выбли. Комплекс жилища 1 (1—3 — глина; 4—6 — бронза; 7 — кость; 5 — фрагмент Черняховского гончарного сосуда; остальное — лепная керамика).

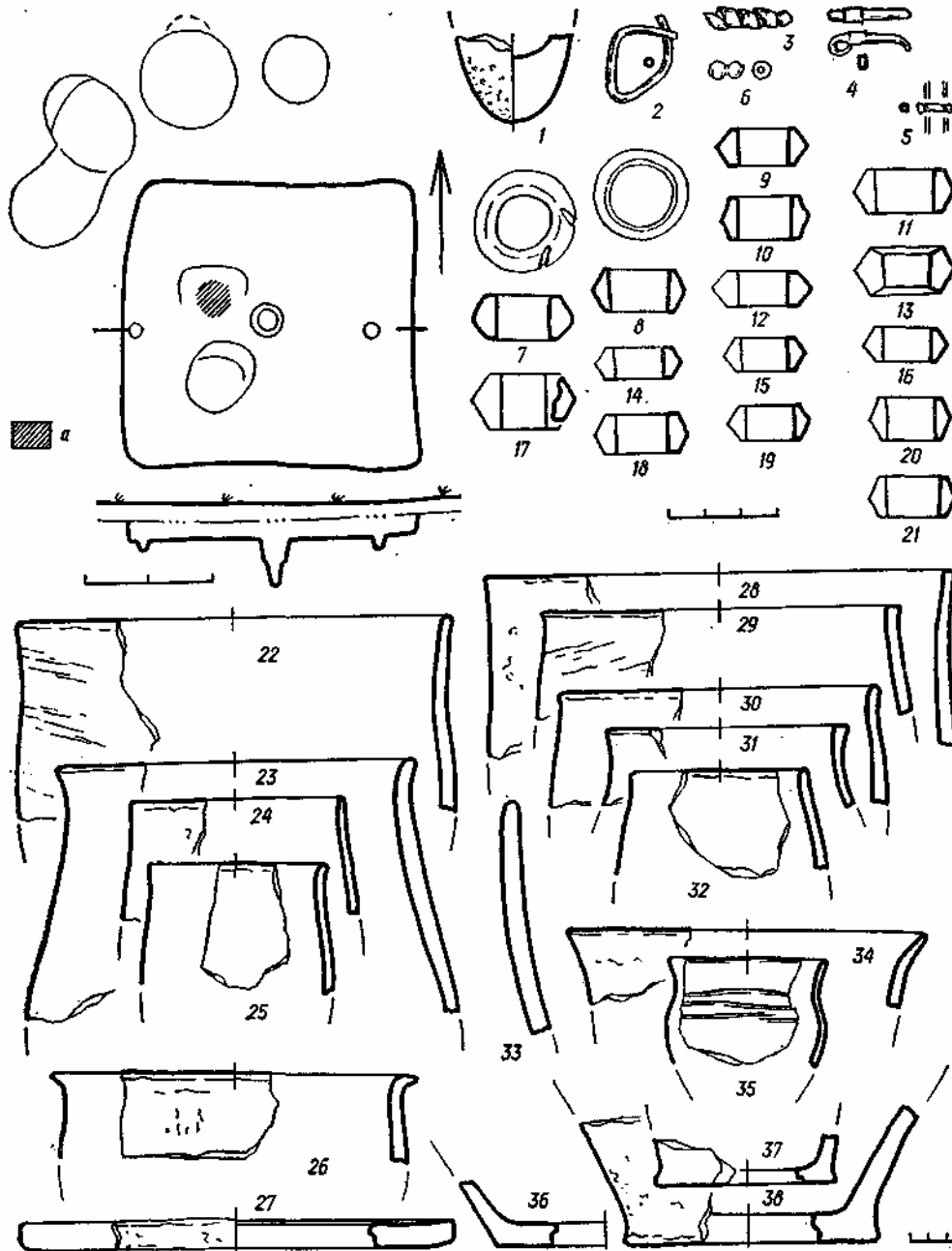

Табл. 8. Киселевка 2. Комплекс жилища 1 (1, 7—21 — глина; 2, 3—5 — бронза; 6 — стекло; остальное — лепная керамика); а — место очага.

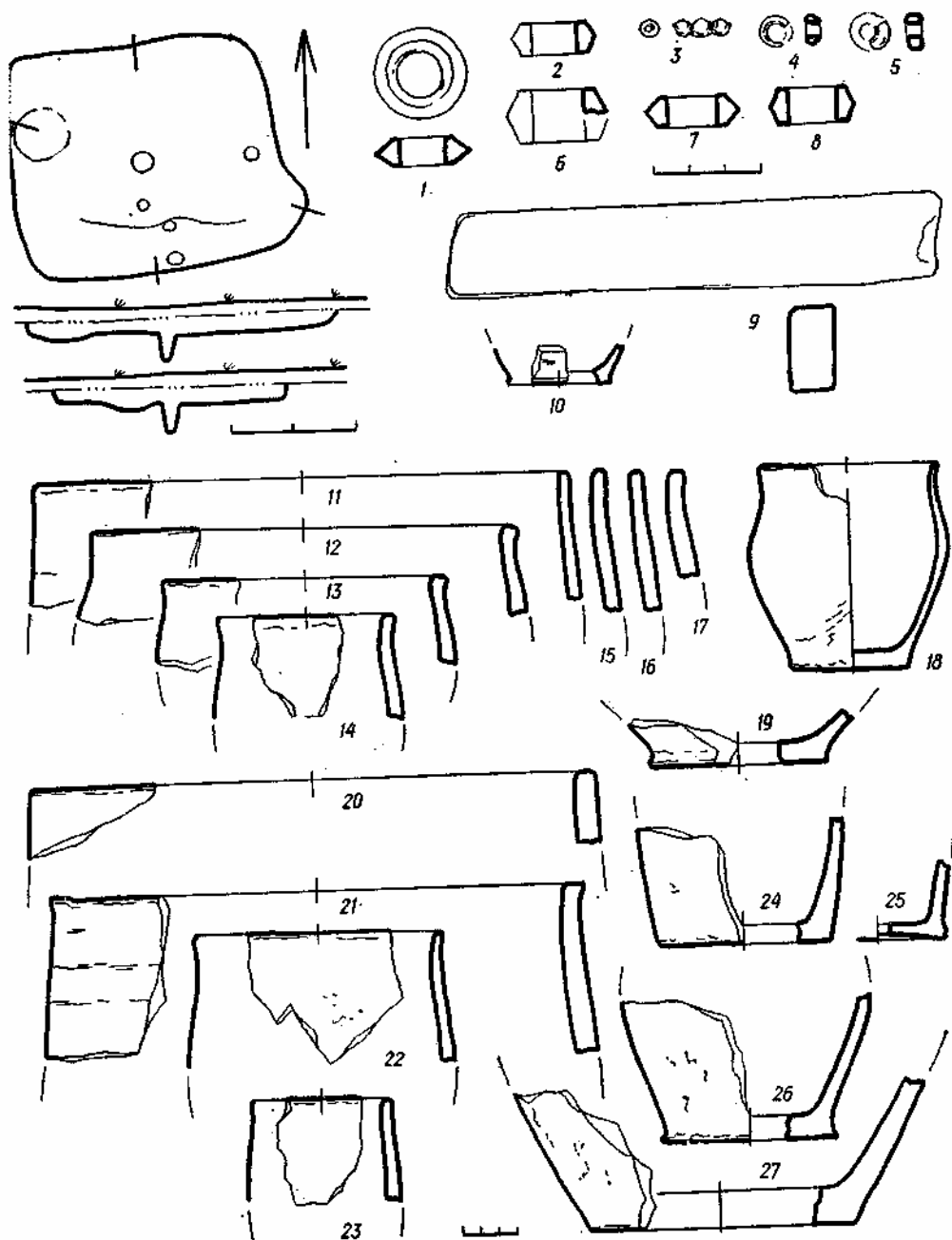

Табл. 9. Киселевка 2. Комплекс жилища 3 (1, 2, 6—8 — глина; 3—5 — стекло; 9 — камень; 10 — фрагмент Черняховского гончарного сосуда; остальное — лепная керамика).

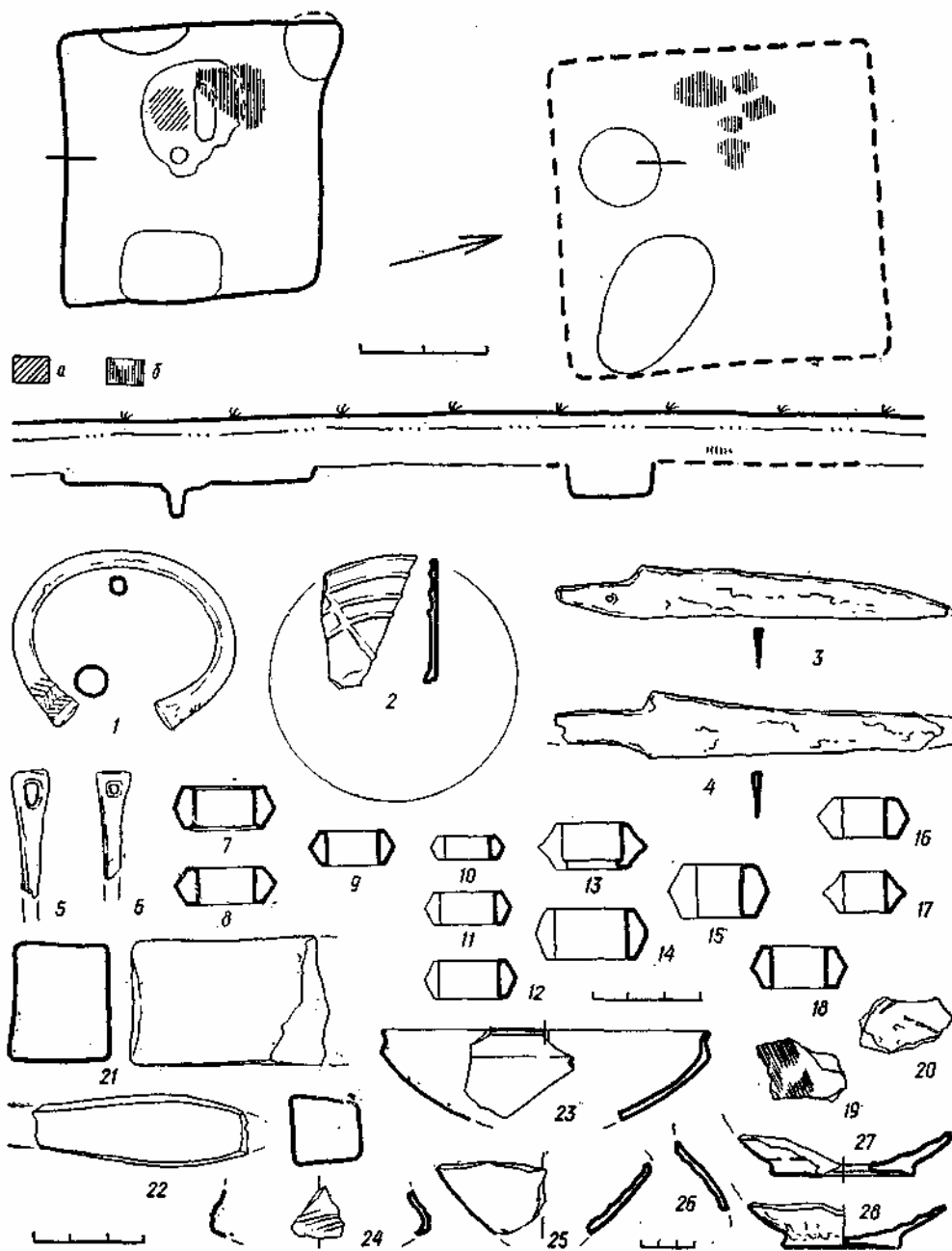

Табл. 10. Ульяновка 1. Находки из жилища 1 и постройки 2 (1, 2 — бронза; 3, 4 — железо; 5, 6 — кость; 7—18 — глина; 19, 20 — лепная керамика; 21, 22 — камень; 23—28 — черняховская гончарная керамика); а — место очага; б — скопления обожженной глиняной обмазки.

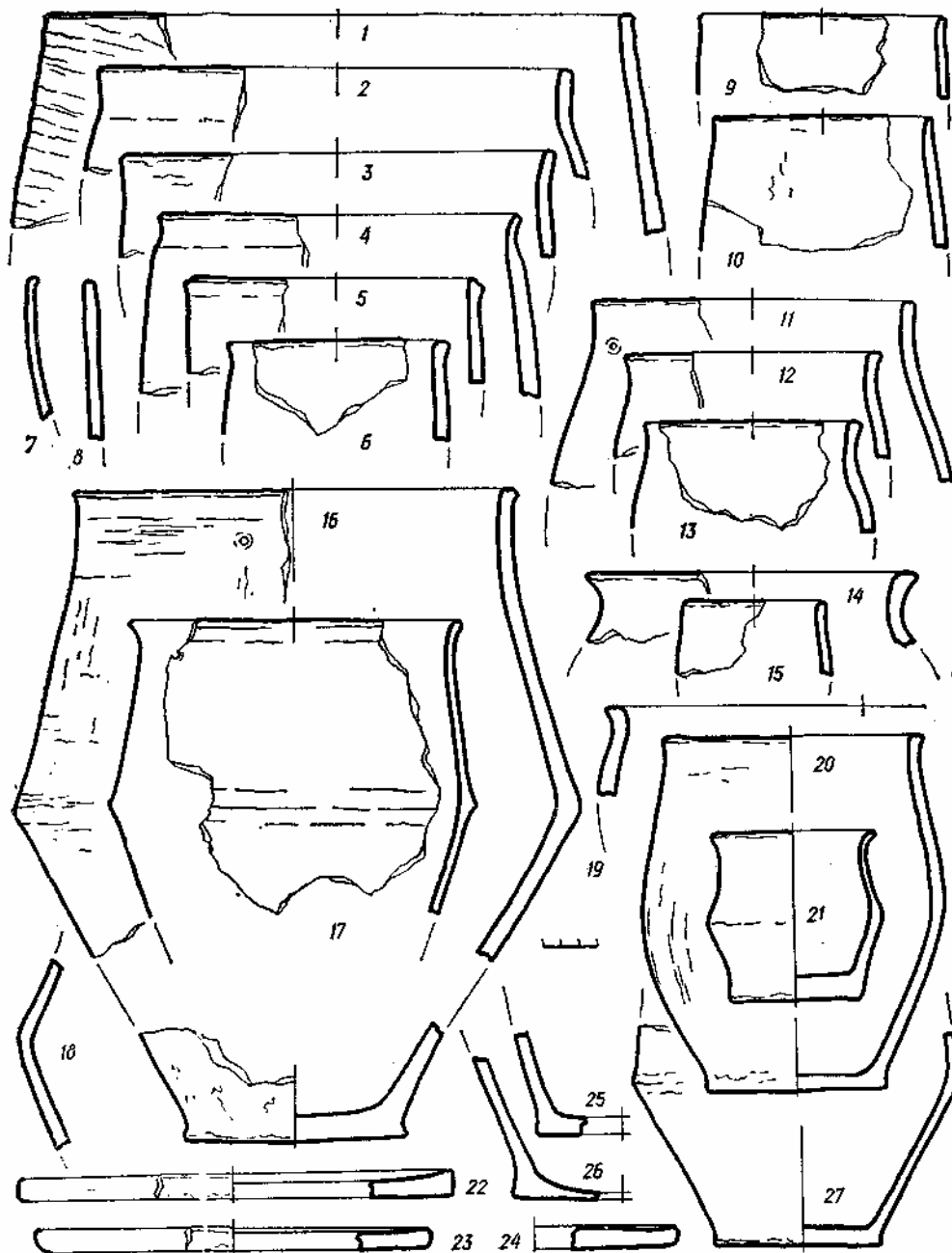

Табл. 11. Ульяновка 1. Лепная керамика из жилища 1 и постройки 2.

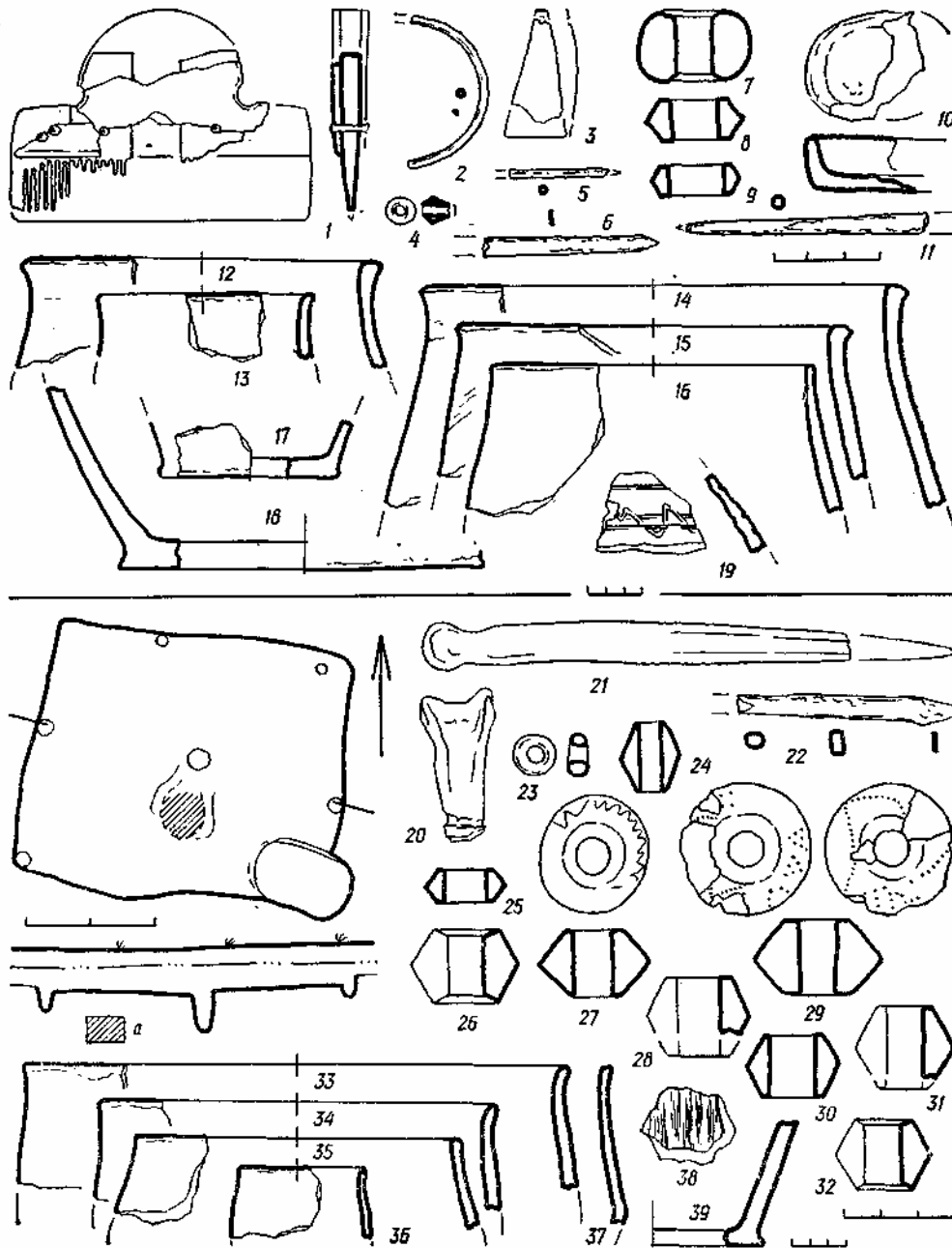

Табл. 12 Ульяновка I: 1—19 — комплекс жилища 3; 20—39 — комплекс жилища 4 (1, 20, 21 — кость; 2, 3 — бронза; 4, 23 — стекло; 5, 6, 11, 22 — железо; 7—10, 24—32 — глина; 19 — фрагмент черняховского сосуда; остальное — лепная керамика); а — место очага.

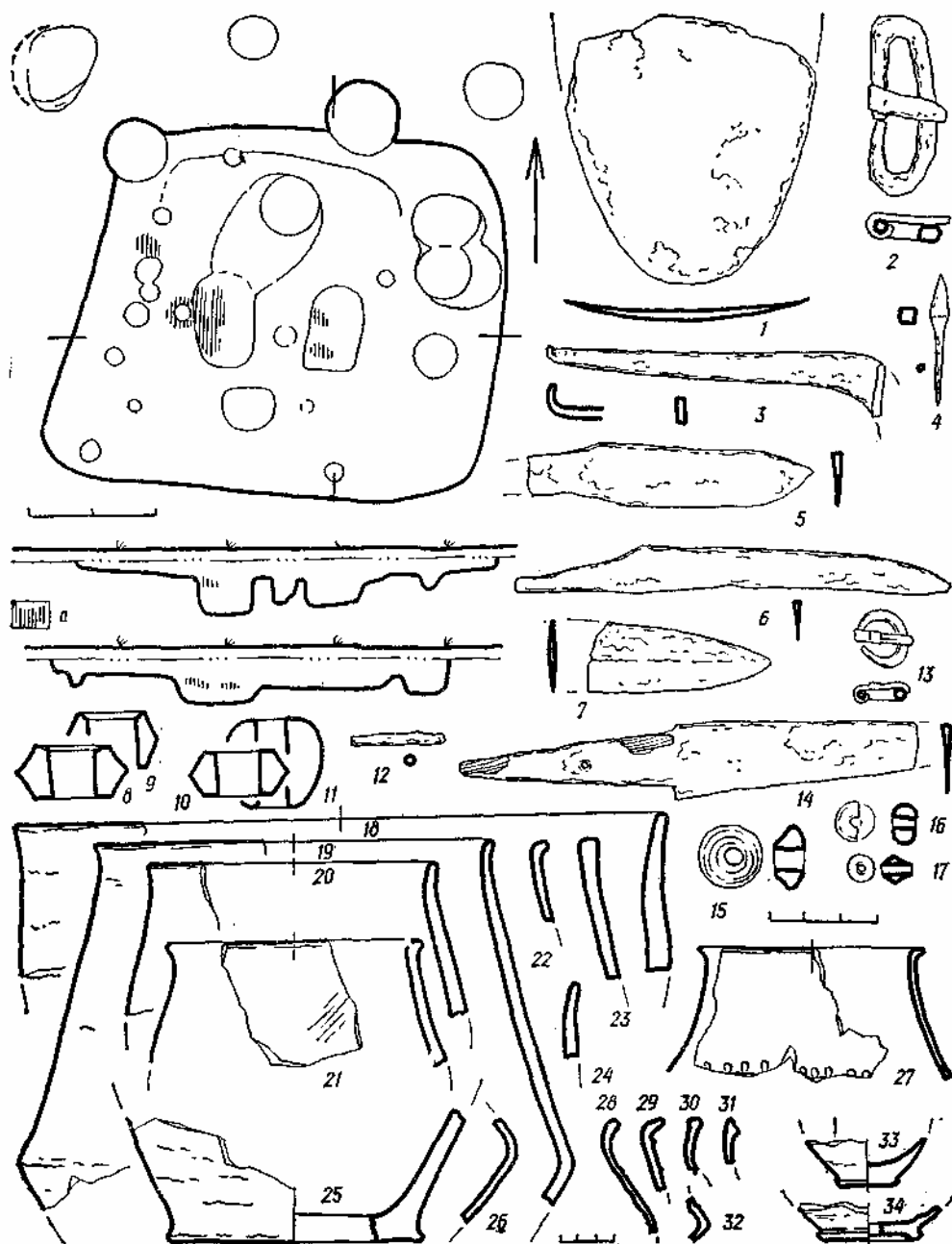

Табл. 13. Ульяновка. 1. Комплекс постройки 5 (1—7, 12, 14, — железо; 13 — бронза; 8—11 — глина; 15—17 — стекло; 28—34 — черняховская гончарная керамика; остальное — лепная керамика); о — скопления обожженной глиняной обмазки.

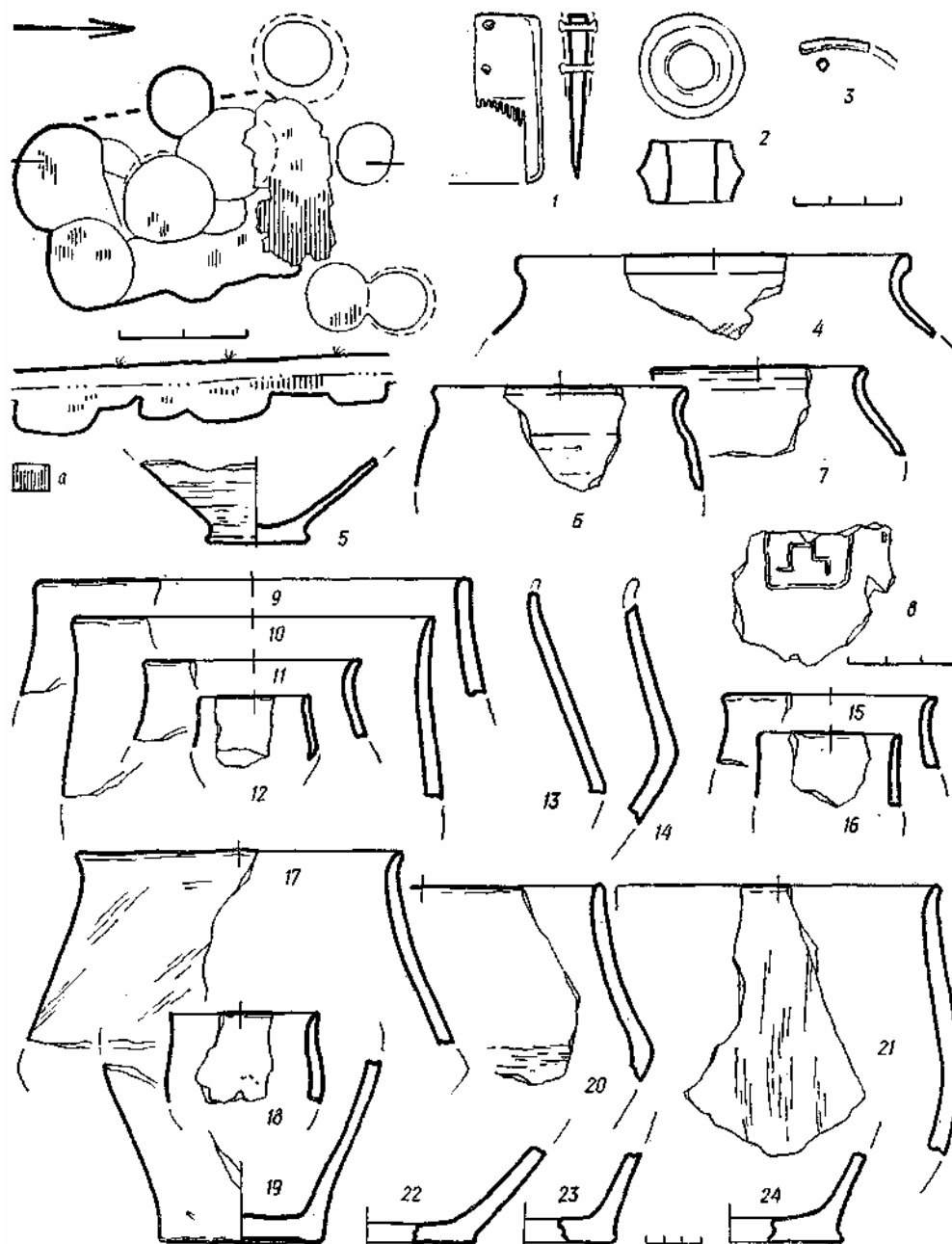

Табл. 14. Роище. Комплекс постройки 1 (1 — кость; 2 — глина; 3 — бронза; 4—7 — черняховская гончарная керамика; остальное — лепная керамика), а — скопления обожженной глиняной обмазки.

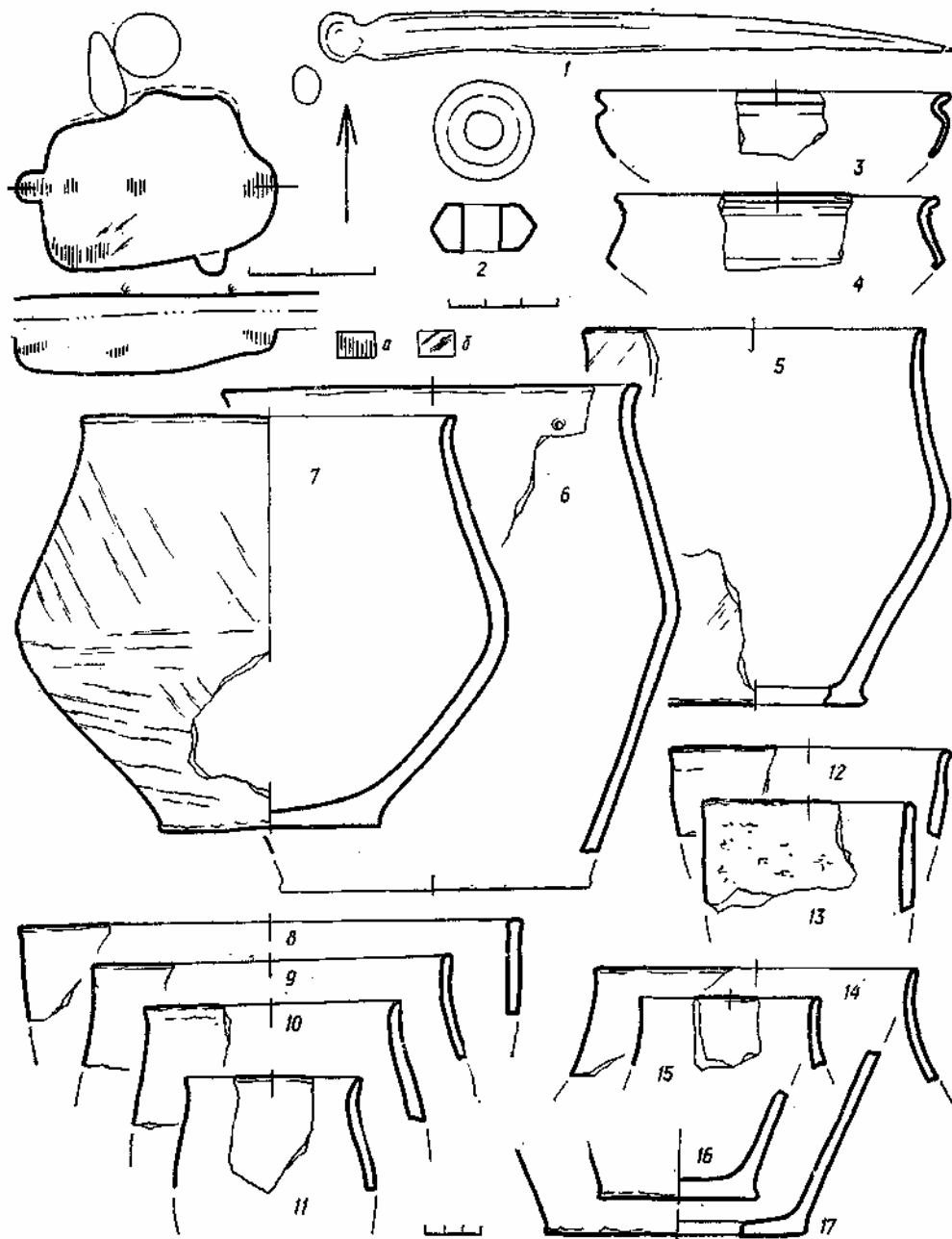

Табл. 15. Роище. Комплекс жилища 2 (1 — кость; 2 — глина; 3, 4 — черняховская гончарная керамика; остальное — лепная керамика); *a* — материковая подсыпка кровли; *b* — сгоревшее дерево.

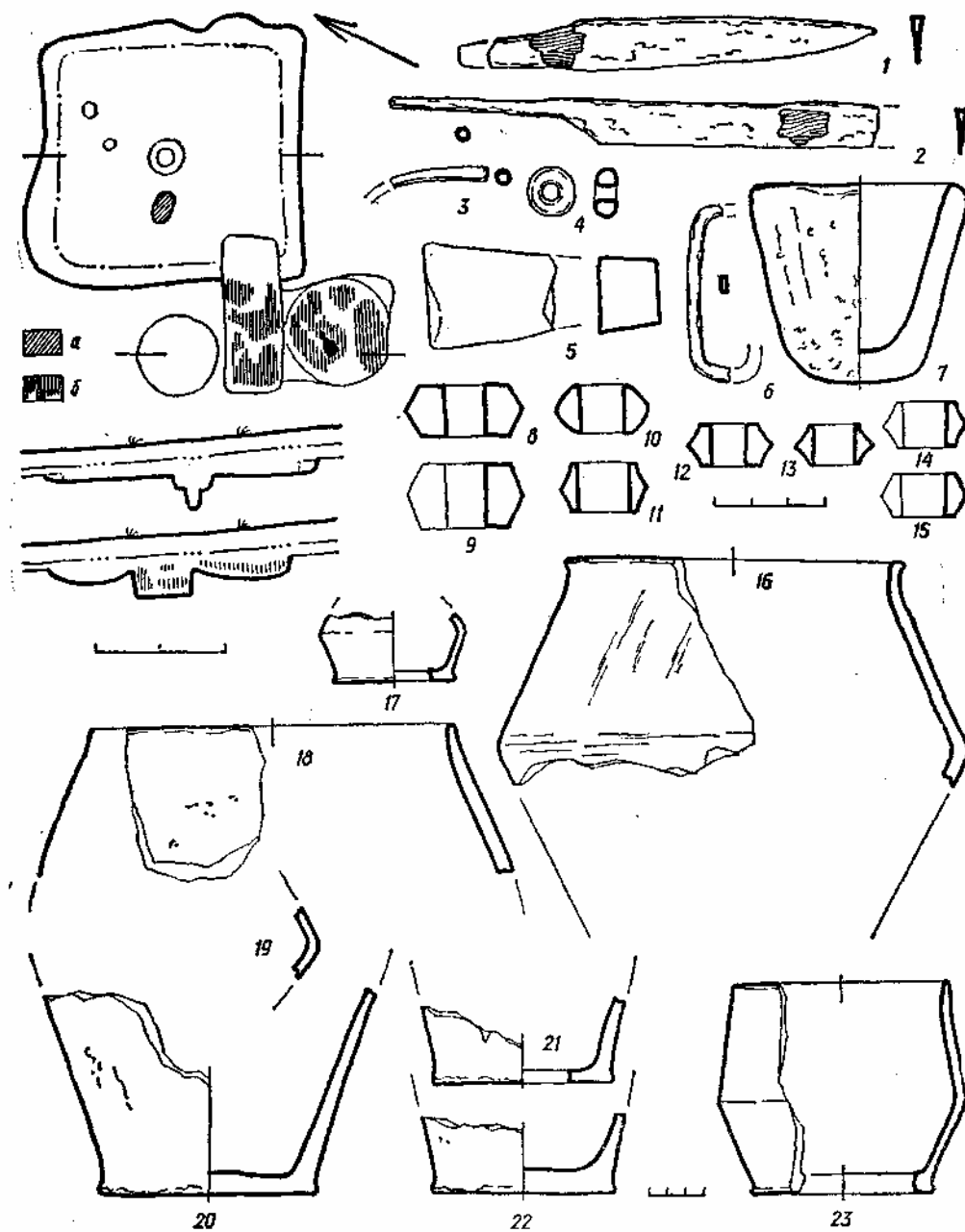

Табл. 16. Роище. Комплекс жилища 3 (1, 2, 6 — железо; 3 — серебро; 4 — стекло; 5 — камень; 7—16 — глина; остальное — лепная керамика); а — очаговая яма; б — скопления обожженной глиняной обмазки.

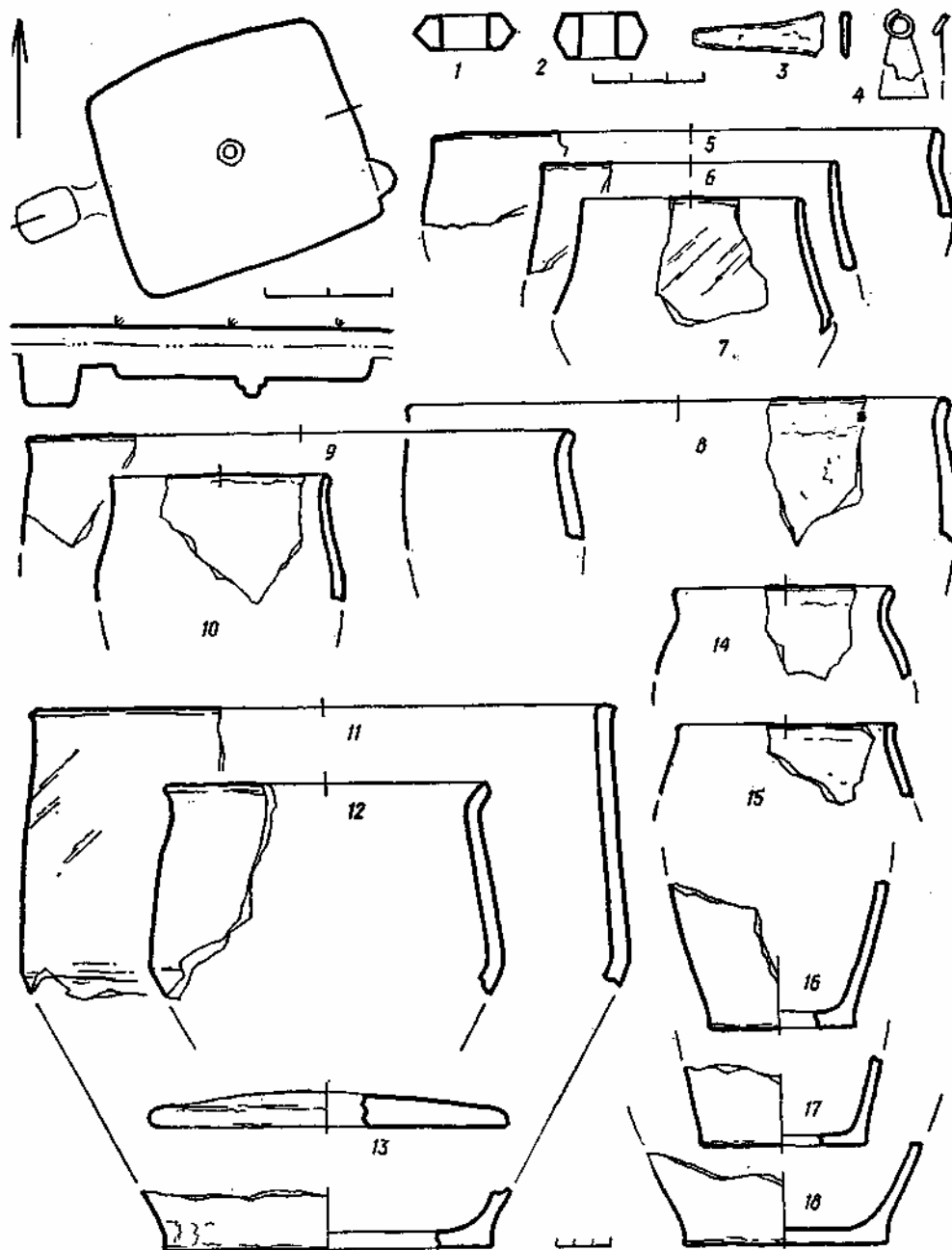

Табл. 17. Роише. Комплекс жилища 4 (1, 2 — глина; 3 — железо; 4 — бронза; остальное — лепная керамика).

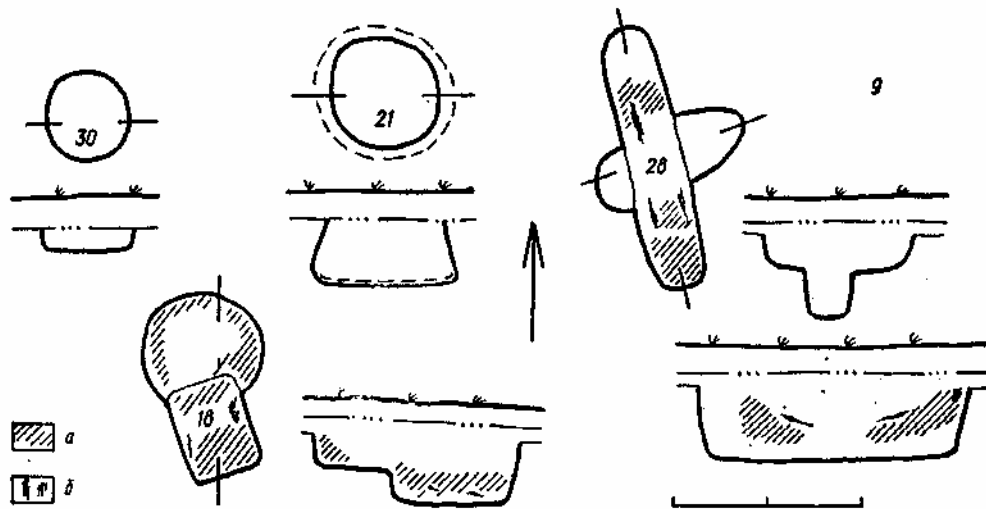
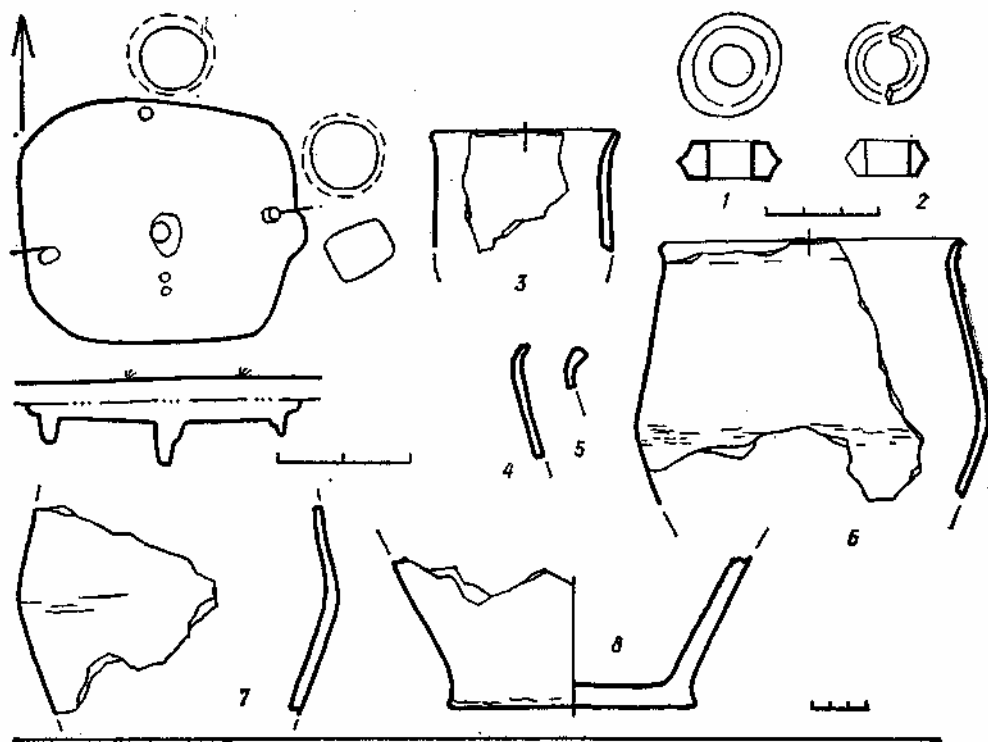

Табл. 18. Роице: 1—8 — комплекс жилища 12 (1, 2 — глина; остальное — лепная керамика); 9 — основные типы хозяйственных ям из раскопа I—II; а — скопления обожженной глиняной обмазки; б — сгоревшее дерево.

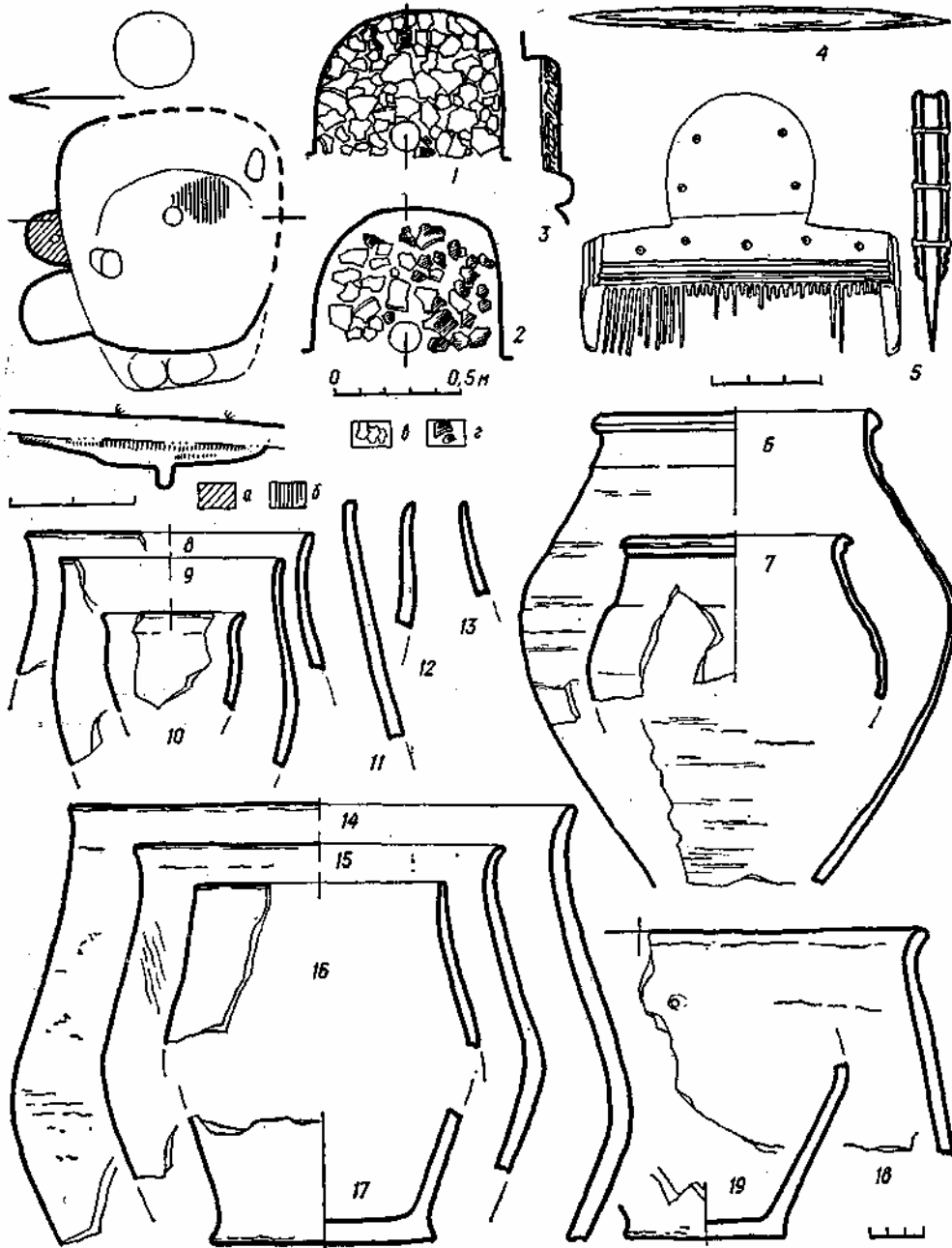

Табл. 19. Роище. Комплекс жилища 14 (1 — план верхнего слоя пола; 2 — план нижнего слоя; 3 — разрез пола; 4, 5 — кость; 6, 7 — черняховская гончарная керамика, остальное — лепная керамика); а — под печи; б — материковая подсыпка кровли; в — черепки лепной посуды; г — черепки гончарной посуды.

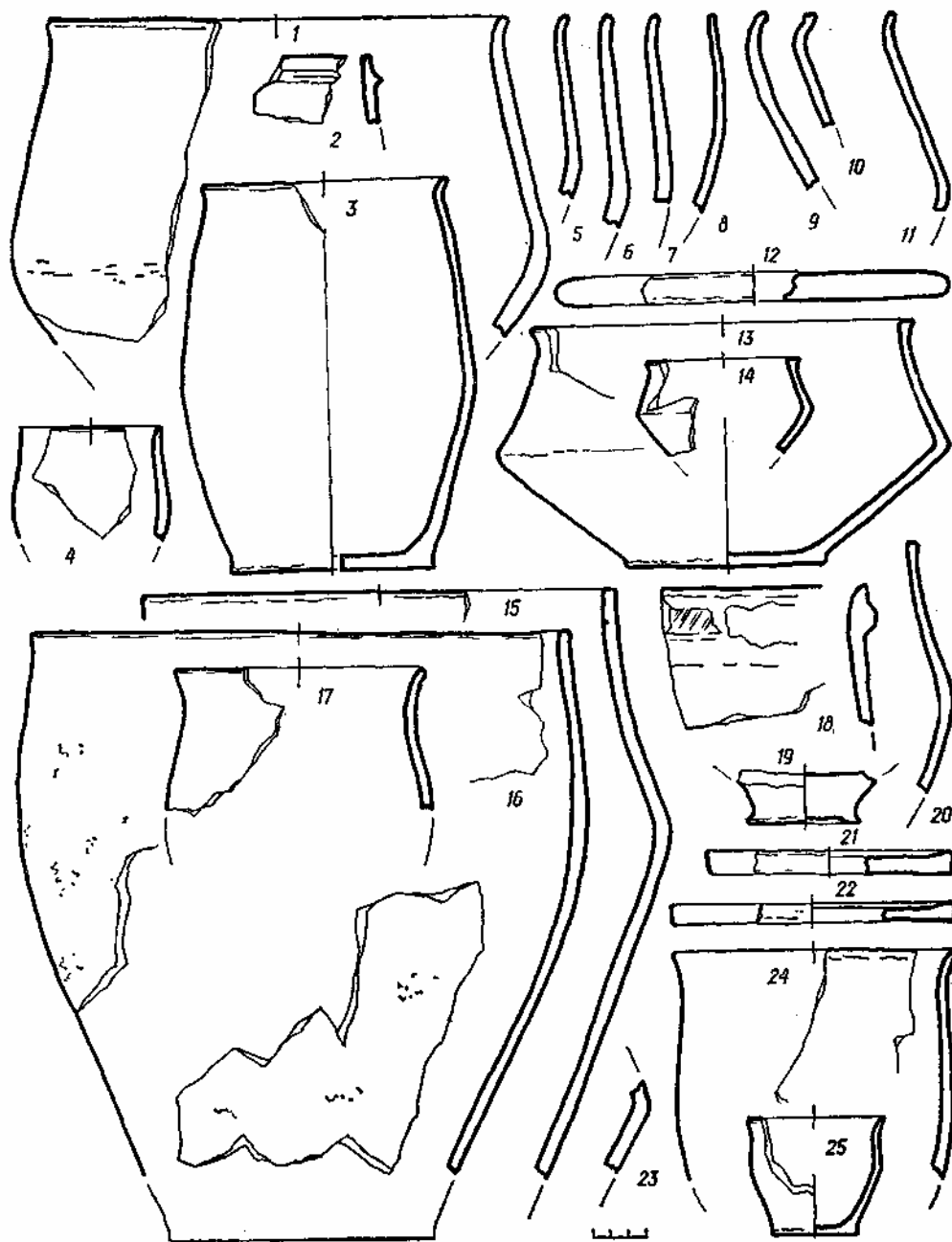

Табл. 20. Роише. Лепная керамика из хозяйственных ям и культурного слоя.

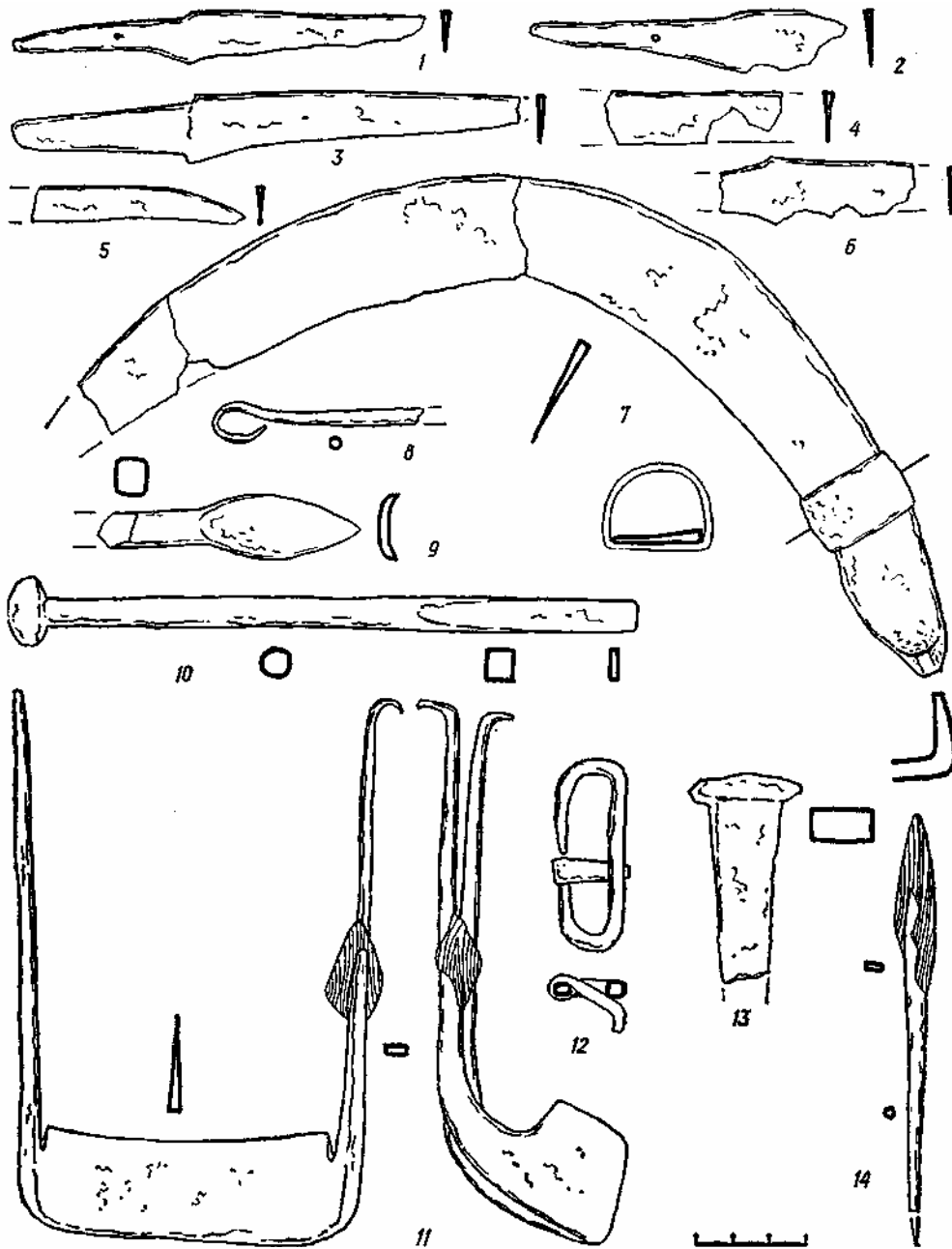

Рис. 21. Роище. Железные изделия из хозяйственных ям и культурного слоя.

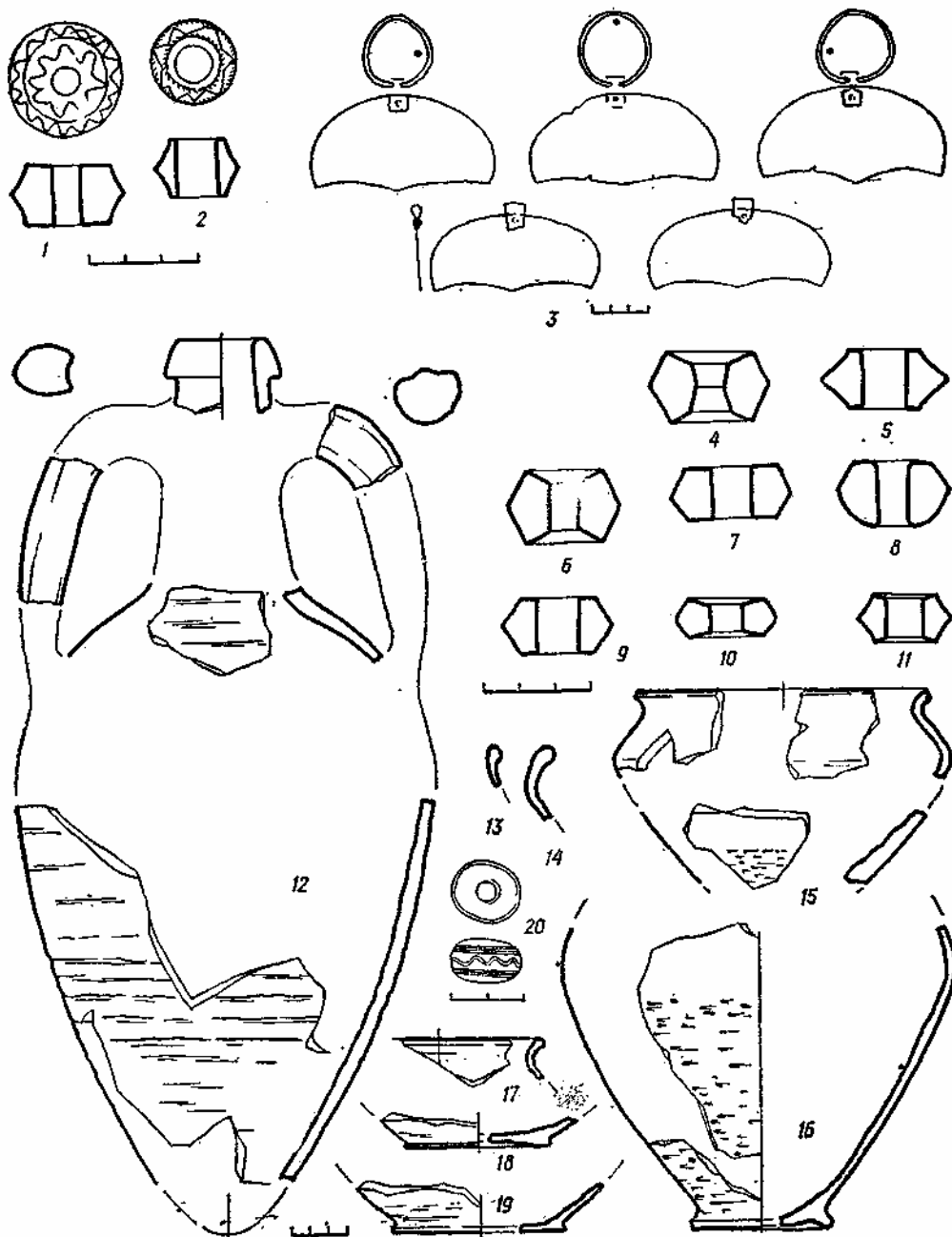

Табл. 22. Роисше. Находки из хозяйственных ям и культурного слоя (1, 2, 4—11 — глина; 3 — серебро; 20 — стекло, остальное — гончарная керамика).

ЛИТЕРАТУРА

- Энгельс Ф. К истории древних германцев.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 19, с. 442—494.
- Абашина Н. С., Гороховський б. Л. Кераміка пізньозарубинецького поселення Обухів III.— Археологія, 1975, вин. 18, с. 61—71.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья.— М.: Наука, 1975.— 94 с.— (САИ; П—12).
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья.— М.: Наука, 1978.— 105 с.— (САИ; П—12).
- Амброз А. К. К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э.—СА, 1964, № 1, с. 56—71.
- Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР.— М.: Наука, 1966.— 113 с.— (САИ; Д1-30).
- Артамонов М. И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья.— Докл. отделений и комнс. Геогр. о-ва СССР, 1970, вып. 15, с. 3—37.
- Балаев М. Х., Виноградов В. В. Раскопки раннесредневекового могильника у с. Харахой.—КСИА АН СССР, 1972, вып. 132, с. 80—86.
- Баран В. Д. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга.— МИА, 1964, № 116, с. 213—252.
- Баран В. Д. Поселення черняхівського типу поблизу с. Дем'янів у Верхньому Подністров'ї.— Археологія, 1971, вип. 1, с. 103—113.
- Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю.— К.: Наук, думка, 1972.— 244 с.
- Баран В. Д. Славяне в середине I тыс. н. з.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев : Наук, думка, 1978, с. 5—39.
- Белан Н. Г. До історії мисливства і тваринництва у племен Правобережної України у I тис. н. е.— Археологія, 1977, вип. 24, с. 29—37.
- Березовец Д. Т., Петров В. П. Лохвицкий могильник.— МИА, 1960, № 82, с. 84—99.
- Березовец Д. Т. Могильники уличів у долині р. Тясмину.— В кн.: Слов'яно-руські старожитності. К.: Наук, думка, 1969, с. 58—71.
- Березовец Д. Т. Черняховская культура и культура славянских племен VI—VIII вв.— КСИА, 1970, вып. 121, с. 15—17.
- Бидзля В. И., Пачкова С. П. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж.— МИА, 1969, № 160, с. 51—74.
- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы.— М.: Наука, 1978.— 272 с.
- Брайчевская А. Т. Черняховские памятники Надпорожья.— МИА, 1960. № 82, с. 148—191.
- Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавинов.—СА, 1972, № 4, с. 102—115.

- Вірлич А. Е.* Сарматське поховання в Білозерському районі Херсонської області.— Археологія, 1965, вид. 19, с. 117—118.
- Вознесенская Г. А.* Техника обработки железа и стали.— МИА, 1972, № 187, с. 8—49.
- Вознесенская Г. А.* Техника кузнечного производства у славян VIII—X вв.— СА, 1979, № 2, с. 70—76.
- Воляник В. К.* Могильник черняхівської культури у верхів'ях р. Горинь.— Археологія, 1974, вип. 13, с. 65—79.
- Вороное Ю. Н., Юшин В. А.* Ранний горизонт (II—IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия).— СА, 1979, № 1, с. 181—198.
- Гайдюкевич В. Ф.* К вопросу о ткацком ремесле в Боспорских поселениях.— МИА, 1952, № 25, с. 395—414.
- Тенин В. Ф.* Проблема соотношения археологической культуры и этноса.— В кн.: Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск : Удмурт. НИИ истории, экономики, лит. и яз., 1976, с. 3—37.
- Генинг В. Ф.* Тураевский могильник V в. н. э. (захоронения военачальников).— В кн.: Из истории Волго-Камья. Казань: Изд-во Казан. фил. АН СССР, 1976а, с. 55—108.
- Герета И. П.* Новые исследования в Чернеливе-Русском.— АО 1977 г., М., 1978, с. 310—311.
- Гонак В. Д.* Кузнечное ремесло славян Днепро-Днестровского лесостепного междуречья в VI—VIII вв. н. э. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1976.— 19 с.
- Горнунг Б. В.* Из предыстории образования общеславянского языкового единства.— В кн.: V Междунар. съезд славистов : София, 1963 (Докл. сов. делегации). М.: Изд-во АН СССР, 1963.— 142 с.
- Горюнов Е. А.* Поселения у с. Чулатово.— КСИА АН СССР, 1971, вып. 125, с. 41—45.
- Горюнов Е. А.* Селище Целиков Бугор на Средней Десне.— КСИА АН СССР, 1972, вып. 129, с. 42—46.
- Горюнов Е. А.* Древности I тыс. н. э. нижнего течения р. Снова.— КСИА АН УССР, 1974, вып. 140, с. 68—72.
- Горюнов Е. А.* Некоторые древности I тыс. н. э. на Черниговщине.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974а, с. 119—125.
- Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепро-Днестровского Левобережья.— Л.: Наука, 1981.— 135 с.
- Горюнов Е. А., Казанский М. М.* Исследование памятников I тыс. н. э. на Полтавщине.— АО 1977 г., М., 1978, с. 314.
- Даниленко В. Н.* Славянские памятники I тыс. н. э. в бассейне Днепра.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 4, с. 27—29.
- Даниленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки кийського типу.— Археологія, 1976, вип. 19, с. 65—92.
- Деоник Д. В., Круг О. Ю.* Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками.— СА, 1972, № 3, с. 100—115.
- Дубынин А. Ф.* Щербинское городище.— Вкл.: Дьяковская культура. М.: Наука, 1974., с. 198—281.
- Дьяченко А. Г.* Работы Славянского отряда.— АО 1976 г., М., 1977, с. 291—292.
- Жучкевич В. А.* К анализу топонимического материала.— В кн.: Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск : Наука и техника, 1974, с. 122—126.
- Заверняев Ф. М.* Почепское селище.— МИА., 1969, № 160, с. 88—118.
- Зеест И. В.* Керамическая тара Боспора.— М. : Изд-во АН СССР, 1960.—180 с.— (МИА; № 83).
- Зеленецька І. В.* Нове поселення зарубинецького типу на Подесенні.— Археологія, 1980, вип. 33, с. 80—87.
- Ильинская В. А.* Новые данные о памятниках середины I тыс. н. э. в Днепро-Днестровской левобережной Лесостепи.— В кн.: Славяне и Русь. М.: Наука, 1968, с. 55—61.
- Каспарова К. В.* Зарубинецкий могильник Велемичи II.— АСГЭ, 1972, вып. 14, с. 53—111.
- Каспарова К. В.* О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья.— СА, 1976, № 3, с. 128—140.
- Корзухина Г. Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье.— М.: Наука, 1978.— 123 с.— (САИ, Е 1-43).
- Корпусова В. М.* Сільське населення пізньоантичного Боспору.— Археологія, 1973, вип. 8, с. 27—45.
- Кравченко Н. М.* Косановский могильник.— МИА, 1967, № 139, с. 77—135.
- Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховский б. Л.* Нові пам'ятки I тис. н. е. в Київському Подніпров'ї.— Археологія, 1975, вип. 15, с. 87—98.
- Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л.* О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тыс. н. э.— СА, 1979, № 2, с. 51—69.
- Кравченко Н. М.* Исследование славянских памятников на Стугне.— В кн.: Славяне и Русь. Киев: Наук. думка, 1979, с. 74—92.
- Краснов Ю. А.* Локальные особенности животноводства в лесной полосе Восточной Европы в эпоху раннего железа.— КСИА АН СССР, 1967, вып. 112, с. 31—37.
- Краснов Ю. А.* К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры.—

- КСИА АН СССР, 1971, вып. 128, с. 3—11.
- Кропоткин В. В.* К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.: Наука, 1970, с. 146—160.
- Кузнецов Г. О.* Дослідження пам'яток раннього залізного віку на Чернігівщині.— Археологія, 1977, вип. 21, с. 107—109.
- Кузнецов Г. А., Шекун А. В., Шуляк В. В.* Исследования в окрестностях Чернигова.— АО 1976 г. М., с. 319—320.
- Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура.— М.: Наука, 1964.—67 с.—(САИ, Д 1—19).
- Кучера М. П., Юра Р. О.* Дослідження Змійових валів у Середньому Подніпров'ї.— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. К.: Наук. думка, 1976, с. 198—216.
- Лебедева Н. И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.— ТИЭ, 1956, вып. 31, с. 459—540.
- Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое.— М.: Изд-во АН СССР, 1958.— 236 с.— (МИА, № 74).
- Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.—383 с.— (МИА, № 104).
- Максимов Е. В.* Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье.— МИА, 1969, № 160, с. 39—45.
- Максимов Е. В., Орлов Р. С.* Поселение и могильник второй четверти I тыс. н. э. у с. Назаровичи близ Киева.— В кн.: Ранне-средневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974, с. 11—21.
- Максимов Е. В., Терпиловский Р. В.* Поселения киевского типа близ Чернигова.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев: Наук. думка, 1978, с. 91—108.
- Максимов Е. В., Терпиловский Р. В.* Поселения киевского типа у с. Ульяновка на Десне.— В кн.: Славяне и Русь. Киев: Наук. думка, 1979, с. 21—37.
- Маринич О. М.* Українське Полісся (фізико-географічний нарис).— К.: Рад. школа, 1962.—163 с.
- Махно в. В.* Розкопки на поселеннях першої половини I тис. н. е. в верхній течії Сули.— АП, 1955, вип. 5, с. 79—85.
- Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке.— М.: Наука, 1967.—196 с.
- Мельниковська О. М.* Могильник юхнівської культури та ранньосередньовічне поселення на Чернігівщині.— Археологія, 1977, вип. 24, с. 60—68.
- Минасян Р. С.* Раннеславянский хозяйственно-бытовой инвентарь и его появление в лесной зоне Восточной Европы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1980.— 20 с.
- Миролюбов М. А.* Орудия вторичной-обработки почвы и уборки урожая из Старой Ладogi.— АСГЭ, 1976, вып. 17, с. 119—124.
- Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Белоруссии.— Минск: Наука и техника, 1978.—160 с.
- Митрофанова В. I.* Пам'ятки зарубинецького часу на Донці.— Археологія, 1965, вип. 18, с. 190—195.
- Моора Х. А.* Возникновение классового общества в Прибалтике.— СА, 1953, вып. 17, с. 105—132.
- Мулярчук С. О.* Рослинність Чернігівщини.— К.: Вища школа, 1970.— 211 с.
- Непокупный А. П.* Балто-севернославянские языковые связи.— Киев: Наук. думка, 1976.— 224 с.
- Непріна В. I., Корпусова В. М.* Розвідка по Десні та Сейму.— В кн.: Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. К.: Наук. думка, 1972, с. 347—352.
- Непріна В. I.* Максаківське багатощарове поселення на Чернігівщині.— Археологія, 1974, вип. 14, с. 49—56.
- Никитина Г. Ф.* Гребни черняховской культуры.— СА, 1969, № 1, с. 147—159.
- Никитина Г. Ф.* Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тыс. до н. э.— первой половине I тыс. н. э.— В кн.: Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. М.: Наука, 1974, с. 5—132.
- Никольская Т. Н.* К истории домостроительства у племен бассейна Верхней Оки.— МИА, 1970, № 176, с. 83—90.
- Пачкова С. П.* Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери.— К.: Наук. думка, 1974.— 136 с.
- Пашкевич Г. О., Балашов Л. С.* Розвиток рослинності р. Снов у голоцені.— Фіз. географія та геоморфологія, 1971, № 6, с. 66—72.
- Перхавко В. В.* Ранне-средневековые древности междуречья Днепра и Немана V—VIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1978.— 22 с.
- Перишц А. И.* Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории.— ТИЭ, 1960, вып. 54, с. 151—172.
- Петров В. П.* Черняховский могильник.— МИА, 1964, № 116, с. 53—117.
- Петров В. П.* Етногенез слов'ян.— К.: Наук. думка, 1972.— 214 с.
- Поболь Л. Д.* Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белоруссии.— В кн.: Древности Белоруссии: (Докл. конф. по археологии БССР): Минск, 1966. Минск: Изд-во АН БССР, 1966, с. 205—217.

- Поболь Л. Д.* Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья.— В кн.: Древности Белоруссии: (Докл. конф. по археологии БССР) : Минск, 1969. Минск :Изд-во АН БССР, 1969, с. 89—117.
- Поболь Л. Д.* Посоховидные булавки (О времени их появления, территории распространения и этнической принадлежности).— ААС, 1971, № ХН/1—2, с. 239—247.
- Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры).— Минск : Наука и техника, 1971а.— 232 с.
- Поболь Л. Д.* О новых археологических памятниках БССР VI—IX вв.— В кн.: Славяните и средиземноморский свят VI—XI век. София :Изд-во БАН, 1973, с. 221—230.
- Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры).— Минск : Наука и техника, 1973а.— 240 с.
- Поболь Л. Д., Наумов В. Д.* О некоторых предметах материальной культуры селища Абидни.— В кн.: Докл. к XI конф. молодых ученых БССР : Минск, 1967. Минск : Изд-во АН БССР, 1967, с. 424—441.
- Попко О. О.* Слов'янські археологічні пам'ятки у нижній течії Десни.— В кн.: Середні віки на Україні. К.: Наук. думка, 1971, с. 129—140.
- Попов В. П., Маринич А. М., Ланько А. И.* Физико-географическое районирование Украинской ССР.— Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1968.— 683 с.
- Приходнюк О. М.* Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. е.).—К.: Наук. думка, 1975.— 154 с.
- Приходнюк О. М.* Об этнокультурной ситуации в Днепровском лесостепном пограничье во второй половине I тыс. н. э.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев : Наук. думка, 1978, с. 108—124.
- Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е.— К.: Наук. думка, 1980.— 150 с.
- Рафалович И. А., Лапушнян В. Л.* Работы Рутской экспедиции.— В кн.: Археологические исследования в Молдавии в 1972 г. Кишинев : Штиинца, 1974, с. 122—140.
- Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Придунавья в первых веках нашей эры.— М.: Наука, 1975.— 336 с.
- Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— М.: Наука, 1973.— 100 с.— (САИ; Е 1—25).
- Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв.— М.: Наука, 1976.— 216 с.
- Рыбаков Б. А.* Исторические судьбы праславяния.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов (VIII Междунар. съезд славистов) : Загреб, 1978. Докл. сов. делегации. М.: Наука, 1978, с. 182—196.
- Савчук А. П.* Поселения зарубинецкой культуры в поречье р. Трубеж.— МИА, 1969, № 160, с. 82—87.
- Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— М.: Наука, 1970.— 200 с.— (МИА, № 163).
- Седов В. В.* Анты.— В кн.: Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978, с. 164—173.
- Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян.— М.: Наука, 1979.— 155 с.
- Седов В. В.* Славяне, балты и финно-угры в свете современных данных.— В кн.: Советская археология в 10-й пятилетке : (Тез. пленар. докл. всесоюз. конф.) : Л., 1979. Л.: Наука, 1979а, с. 41—43.
- Семенов С. А.* Первобытная техника.— Л.: Наука, 1957.— 240 с.— (МИА, № 54).
- Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община.— В кн.: Становление классов и государств. М.: Наука, 1976, с. 7—86.
- Смиленко А. Т., Брайчевский М. Ю.* Черняховское поселение в селе Леськи близ города Черкассы.— МИА, 1967, № 139, с. 30—б1.
- Смиленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.).— К.: Наук. думка, 1975.— 211 с.
- Сорокина Н. П.* О стеклянных кубках с каплями синего стекла из Причерноморья.— СА, 1971, № 4, с. 85—101.
- Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского Левобережья.— Киев : Наук. думка, 1975.— 167 с.
- Сухобоков О. В., Юренко С. П.* Этнокультурные процессы на территории Левобережной Украины в I тыс. н. э.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев : Наук. думка, 1978, с. 124—142.
- Сымонович Э. А.* Памятники черняховской культуры в с. Кринички.— МИА, 1960. № 82, с. 239—252.
- Сымонович Э. А.* Городище Колочин I.— МИА, 1963, № 108, с. 97—137.
- Сымонович Э. А.* Работы на Черняховских памятниках в Приднепровье.— КСИА АН СССР, 1963а, вып. 94, с. 80—87.
- Сымонович Э. А.* Северная граница памятников черняховской культуры.— МИА, 1964, № 116, с. 7—44.
- Сымонович Э. А.* О связях лесных и лесостепных культур Поднепровья (по керамическим материалам).—СА, 1966, № 3, с. 38—51.
- Сымонович Э. А.* Итоги исследований черняховских памятников в Северном При-

- черноморье.—МИА, 1967, № 139, с. 205—237.
- Сымонович Э. А.* Поселения VI—VII вв. на Черниговщине.—КСИА АН СССР, 1969, вып. 120, с. 64—68.
- Сымонович Э. А.* Раннесредневековая культура лесной полосы Поднепровья (типа Колочин—Акатово) и ее место в славянском этногенезе.—SAп., 1975, № 22, с. 17—28.
- Сымонович Э. А.* Курская новостроечная экспедиция.—АО 1978 г. М., 1979, с. 95—96.
- Таутавичюс А.* Манжетовидные браслеты в Литве.— В кн.: Археологические исследования, посвященные памяти Х. Моора. Таллин : Валгус, 1970, с. 197—201.
- Телегин Д. Я., Беляева С. О.* Памятки ранньослов'янського часу на Орелі.— Археологія, 1975, вип. 18, с. 95—107.
- Терпиловский Р. В.* Новые памятники III—IV вв. н. э. в Черниговском Подесенье.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев : Наук. думка, 1977, с. 123—141.
- Топоров В. И., Трубочев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья.— М.: Наука, 1962. 266 с.
- Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья.— Л. : Изд-во АН СССР, 1941.— 150 с.— (МИА, № 5).
- Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.— Л. : Наука, 1966.— 308 с.
- Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности.— Л. : Наука, 1970.— 156 с.— (МИА, № 179).
- Третьяков П. Н.* Из предыстории славянского жилища.—АР, 1971, № 16/1—2, с. 235—248.
- Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четверти I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974, с. 40—118.
- Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины.— М.; Л.: Наука, 1963.— 194 с.
- Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян.— М.; Л.: Наука, 1962.— 295 с.
- Фролов И. К.* О домостроительстве первой половины I тыс. н. э. на территории Подесенья и Поочья.— СА, 1979, № 1, с. 63—72.
- Хавлюк П. I.* Памятки зарубинецької культури на Побужжі.— Археологія, 1971, вип. 4, с. 84—96.
- Хавлюк П. I.* До питання про виготовлення жорен у Давній Русі.— Археологія, 1973, вип. 9, с. 34—40.
- Хавлюк П. II.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974, с. 181—215.
- Хавлюк П. I.* Про реконструкцію черняхівських жорен.— Археологія, 1977, вип. 24, с. 21—28.
- Цалкин В. И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии.— М.: Изд-во АН СССР, 1966.—160 с.— (МИА, № 135).
- Шелов Ц. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры.— КСИА АН СССР, 1978, вып. 156, с. 16—21.
- Шмидехельм М. X.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии.— Таллин : Эстгосиздат, 1955.—369 с.
- Шмидт Е. А.* Днепр-двинские племена в I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— М., 1975.— 34 с.
- Шноре Э., Циммермане И.* Поселение и могильник в Кивты (Восточная Латвия).— В кн.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллини : Валгус, 1966, с. 175—186.
- Шовкопляс А. М.* Исследования на Оболони в Киеве.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов: (Тез. докл. конф.). Киев, 1975, ч. 3, с. 34—35.
- Шуцаевский В.* «Татарская Горка» близ гор. Чернигова.— В кн.: Тр. Моск. предварител. ком. по устройству XV археол. съезда. М., 1911, с. 244—258.
- Шукин М. Б.* Археологические данные о славянах II—IV вв.: Перспективы ретроспективного метода.— АСГЭ, 1976, вып. 17, с. 67—81.
- Шукин М. Б.* О начальной дате черняховской культуры.— РА, 1976а, № 22, с. 303—317.
- Шукин М. Б.* К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры.— КСИА АН СССР, 1979, вып. 158, с. 17—22.
- Юркова Н. В., Коваленко В. П.* Шзньозарубинецькі поселення на Чернігівщині.— Археологія, 1975, вип. 18, с. 71—75.
- Янушевич З. В.* Культурные растения на юго-западе СССР по палеоботаническим исследованиям.— Кишинев : Штиинца, 1976.— 214 с.
- Böhme H. W.* Germanische Grabfunde des 4 bis 5 Jahrhunderts zwischen Unterer Elbe und Loire.— Münchner beitrage zur Vor- und Frühgeschichte, 1974, N 19A,— 384 S.
- Diaconu Gh.* Tîrghşor, necropola din secolele III—IV e. n.— Bucureşti: Edit. Acad. Republ. Popul. Romane, 1965.—133 s.
- Diaconu Gh.* Mogoşani, necropola din sec. IV e. n.— Tîrgovişte : Edit. Acad. Republ. Popul. Române, 1970.— 60 s.
- Hopf M.* Über einen Roggen aus dem Dreißigjährigen Kriege.— Niedersächsischer landsverein für urgescomte, 1972, N 23, S. 232—239.
- Intercisa II.*— Budapest, 1957.— 655 s.— (АН; N 36).

- Janushevich Z. V.* Fossil Remains of Cultural Plants in the South — West of the Soviet Union — *FQ*, 1975, N 46, p. 23—30.
- Lange E.* The Development of Agriculture during the First Millenium A. D.— *Geologiska Föreningens i Stockholm Förhändlingar*, 1975, N 97/2, p. 115—124
- Navickaitė—Kunciene O.* Reketes kapininas.— In: *Lietuvos Archeologiniai Paminklai*. Vilnius : Mokslas, 1968, s. 161—183.
- Schuldt E.* Pritzler : Ein Urnenfriedhof der späten römischen Kaiserzeit in Meklenburg.— *Dtsch. Akad. Wiss. Berlin*, 1955, N 4—270 s.
- Thomas S.* Studien zu den germanischen Kämmeren der römischen Kaiserzeit.— *Arbeits und Forschungsberichte zur sachsichen Bodendenkmalpflege*, 1960, N 8.—400 s.
- Werner I.* Beiträge zur Archäologie des Attila — Reiches.— *Bayerische Akad. Wiss. Phil.—hist. Klasse*, 1956, N 38A—138s.
- Werner J.* Studien zu Grabfunden des V Jahrhunderts aus der Slowakei und der Karpatenukraine.—*SA*, 1959, N 7/2, s. 422-438.
- Горюнов Е. А.* Отчет об археологическом обследовании поречья р. Снов на участке с. Брусилы — с. Горек Черниговской области в 1970 г.—*НА ИА АН УССР*, р. 1, № 1970/59.
- Коваленко В. П.* Отчет о разведочных работах в Среднем Подесепье в 1976 г.— *НА ИА АН УССР*, р. 1, № 1976/118.
- Максимов Е. В., Петровская Е. А., Попудренко М. А.* и др. Отчет о полевых исследованиях 1975 г. Среднеднепровской раннеславянской экспедиции.— *НА ИА АН УССР*, р. 1, № 1975/24.
- Максимов Е. В., Терпиловский Р. В., Цындровская Л. А.* Отчет о работе Среднеднепровской раннеславянской экспедиции в 1976 г.— *НА ИА АН УССР*, р. 1, № 1976/21.
- Максимов Е. В., Терпиловский Р. В.* Отчет о работах Среднеднепровской раннеславянской экспедиции в 1977 г.— *НА ИА АН УССР*, р. 1, № 1977/4
- Третьяков П. Н.* Отчет об археологических обследованиях на территории Черниговской области в 1966 г.— *НА ИА АН УССР*, р. 1, № 1966/52.
- Третьяков П. Н.* Отчет об археологических исследованиях 1967 г. в Черниговской области.— *НА ИА АН УССР*, р. 1, № 1967/38.
- Третьяков П. Н.* Отчет о работах Деснинского археологического отряда 1970 г.— *НА ИА АН УССР*, р. 1, № 1970/58.
- Третьяков П. Н.* Отчет об археологических обследованиях в Черниговской области в 1973 г.—*НА ИА АН УССР*, р. 1, № 1973/106.
- Шекун А. В.* Отчет Черниговской археологической разведывательной экспедиции 1976 г.— *НА ИА АН УССР*, р. 1, № 1976/53.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ	— Археологические сообщения Государственного Эрмитажа
БАН	— Болгарская Академия наук
КГУ	— Киевский государственный университет
КСИА	— Краткие сообщения Института АН СССР археологии АН СССР
КСИА	— Краткие сообщения Института АН УССР археологии АН УССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА	— Научный архив Института АН УССР археологии АН УССР
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР
ААС	— Acta Archaeologica Carpathica
АН	— Archaeologica Hungarica
АР	— Archeologia Polski
FQ	— Folia Quaternaria
РА	— Prace archeologiczne
SAn.	— Slavia Antiqua
SA	— Slovenska archeologia

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Материальная культура населения Нижнего и Среднего Подесенья III—V вв.	5
Культурно-хронологическая принадлежность и происхождение памятников Подесенья III—V вв.	38
Хозяйственно-бытовой уклад местных племен.	59
Заключение	73
Приложение	86
Литература	116
Список сокращений.	122

Ростислав Всеволодович Терпиловский

РАННИЕ СЛАВЯНЕ ПОДЕСЕНЬЯ III—V вв.

*Утверждено к печати
ученым советом
Института археологии
АН УССР*

Редактор

А. А. ЗОЛОТАРЕВА

Художественный редактор

И. П. АНТОНЮК

Технический редактор

Т. С. БЕРЕЗЯК

Корректоры

О. Е. ИСАРОВА, Н. А. ЛУЦКАЯ,

Л. Ф. СТЕЦЕНКО

Информ. бланк № 6430

Сдано в набор 01.07.83. Подп. в печ. 13.12.83,
БФ 00779. Формат 70X90/16. Бум. тип. № 1. Обыкн.
нов. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 9,07. Усл. кр.-
отт. 8,51. Уч.-изд. л. 10,08. Тираж 1500 экз. Зак.
№ 3—1739 Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наукова думка».
252601 Киев 4, ул. Репина, 3.

Отпечатано с матриц в областной книжной ти-
пографии, Львов, Стефанияка, 11. Зак. 3230.